
ОГОНЁК
51 ДЕКАБРЬ 1964
ДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 51 (1956)

13 ДЕКАБРЯ 1964

Москва. Вечерние огни.

Фото Дм. Бальтерманца.



Перед началом заседания.

9 декабря в Московском Кремле открылась пятая сессия Верховного Совета СССР шестого созыва.

ПОВЕСТКА ДНЯ СЕССИИ:

1. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР от 15 октября 1964 года о назначении тов. Косыгина А. Н. Председателем Совета Министров СССР и об освобождении тов. Хрущева Н. С. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР.

2. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1965 год.

3. О Государственном бюджете СССР на 1965 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1963 год.

4. О председателе Конституционной комиссии.

5. О заместителе Председателя Президиума Верховного Совета СССР от Таджикской ССР.

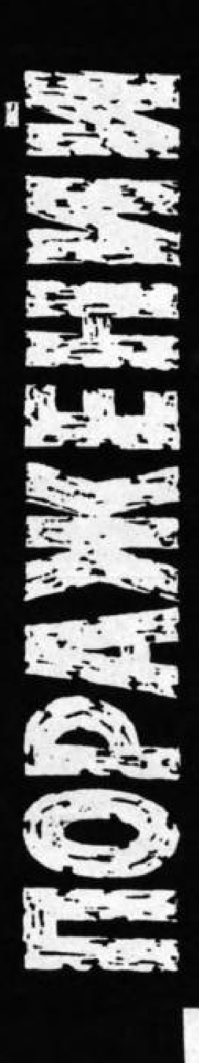
6. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

В зале заседаний. На трибуне — Председатель Совета Министров СССР депутат А. Н. Косыгин.

Фото Дм. Бальтерманца.

В перерыве между заседаниями сессии в Георгиевском зале депутаты Верховного Совета СССР. В первом ряду слева направо: газорезчик М. И. Гнатович, слесарь-сборщик А. И. Безпалко, звеньевая колхоза О. М. Пасека, доктор медицинских наук Г. В. Николаева, председатель колхоза Г. И. Ткачук, бригадир прядильной фабрики В. И. Гаганова, председатель колхоза В. М. Кавун и ткачиха Ю. М. Вечерова.

Александр СЕРБИН

ДОРОГОЙ 

СВИДЕТЕЛЬСТВА АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛА

Перед нами толстая пачка номеров американского еженедельника «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» за последние несколько лет. Этот журнал интересен тем, что он достаточно точно передает мысли и настроения открыто реакционного крыла американского правящего класса. Со страниц его предстает любопытная картина надежд и разочарований, которые испытывали воинственные круги Соединенных Штатов в ходе карательной войны против народа Южного Вьетнама. Эти страницы — летопись позора Америки и свидетельство бессилия империалистов в борьбе с освободительным движением.

Перелистаем эти номера журналов.

1960 ГОД

США сменили на колонизаторской вахте французский империализм в Южном Вьетнаме еще в 1955 году. К 1960 ГОДУ США ВЛОЖИЛИ В ЮЖНЫЙ ВЬЕТНАМ ОКОЛО МИЛЛИАРДА ДОЛЛАРОВ. Марионеточная армия Нго Динь Дьема была реорганизована по американскому образцу, обучена американскими инструкторами и оснащена оружием, доставленным из США. Один из декабрьских номеров журнала сообщал, что эта армия насчитывает 150 000 человек. Еще 31 000 человек находились в рядах гражданской гвардии. Журнал выражал недовольство, что, несмотря на это, освободительное движение продолжало расти. Однако он писал: «Инициатива принадлежит Соединенным Штатам. Правительству США предстоит решить, как можно спасти Юго-Восточную Азию от коммунизма...»

1961 ГОД

Этот год не принес успехов армии американских ставленников. Журнал сообщал, что число военных советников из США в Южном Вьетнаме увеличилось и составило 1 750 человек. Пока страницы «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» еще полны оптимизма. В октябрьском номере журнала читаем: «Война еще не вышла из-под контроля... Вливания американской помощи плюс рекрутские наборы доведут численность армии до 170 000 к концу этого года и, может быть, до 200 000 еще через несколько месяцев. Дополнительное американское оснащение для этой армии поступает непрерывным потоком по морю и воздуху».

В конце 1961 года правительство США послало генерала Тейлора, который позже стал послом в Сайгоне, со специальной миссией в Южный Вьетнам. После этой миссии журнал информировал читателей, что туда могут быть посланы «ограниченные» американские вооруженные силы. «Если будет принято решение использовать американские войска,— писал журнал,— то это будет сделано главным образом по рекомендации одного человека — Максуэлла Тейлора».

1962 ГОД

Начало года порадовало «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Вот строчка из январского номера журнала: «США втягиваются все глубже в войну с целью остановить коммунизм в Юго-Восточной Азии».

Специальный корреспондент журнала Роберт Мартин передавал из Сайгона: «Здесь, в Южном Вьетнаме, американская деятельность ширится день ото дня... От четырех до пяти тысяч американцев в военной форме уже находятся здесь. К лету их число может составить семь тысяч».

По подсчетам журнала, южновьетнамская армия в это время уже насчитывала более 170 000 человек, не считая 138 000 в вспомогательных силах.

Журнал бодро утверждал: «Ка-



Соединенные Штаты глубоко увязли в «грязной войне» в Южном Вьетнаме. Американские солдаты и офицеры...

WHERE WAR IS HOT AND GETTING HOTTER

IN VIETNAM: A TASTE OF VICTORY

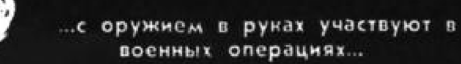
THE "HOT" WAR U.S. SEEMS TO BE LOSING

WHY IT'S SO HARD TO BEAT THE COMMUNISTS IN VIETNAM

BIGGER WAR FOR U.S. IN ASIA?

AFTER THE SHOW OF FORCE: STILL A LOSING WAR IN VIETNAM

Заголовки статей и корреспонденций о Южном Вьетнаме, напечатанных в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», гласят: начало 1962 года — «Там, где идет горячая война, которая становится горячее». Март 1962 года — «Во Вьетнаме: вкус победы»; начало 1963 года — «Горячая война, которую США, кажется, проигрывают»; октябрь 1963 года — «Почему так трудно победить коммунистов во Вьетнаме»; август 1964 года — «Расширение войны для США в Азии?»; август 1964 года [после пиратских налетов на Демократическую Республику Вьетнам] — «После демонстрации силы: война, которую все еще проигрывают во Вьетнаме».



...с оружием в руках участвуют в военных операциях...



...и несут потери.





...обучают наемников.

тастрофа во Вьетнаме больше не кажется неизбежной».

Бодрое настроение не покидало журнал и в дальнейшем. В одном из следующих номеров журнал напечатал статью под заголовком: «Во Вьетнаме: вкус победы». Сообщая о бомбежках деревень Южного Вьетнама, о высадках десантов с американских вертолетов, журнал заявлял: «Опытные обозреватели настроены здесь более радостно, чем три месяца назад...»

В апреле читатели журнала узнали, что в Южном Вьетнаме начинает осуществляться операция «Восход солнца» — «комбинация военных, экономических и политических мер». Эта операция предусматривала, по сути дела, расширение «грязной войны», усиление военной подготовки наемников и создание «стратегических деревень», то есть превращение деревень в концлагеря для крестьян. Первые результаты операции «Восход солнца», говорилось в «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «ободряющи для антикоммунистов».

В мае журнал снова расценил благоприятно шансы США в войне против южновьетнамских патриотов и призывал для достижения победы к бомбардировке Лаоса и Демократической Республики Вьетнам.

Отсутствие победных реляций из Южного Вьетнама, впрочем, заставляет журнал несколько приглушить оптимистический тон. «Ю. С. ньюс» обеспокоен положением внутри Южного Вьетнама и пытается обвинить в этом правительство Нго Динь Дьема. Он даже пишет о «нежелании» властей Южного Вьетнама вести «эффективную войну».

Но в основном 1962 год — это год надежд. Подводя итоги последних месяцев, журнал пишет: «Борьба против коммунизма идет лучше, чем год назад... Ситуация во Вьетнаме далека от безнадежности. Относительно светлым пятном на горизонте является программа создания стратегических деревень». Сообщается о «тесном сотрудничестве» и «взаимной вере» американских и южновьетнамских военных.

В 1962 году читатели узнали, что численность южновьетнамской армии достигла 200 000 человек, что США ТРАТЯТ НА ЭТУ ВОЙНУ МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ В ДЕНЬ и что «трудно, поехав куда-либо в Южном Вьетнаме, где происходит важное сражение, не встретить там американца».

1963 ГОД

США расширяют масштабы своей агрессии: в январе численность американских военных в Южном Вьетнаме увеличивается до 12 000. Но со страниц «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» уже не звучат победные трубы. Корреспонденция из Сайгона в одном из январских номеров называется: «Горячая» война, которую США, кажется, проигрывают». В ней говорится: «В большинстве последних сражений победителями были коммунисты. Они побеждали, несмотря на огромное увеличение американского вооружения и превосходства в ресурсах живой силы у южновьетнамской армии».

Журнал сваливает вину за это на южновьетнамских наемников, которые-де игнорируют приказы военных советников США и не хотят рисковать своими жизнями. Журнал не возвращается к утверждениям о том, что между американскими и южновьетнамскими военными существует «вера друг в друга».

В одном из следующих номеров журнал призывает к ответу президента Южного Вьетнама Нго Динь Дьема. В интервью, данном корреспонденту «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» Роберту Мартину, американский ставленник подтверждает свою верность Соединенным Штатам и опровергает обвинения, что его армия не хочет вести войну «против коммунистов». Он хвастает: «Мы выигрываем войну во Вьетнаме, так как наши усилия направлены на то, чтобы решительно изменить основные законы подрывной коммунистической войны и с теоретической точки зрения и с точки зрения размещения наших войск и техники».

Но, очевидно, ни Нго Динь Дьему, ни его американским хозяевам не удалось изменить эти «основные законы». По свидетельству журнала, ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ США В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ НАЧИНАЮТ ДОСТИГАТЬ ПОЛУТОРА МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ В ДЕНЬ. Но журнал констатирует, что войну «американцы не выигрывают». Ответственность за это снова возлагается на Нго Динь Дьема. Со страниц звучит предупреждение: «Президент Дьем может быть однажды сброшен».

К СЕНТЯБРЮ ОБЩИЙ «ВКЛАД» США В СВОЮ ЮЖНОВЬЕТНАМСКУЮ БАЗУ СОСТАВИЛ ДВА С ПОЛОВИНОЙ МИЛЛИАРДА ДОЛЛАРОВ. Однако позиции США стали там еще более шаткими. В Сайгоне усилилась оппозиция режиму Нго Динь Дьема. В попытке найти выход из кризиса США меняют руководство страной-сателлитом: в Сайгон направлен новый посол, Генри Кэбот Лодж. Журнал предлагает Лоджу потребовать ответа на вопрос: «Способен ли и хочет Нго Динь Дьем добиваться главной цели США — не допускать коммунистов в Юго-Восточную Азию?»

Мрачное настроение все больше овладевает редакторами «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». В конце сентября в сообщении Роберта Мартина из Сайгона говорится: «Это война, которую США пока не выигрывают и которая может быть проиграна... Здесь повсюду царит тяжелое чувство неуверенности в будущем». Огромная армия наемников, которую выпестовали американские советники, тоже оказывается ненадежной: «Вьетнамская армия смогла бы продержаться лишь несколько месяцев без американских запасов и без воздушных операций, совершаемых американцами. Американские офицеры в Сайгоне стараются не дать армии распасться, пытаются заставить ее вести боевые операции и сохранить доверие вьетнамского командования».

К концу года на страницах «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» — новый взрыв оптимизма. В результате военного переворота свергнут Нго Динь Дьем. Журнал не делает секрета из того, что США приложили руку к этому перевороту, решив отделаться от своего обанкротившегося ставленника. Он надеется, что для США во Вьетнаме наступили лучшие времена. «Общее настроение — настроение надежды»,— сообщает Роберт Мартин, имея в виду настроение американских эмиссаров. «Цель Соединенных Штатов сейчас,— продолжает он,— перестроить и поддерживать вооруженные силы здесь достаточно мощными, чтобы армия смогла захватить и удерживать инициативу в войне против партизан.»

Еще недавно журнал называл программу создания «стратегических деревень» светлым пятном. Теперь сообщается об отмене этого плана, так как «слишком много войск было отвлечено на охрану «стратегических деревень» и армия потеряла в своей мобильности».

Но в декабре снова переход от надежд к отчаянию. «Военная ситуация стала серьезной, даже критической в ряде районов,— пишет журнал.— Здесь коммунисты преподали американским военным суровый урок, показав, как трудно одерживать верх в этой, как кажется, бесконечной войне».

1964 ГОД

Этот год можно назвать годом самых глубоких разочарований и самых опасных провокаций милитаристов США в Юго-Восточной Азии.

В феврале журнал пишет: «Вся ситуация представляет собой огромную и все растущую заботу для американских военных на фронте и для чиновников Пентагона в Вашингтоне... Всего лишь в октябре прошлого года министр обороны Роберт Макнамара предсказывал, что все военное командование США в Южном Вьетнаме может быть распущено к концу 1965 года, но сегодня даже самые большие оптимисты здесь говорят о 1966 или 1967 годе как о возможной дате. Фактически, указал один из старших американских советников здесь, назвать любую дату было бы бессмыслицей».

В июле «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» с радостной надеждой задавал вопрос: «Будет ли расширена война в Юго-Восточной Азии?» Эту надежду породила у журнала новая смена американского наместника в Южном Вьетнаме: вместо Генри Кэбота Лоджа, так и не оправдавшего доверия, в Сайгон был назначен генерал Тейлор, «ведущий американский специалист по вопросам «ограниченной» войны», как представлял его журнал своим читателям.

Характеризуя будущую линию США со слов некоего официального лица, журнал писал: «1. Соединенные Штаты начисто исключают какую-либо «нейтрализацию» Юго-Восточной Азии... 2. Соединенные Штаты вполне могут подойти к такому моменту, когда будут начаты атаки на Северный Вьетнам...»

Журнал сообщал, что в Южном Вьетнаме начаты новые военные приготовления, в частности сооружение в срочном порядке военно-воздушной базы в Дананге, как «передовой позиции для любого нападения на Северный Вьетнам».

Провокации не заставили себя долго ждать. Терпя поражения в войне против патриотических сил Южного Вьетнама, Соединенные Штаты попытались расширить рамки «грязной войны». 5 августа американские военные самолеты совершили пиратское нападение на территорию Демократической Республики Вьетнам. «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» приветствовал эти провокации, назвав действия милитаристов США «отважными и уверенными».

Но это не укрепило их позиций в Южном Вьетнаме. В августе следует снова приступ отчаяния: «Военная ситуация внутри Южного Вьетнама мрачна. Последние данные о потерях дают частичное представление об этой картине. Южный Вьетнам потерял в июле 3 190 человек. Это почти в два раза превосходит потери предыдущего месяца... В июле коммунисты захватили вдвое больше американского оружия... Дезертирство из правительственных войск увеличилось в июле на 50 процентов по сравнению с июнем...»

К сентябрю численность американских военных в Южном Вьетнаме вновь возросла, составив 17 000 человек. По предсказанию журнала, в ближайшее время она должна была увеличиться.

Но это уже не радовало «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Сентябрьский номер журнала раздраженно констатировал: «Представляется, что для США истекает время во Вьетнаме. Альтернатива — втянуться в войну еще глубже или вести переговоры о мире — не удовлетворяет почти никого. И по крайней мере сейчас впереди — ничего, кроме еще больших трудностей».

Эти неожиданные для журнала слова звучат почти как полное признание провала американской политики в Юго-Восточной Азии. Отрезвление достигло такой степени, что в одном из последних номеров этого года журнал сообщил своим читателям следующее: «...Многие американские военные все еще не сознают, что это не просто война в джунглях, для которой США могут подготовить и подготовили специалистов, а настоящая революционная война».

К концу этого года под ружьем в Южном Вьетнаме оказалось уже 500 000 человек (армия и вспомогательные силы), которыми командуют 22 000 американских солдат и офицеров. Но милитаристский курс уводит США все глубже в тупик.

Мы еще не получили последних номеров журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» и пока не знаем, как реагирует он на новые провокации американской военщины, как преподносит он читателю новости о последнем совещании в Белом доме, где обсуждалась политика США в Юго-Восточной Азии. Вполне возможно, что у журнала вновь появилось воинственное настроение...

А что касается мира, миллионов и миллионов людей в самых разных странах, то им уже давно ясно, как опасны действия США в Южном Вьетнаме, какими последствиями грозят провокации против соседних с ним стран. Это понимают и многие американцы. И «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» поставит для себя тягчайшую задачу, если он снова будет рекламировать милитаристский курс в Юго-Восточной Азии.

Я. ФОМЕНКО

Местожительство — Безымянка

Мне казалось сначала, что написать о Безымянке проще простого. Все как на ладони, точно открытая залежь. Любой житель среднего возраста — свидетель и летописец. Безымянка в ее новом обличье родилась в 1941 году.

Помните: сотни заводов, чтоб не стать добычей фашистов, переселялись с Запада на Восток. Сперва новые поселенцы возводили заводские корпуса, ладили станки — работали на фронт. Затем, когда огневой вал войны начал откатываться к Берлину, стали строить дома. Отсюда и пошла нынешняя Безымянка. Она считается частью Куйбышева, а в сущности, это целый город. Только в Советском районе насчитывается сейчас около четверти миллиона жителей. И расселены они в новых домах со всеми удобствами. Правда, на первых порах и со всеми досадными неприятностями бытующей у нас «незавершенки».

В общем же Безымянка выглядит жизнерадостной, красивой в своей юности, и никакого бахвальства подозревать не следует в том, что куйбышевцы называют ее местными Черемушками.

Я радовался, когда в горкоме партии, в разговорах со старожилами, помнящими прежнюю Самару, мои собеседники вместе с Безымянкой обязательно называли подмосковную деревушку, имя которой прославилось и утвердилось как символ нового общежития. Радовался, а когда сел за стол, вспомнил: а ведь и в Пензе, и в Ставрополе, на Северном Кавказе, и в Кирове, бывшей Вятке, тоже непременно упоминали Черемушки.

Стал я перебирать города и поселки, где довелось побывать в последние годы, и почувствовал, что у меня почва ускользает из-под ног. Что нового я сообщу своим рассказом о куйбышевских Черемушках, когда везде, куда ни приедешь, свои Черемушки?

* * *

Мария Михайловна Коновалова, конечно, и не представляет, какую услугу она мне оказала. Между тем это так. Не вспомни я, как она пришла в райком партии и что рассказала, вряд ли я что-нибудь написал бы, кроме заглавия.

Мы сидели в одной из комнат Советского райкома партии, когда на пороге появилась пожилая женщина. Герман Никитич Перминов, инструктор идеологического отдела, дважды произнес скороговоркой:

— Пожалуйста, пожалуйста...

Вошедшая держала себя более чем скромно и в первую минуту показалась боязливой, как жалобщица, не знающая, куда ей податься со своим горем. Вскоре, однако, я убедился, что Мария Михайловна — человек не робкого десятка.

— Я пришла посоветоваться,— обратилась она к Перминову.— Как нам быть?

Вопрос прозвучал чуть по-гамлетовски, а вместе с тем энергично и требовательно.

Нет, не по личному делу пришла в райком шестидесятичетырехлетняя беспартийная женщина. Не с жалобой. Она представитель общественного совета по работе среди населения по месту жительства. Так несколько длинновато называются самодеятельные организации, получившие в Безымянке, как и во всем Куйбышеве, повсеместное распространение. Они есть в каждом большом доме, в каждом квартале и возникли в связи с постановлением ЦК КПСС «О руководстве Куйбышевского обкома партии идеологической работой».

От Германа Никитича Перминова я узнал потом, что в Советском районе к апрелю нынешнего года работало 44 квартальных и 490 домовых общественных советов. В них входит свыше 6 тысяч активистов-общественников. Вокруг этих шести тысяч еще тысячи добровольцев-энтузиастов.

Перминов предупредил меня: не следует смешивать общественные советы с домовыми комитетами. Они близкие родственники, действуют в согласии, но каждый занимается своим делом. Домовые комитеты заботятся о сохранности жилья, общественные советы — о благоустройстве человеческих душ, о коммунистическом быте и воспитании. Если домовые комитеты решают, например, вопрос, куда девать мусор и отходы от кухонь, то общественные советы заняты моральной санитарией. Домовые комитеты добывают саженцы для зеленых насаждений — общественные советы увлекают школьников цветоводством и соревнованием на самый красивый букет.

— Есть в нашем доме квартира,— объясняла Мария Михайловна причину своего прихода в райком.— Как бельмо на глазу. Одна-единственная осталась. Были раньше еще такие, но теперь... утихомирились... Повлияли... Вели беседы, предупреждали насчет товарищеского суда. Стали люди как люди. А тут никакого сладу. И отступать нельзя. Надо найти управу...

История, порядком приевшаяся. В квартире живут две семьи: Щ. и К. Раньше рядом со Щ. жила одинокая женщина. Выжили. Нагло, грубо, непристойно. Дело доходило до того, что тихая, смирная, работящая женщина, чтоб не подвергаться издевательствам со стороны соседей, ночевала на вокзале. Попросила дать ей другую комнату. Устроили. Многие жильцы тогда недоумевали: почему отселили не Щ., а их жертву? Недоумевали и предсказывали: совсем теперь обнаглеют... Так и вышло. Щ. начали измываться над новыми соседями. Оскорбляют и словом и действием, в ход пускают помои и в буквальном и в переносном смысле.

— Все испробовали,— продолжает рассказывать Мария Михайловна.— Урезонивали. Как с гуся вода! Приглашали на собрания, хотели воздействовать коллективно. Не являются. Что им общественность?! Обращались мы в административные органы. Нам говорят: «Разбирайте сами свои дрязги. У нас есть дела поважнее». А как разбирать? Силой привести? Наши дружинники на руках бы их принесли. Нет у нас таких прав. А словами не прошибешь...

Прервем на несколько минут Марию Михайловну. То, что она сказала, заслуживает комментариев. Действительно, как поступить, когда словом, увещеванием, убеждением не прошибешь? Что должно следовать за этим? Применение власти. Без слюнтяйского либерализма и без ссылок на более важные дела.

Предоставим опять слово Марии Михайловне.

— В одиночку мы не ходим в эту квартиру. Обругают, оклевещут, а то и вытолкают за порог. Был такой случай. Звоним мы с Василием Петровичем Гурбой, председателем совета. Хотели еще раз потолковать с Щ. Открывает старшая Щ. и, подбоченясь, кричит с порога: «А-а, опять выпить захотел?! Понравилось? Нечем сегодня угощать!» И хлоп дверью перед нашими носами. Понимаете, какая подлость? Никогда они Василия Петровича не «угощали». Непьющий он, больной человек. Чистая провокация!

Да, думалось мне, не установлено еще, очевидно, взаимодействие между общественностью и административно-судебными органами. Будь иначе, Мария Михайловна не пришла бы в райком.

— Хочу сказать вот еще что,— продолжает посетительница.— Представьте: такие скандалисты, невыносимые, как говорят, люди, и старшая и младшая Щ. работают в детском садике. Кого они воспитывают?

Мария Михайловна обводит взглядом присутствующих, словно приглашая всех разделить ее возмущение.

Перминов говорит Марии Михайловне:

— Мы целиком на вашей стороне. Вот что советую...

Коновалова достает карандаш и записывает фамилии, должности и номера телефонов...

* * *

Сижу за документами, которые дал мне почитать Герман Никитич Перминов. Читаю обзор деятельности общественных советов. Встречаю такие записи: «Отец пьянствует. Часто устраивает скандалы». На полях — пометка карандашом: «Общ. совет сообщил о поведении на завод». Есть и такие записи: «Оба — муж и жена — пьют. Двое детей безнадзорны, учатся плохо». И снова карандашная пометка: «Разговоры пока не дали результата. Общественность ставит вопрос о родительских правах».

Другой документ говорит о трудновоспитуемых подростках. Тут такие записи: «Склонен к хулиганству». Или: «Подозревается в мелких кражах. Играет в карты на деньги».

И дальше я часто наталкиваюсь на полузабытое слово «картежник». В Безымянке, еще пахнущей свежей краской, с новыми домами, обсаженными молодыми, недавно начавшими свой век деревцами, так много картежников? Нет, но очень тревожит другое: против некоторых фамилий обозначения: шестнадцать... семнадцать... восемнадцать... Это возраст.

Откуда это?

Однажды я сидел на волжской набережной. Ко мне подсел седой человек.

— Красиво здесь, правда? — спросил он и тут же добавил: — Мое любимое место. Вижу, и вам понравилось.

Набережная в Куйбышеве, сравнительно недавно одетая в уральский гранит, действительно красива.

— А знаете, кто тут раньше жил?.. «Горчичники». Не знаю даже, почему их так прозвали. Ну, как вам сказать... Бывшее самарское «дно». Драки, вонь, грязь, пьянство, поножовщина, проституция... А теперь — видите?

— А куда «горчичники» девались?

— Кто куда... В новые районы их переселили... Многие в Безымянке живут. Работают. А некоторые лоботрясничают, промышляют, как говорится, кто во что горазд. Привычка...

Может, отсюда пошла зараза? Такое объяснение, как я вскоре

убедился, было, однако, слишком упрощенным. Источники намного сложнее. «Горчичники» еще, конечно, не вывелись. Изменили, правда, внешний вид. Ходят не в широких брюках с напуском на голенища, а в современной одежде модного покроя, сохранив старомодный образ жизни бывшей пристанской шпаны. А в общем они мелочь в сравнении с матерыми любителями легкой наживы, для которых, будем говорить прямо, у нас еще сохранились слишком широкие просторы и возможности.

Есть, оказывается, люди солидного возраста, промышляющие «вербовкой» юных любителей азартных игр, обирающие подростков и молодых парней по всем правилам шулерских приемов. Они «организаторы». Они всегда в выигрыше. Для них совращение юнцов — сверхприбыльный «бизнес», организованный по всем правилам подпольного сообщества отъявленных мерзавцев. «Горчичники» и те, кто вертится возле них,— это клиентура для таких тунеядцев-хищников.

Общественные советы озабочены поведением молодых подростков. Дружинники нередко отбирают карты, разгоняют компании игроков, а они снова уединяются в укромных местах, «проигрывая» часы занятий в школе, тратя время, которое могли бы использовать для подготовки уроков, для чтения, для кино и разумных развлечений. В этом заинтересованы «организаторы». А до них не так легко добраться.

Говорят, одного такого «бизнесмена» все же разоблачили. Пока только одного. А ведь сигналы общественности говорят, что орудуют тут не кустари-одиночки...

* * *

По дороге из Куйбышева в Москву в вагоне залпом прочитываю небольшую книжечку, написанную Вячеславом Федоровичем Ветлицким, секретарем Куйбышевского горкома партии. Название такое: «Общественные начала в партийной работе». Первая глава —«С партийным словом — в каждый дом». Она посвящена общественным советам.

Любопытная книжка, и хорошо, что она написана и напечатана. Она полезна не только тем, что зовет на активную борьбу с наследниками «горчичников». Она рассказывает, как борются коммунисты и такие беспартийные люди, как Мария Михайловна, за Безымянку без дрязг, без хамства и религиозного мракобесия. Не могу удержаться, чтобы не привести в кратком изложении одно место из книжки Вячеслава Федоровича.

Общественному совету дома стало известно, что у одного старика живет десятилетний мальчик, брошенный родителями. Отец и мать развелись и убыли в неизвестном направлении.

Члены совета хотели сначала разыскать сбежавших родителей. А тут выяснилось, что дед таскает мальчика в церковь и что у мальчика нет пальто, чтобы ходить в школу. Первым делом купили и принесли мальчику пальто. Дед взял его на ночь под голову, а утром сказал внуку: «Чертей во сне я видел — значит, пальто безбожники принесли, не носи его».

Совет не отступился. Мальчуган был устроен в школу-интернат.

Отдельный факт? Нет, это стиль деятельности лучших общественных советов: начатое дело обязательно завершить! Хороший стиль!

ПРЕМЬЕРА В БЕЛГОРОДЕ

Не случайно премьера нового фильма Киевской студии имени А. Довженко состоялась в Белгороде. Ведь место действия картины «Сумка, полная сердец», созданной по повести нашего земляка Владимира Федорова,— Белгородщина.

Здесь живут герои произведения, здесь проходили съемки фильма. Наши колхозники, студенты принимали участие в массовках...

Премьеру ждали с особым нетерпением. «Победа» — крупнейший кинотеатр города был переполнен. Взволнованный, согретый доброй поэзией рассказ о сложных судьбах почтальона Арины (арт. Л. Дроздова) и ее земляков захватил зрителей. После просмотра состоялась встреча с создателями фильма. В ней приняли участие сценарист Вл. Федоров, режиссер А. Буковский, молодая актриса В. Топчий, директор фильма Н. Вайнтроб.

Зрители Белгорода, Губкина, Шебекина, села Маломихайловки, где также состоялись просмотры «Сумки, полной сердец», тепло приняли картину.

А. ПОТАПОВ, сотрудник областной молодежной газеты «Ленинская смена»



Арина — Л. Дроздова.

Людмила — Т. Кирюшина.
Василек — А. Акчурин.



Дело, известное под названием «Операция Цицерон», было осуществлено в Турции в период с октября 1943-го по апрель 1944 года. До последнего времени была известна лишь версия, изложенная в книге того же названия[1], написанной бывшим гитлеровским дипломатом Л. Мойзишем.

В годы второй мировой войны Л. Мойзиш занимал должность атташе немецкого посольства в Турции, одновременно являясь работником разведывательной службы управления общественной безопасности СД. В своей книге он излагает историю вербовки личного камердинера английского посла в Анкаре сэра Хью Нэчбулла-Хюгессена. Этот агент значился в немецкой разведке под кличкой Цицерон.

«Операция Цицерон» дала в руки руководителей гитлеровской Германии исчерпывающие сведения, которые едва ли удавалось добыть через каналы разведывательной службы кому-либо из военных руководителей в прошлом»,— пишет Л. Мойзиш. Подобная оценка не является преувеличением. За шесть месяцев Цицерон передал Мойзишу документы, из которых Гитлеру и его окружению стали ясны планы военных действий и направление политики союзников, определившиеся на трех важнейших встречах государствен-

Немецкий разведчик признает, что «Операцию Цицерон» провалила его ближайшая помощница секретарь-машинистка Эльза, оказавшаяся агентом американской стратегической разведки ОСС. Об этой девушке он пишет: «Я не знаю, жива ли она теперь или нет и что с ней случилось после того страшного дня. Ради семьи этой девушки я не назову ее настоящего имени и фамилии...»

Такова в общих чертах версия «Операции Цицерон», изложенная Л. Мойзишем.

Даже у не искушенного в подобных делах читателя возникает ряд недоуменных вопросов. Неужели один из наиболее опытных и доверенных дипломатов Англии, Хью Нэчбулл-Хюгессен, был в действительности настолько беспечен и слеп, что не замечал, как его личный лакей таскает у него из-под носа и фотографирует самые секретные документы? Это кажется невероятным!

На протяжении двух десятилетий, прошедших с тех пор, на Западе много писали об «Операции Цицерон», высказывая различные предположения о разгадке этой тайны.

Но вот в октябрьском номере французского журнала «Констелляснон» некий Жан-Мари Масено без ссылки на документы и свидетельства каких-либо лиц излагает не лишенную интереса новую версию «Операции Цицерон», которую мы приводим ниже.

ЧТО СКРЫВАЛОСЬ ЗА «ОПЕРАЦИЕЙ ЦИЦЕРОН»



«Цицерон» — Эльяс Базна.

Л. ВАСИЛЕВСКИЙ

ных деятелей союзных держав: на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии, на Каирской конференции Рузвельта, Черчилля и Чан Кай-ши и, наконец, на Тегеранской конференции так называемой Большой Тройки, сыгравшей огромную роль в дальнейшем ходе войны.

Содержание всех полученных Германией через Цицерона документов не оставляло никакого сомнения в решимости и способности союзников уничтожить гитлеровский рейх, а также подтверждало, что это должно произойти довольно скоро. Цифры и факты документов показывали огромную мощь союзников, предсказывавшую неизбежное поражение Германии.

[1] «Операция Цицерон». Воениздат, 1957 г.

* * *

После разгрома гитлеровских войск под Волгоградом в начале февраля 1943 года Советская Армия уже была на пути к Берлину. За три последующих месяца она совершила бросок на 650 километров, взяв Курск, Белгород и разбив немцев под Харьковом.

Масено пишет, что английский премьер Черчилль понимал: никакие временные задержки теперь не остановят наступление советских войск, перед которыми открываются перспективы освобождения европейских стран. «Черчилль знал, что пришел момент, столь желанный в военном отношении и такой опасный в политическом...»

Чтобы помешать русским войти в Центральную Европу, «Черчилль

обладает только одной картой: добиться компромиссного мира с Германией». Ход войны и развитие политических событий толкают его на авантюристический шаг. Его попытка открыть глаза якобы «наивному американцу» Рузвельту не имеет успеха. Американское «простодушие» оказалось более сильным, чем британская «трезвость». В этом отношении противоречие между Рузвельтом и Черчиллем было полным. По мнению английского премьера, формула «безоговорочной капитуляции», с которой был согласен Рузвельт, «отбрасывает немцев к Гитлеру и вынуждает их к борьбе не на жизнь, а на смерть и только способствует игре Советов, с каждым днем все больше приближающихся к Центральной Европе...»

Итак, «надо скосить траву под ногами русских»! Но как это сделать? Существует два пути.

Первый: союзники должны прежде атаковать Средиземноморье. Военные советники Черчилля — маршал Аллан Брук, генерал Исмей и лорд Маунтбеттен — настаивают на атаке Германии со стороны Италии, Греции и Югославии, захватив ее таким образом в огромные клещи. «Крокодил все еще имеет слишком страшную пасть,— повторяет Черчилль,— атакуем его там, где он более уязвим: с подбрюшья!» Дело идет о достижении Праги, Вены и Белграда раньше русских.

Но Рузвельт отклоняет план. Он решает атаковать Францию с северо-запада. «Черчилль может только склониться перед Рузвельтом, располагающим силой. Тогда он обращается ко второму пути: компромиссному миру. Надо спасать Европу...— так пишет Масено.— Идея Черчилля необыкновенно проста: раскрыть высшему германскому командованию гигантский военный потенциал союзников и таким образом дать понять, что для немцев нет другого выбора, как только между поражением и уничтожением...»

Итак, для Черчилля это был план защиты против... «советской угрозы». Местом действия была избрана нейтральная в войне Турция.

• • •

В посольском квартале Анкары, расположенном на холме Канкая, секретные агенты воюющих сторон вели скрытую и непримиримую войну. Осенью 1943 года изворотливость разведок достигла своего апогея. И вот 26 октября лакей английского посла появляется ночью на квартире первого секретаря германского посольства Альберта Йенке, шурина Риббентропа. Тогда же Йенке передает этого человека на связь Л. Мойзишу. Так началось дело, получившее название «Операция Цицерон».

Настоящее имя Цицерона, так и оставшееся неизвестным Мойзишу,— Эльяс Базна. По национальности албанец, он прожил довольно темную и бурную жизнь человека без родины. В период первой мировой войны он служил шофером во французской армии и был приговорен военным трибуналом к трем годам тюрьмы «за кражу военных материалов». После удачного побега Базна обосновывается в Турции, служит лакеем в богатых домах и сотрудничает в турецкой разведке. Затем поступает на службу к английскому послу...

«Каждое утро,— пишет далее Масено,— когда сэр Хью Нэчбулл-Хюгессен принимал ванну, Базна извлекал секретные документы, хранившиеся в черной шкатулке в кабинете посла, относил их в свою комнату, фотографировал, а затем клал на прежнее место. После этой операции он входил в ванную, чтобы растереть спину послу».

Старая лиса, военный преступник фон Папен, бывший в то время гитлеровским послом в Анкаре, по достоинству оценил материалы Базны. Он выбрал для шпиона кличку Цицерон, потому что доставляемые им документы «были столь же красноречивы, как и знаменитый римский оратор».

В Германии сведения, доставленные Цицероном, произвели эффект разорвавшейся бомбы. Мойзиша срочно вызвали в Берлин, где с ним разговаривали начальник СД Кальтенбруннер и Риббентроп. Берлинские эксперты не могли допустить, что агент работает один, без помощника, хотя тот категорически отрицал наличие такового. Возможность существования скрываемого по каким-то причинам помощника являлась единственным подозрительным моментом, не разгаданным немцами до конца.

В то же время небезызвестный Аллен Даллес, находясь в Швейцарии, нащупывал немецкие связи. Об этом в свое время много писалось в советской и зарубежной печати. Будучи одним из асов американской стратегической разведки ОСС, он создал агентурную сеть в самой Германии. Как сообщает Масено, «...в конце 1943 г. один из его агентов, некий Фрейдхельм Корбер, он же Георг Вуд, советник германского министерства иностранных дел, отца которого убили нацисты, сообщил Даллесу сенсационные сведения: Берлин располагает секретными документами, исходящими из английского посольства в Анкаре. Искушенный в подобных делах, Аллен Даллес сразу понял, что Черчилль играет на карте компромиссного мира с Германией. Но открыто вмешаться в такое дело нельзя, необходимо поддерживать сплоченность союзников... и стратегическая разведка США решает секретно посадить на мель «Операцию Цицерон».

Средство для этого было найдено в Софии. Болгарская столица в те времена также являлась важным центром международного шпионажа. Под руководством американского посла Джорджа Эрла секретная служба США насаждает свою агентуру на Балканах. Одним из агентов оказывается молодая женщина, блондинка 23 лет, Корнелия Капп, дочь германского дипломата, до войны работавшего в США. Хотя девушка и общалась с американцами, проживавшими в Софии, но ни в чем не подозревалась немецкой службой безопасности, так как два ее брата сражались на Восточном фронте.

Воздушные бомбардировки Софии союзной авиацией сильно действовали на нервы молодой женщины, и она попросила отца подыскать ей какую-либо должность в одной из нейтральных стран, например, в Турции. На помощь пришел случай: в середине 1943 г. в Софию из Анкары по делам приехал пресс-атташе немецкого посольства в Анкаре господин Селер. Он познакомился с Корнелией и ее родителями. Вслед за этим по его рекомендации девушку принимают на службу в немецкое посольство в Анкаре, куда она и переезжает, предварительно получив допуск от службы безопасности. В Анкаре Корнелия работает секретарем-машинисткой у Л. Мойзиша, сверх меры перегруженного в связи с «Операцией Цицерон».

Однако участь этой операции предрешена, она подходит к концу. Несмотря на все предосторожности, предпринимаемые Мойзишем, Корнелии Капп все же удается однажды забраться к нему в сейф и овладеть фотокопиями документов, полученных от Цицерона. Ловкая девица бежит с ними из немецкого посольства и передает бесценные материалы представителю ОСС в Анкаре, с которым она была связана. Для Мойзиша это было страшным ударом. Он ищет Корнелию—Эльзу по всей Анкаре, прежде чем убеждается в ее переходе на сторону противника.

«Теперь,— пишет Масено,— для агентов ОСС дело стало простым: достаточно было представить Корнелию их британским братьям, и «Операция Цицерон» останавливается, как по волшебству».

Конечно, после этого Базна уже не мог оставаться на службе у английского посла и, нисколько не смущаясь происшедшим, оставляет свой пост. За переданные немцам документы ему уплачено 300 тысяч английских фунтов стерлингов, или один миллион долларов. Он обзаводится собственной виллой и начинает вести роскошную жизнь. Но в мае 1945 года американцы устанавливают, что миллионы английских фунтов стерлингов — фальшивки. Они изготовлялись немцами на секретной фабрике в г. Ораниенбурге. Теперь становится понятной щедрость гитлеровцев, с которой они расплачивались с Цицероном — Базной.

Английский банк сообщает всему миру номера серий поддельных банкнот и исключает их из обращения. Эльяс Базна, успевший реализовать лишь незначительную часть своих капиталов, теряет почти все, вновь превращаясь в бедняка.

«Итак,— заключает Масено,— «Операция Цицерон», одно из наиболее странных дел в истории шпионажа, никому не принесла пользы...»

[БЕ]РЕЖЕННАЯ СТАРИНА

Георгий ГУЛИА

Я завидую тем, кто не побывал еще в Бухаре и Самарканде: им предстоит большое удовольствие. Можно сказать без преувеличения: в старой Бухаре или старом Самарканде чувствуешь себя действующим лицом восточной сказки. Тебя окружают такие дворцы, медресе, мечети, мавзолеи, что, помимо своей воли, переволощаешься в горожанина глубокой древности. Здесь все словно застыло в том первозданном виде, когда по улочкам и площадям разгуливали мудрый мулла Насреддин и хитрый Алдар Куса — любимые персонажи народных рассказов.

И в Бухаре и в Самарканде, кроме старой части города, имеется и новая, современная, застроенная домами из стекла и бетона. За сорок лет существования Советского Узбекистана многое сделано для благоустройства и этих городов. Но немало отдано также сил и знаний сохранению и реставрации памятников культуры. И мы говорим от сердца «Спасибо!» тем мастерам керамики и ганча, которые сберегли памятники, ухаживая за ними, а порой и восстанавливая целые фрагменты бесценных сооружений.

Когда знакомишься с Бухарой и Самаркандом, с их историей — во многом драматической,— все четче обнажаются глубокие корни культуры, которая в наше время дала пышные всходы. Да, это земля древней и богатой культуры, больших и славных традиций и, что еще важнее, огромных, неисчерпанных возможностей.

Не раз иноземные захватчики разрушали Бухару и Самарканд. Города эти не только видели у своих стен полчища Чингисхана и Тамерлана, но и испытали на себе всю их необузданную жестокость. И снова вставали из праха и пепла.

Тот, кто побывает в Бухаре, надолго запомнит мавзолей Исмаила Самани, минарет Калян, медресе Мири-Араб, городскую цитадель, медресе Чор-Бакр и другие не менее прекрасные сооружения.

В Самарканде ваше внимание привлечет замечательная площадь Регистан с монументальными постройками, выдающимися памятниками среднеазиатской архитектуры.

Вы никогда не забудете ансамбль мавзолеев Шахи-Зинда, соборную мечеть Биби-ханым, мавзолей Гур-Эмир. Я бы советовал повнимательнее осмотреть медресе Улугбека, знаменитого ученого средневековья, и остатки его обсерватории.

Одним словом, в Самарканде, как и в Бухаре, много приятного для глаза и для глубоких раздумий. Одновременно это и зрелище, доставляющее большое эстетическое наслаждение, и большой материал для изучения...

Сегодня на страницах «Огонька» печатаются репродукции акварелей художника Георгия Храпака. Я очень люблю московские этюды этого художника. Виды Москвы, написанные с самых неожиданных точек, оживают на его листах и полотнах, овеянные лирической, а подчас и романтической дымкой. Я был обрадован, когда просмотрел его самаркандские и бухарские зарисовки: верно схвачен колорит азиатского юга и то главное, чем привлекательны эти города. Глаз художника точен и поэтичен.

Пользуясь случаем, хотелось бы коснуться вопроса об охране памятников старины, памятников культуры. Сберечь их для нынешнего и будущего поколений—большая задача. Чем шире будет привлечено внимание общественности к этой проблеме, тем лучше. Узбеки очень гордятся Самаркандом, Бухарой, Хивой. Они принимают эффективные меры, чтобы подольше сохранить для человечества эти города-жемчужины. Этот пример заслуживает подражания.

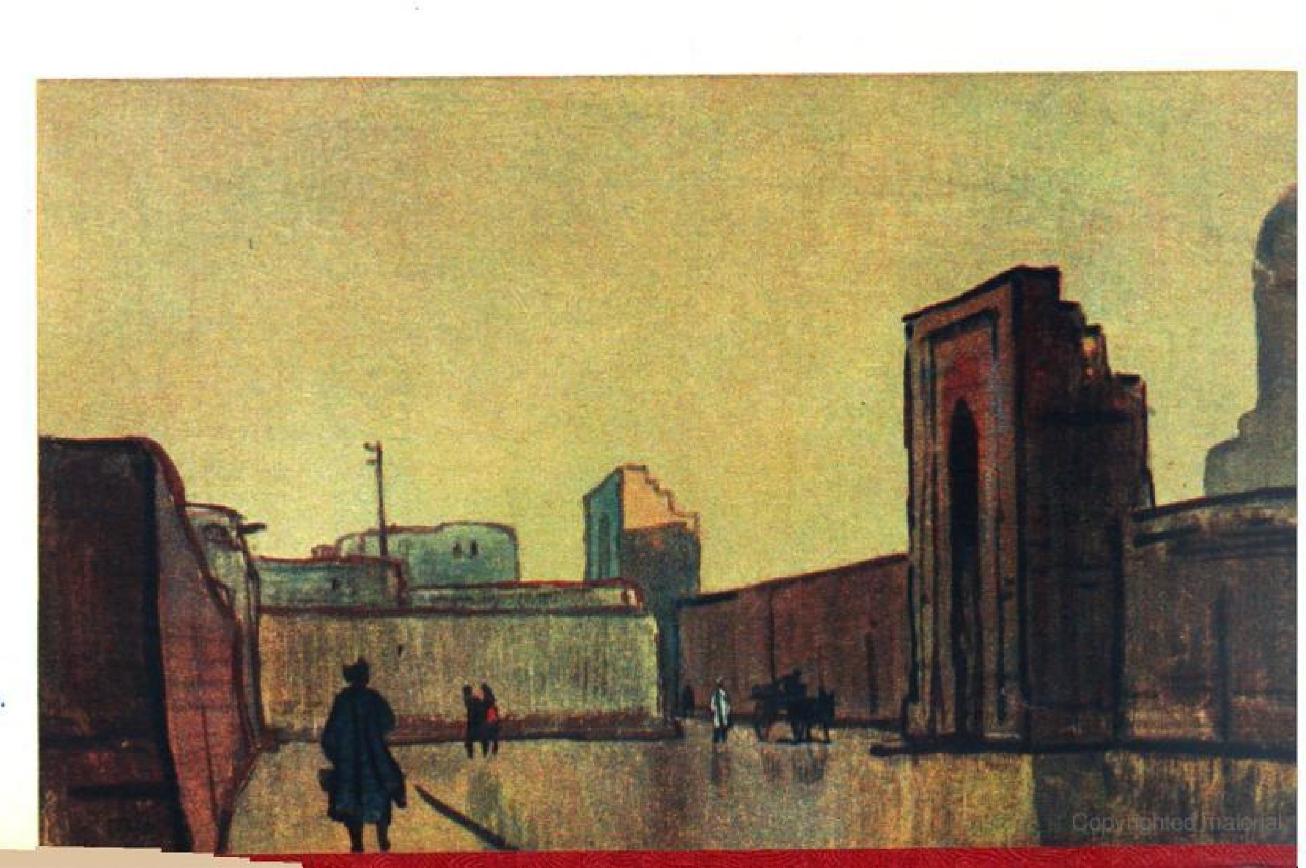
Очень хорошо поступают художники, когда они, подобно Г. Храпаку, запечатлевают в своих работах образы наших городов, в которых старина отлично уживается с тем прекрасным, что несет наша жизнь. Своим искусством они содействуют изучению и пропаганде памятников культуры.

Вид на старую Бухару.



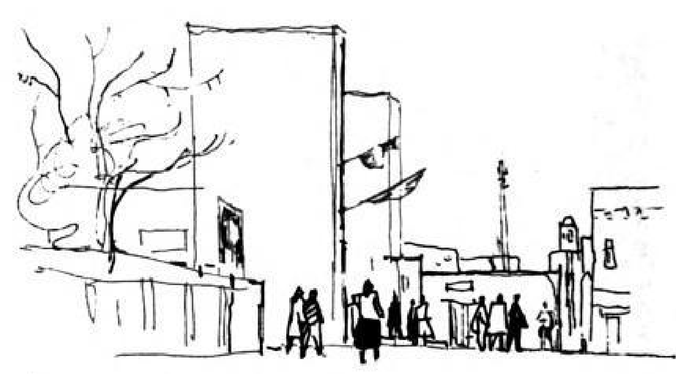
БУХАРА И САМАРКАНД

Акварели Георгия ХРАПАКА.



Стена ансамбля Калян.

Древняя крепость Арк.



Холм крепости Арк.



ЛИРИКИ И САТИРИКИ МОСКОВСКОГО АВТОЗАВОДА

Это были героические годы. На московской окраине — в Симоновке — возводились бетонные громадины цехов автозавода. Он рождался волею партии и народа. И хотя его рождение скромно именовалось реконструкцией, люди знали, что это значит. «К пуговице пришили пальто»,— образно сказал тогда директор завода И. А. Лихачев. К полукустарным мастерским «пристроили» гигантский завод. Это был первенец советского автомобилестроения.

В привычный шум стройки вплеталась здесь песня. Она создавалась в литературном объединении, которое сегодня отмечает свое 35-летие. Многие его питомцы стали уже членами Союза писателей. Это Борис Егоров, Василий Гришаев, Майя Ганина, Белла Ахмадулина, Алексей Марков, Ян Полищук, Хулио Матеу, Александр Никифоров... Сейчас 80 участников объединения каждую среду собираются на занятия. Творческие обсуждения иногда затягиваются до позднего вечера.

У нас были в гостях Горький, Фадеев, Новиков-Прибой... К нам приезжали писатели Кубы, Вьетнама, Чехословакии, Франции, Англии...

Сегодня на страницах «Огонька» выступают наши заводские поэты. Это люди разных возрастов и профессий.

Н. УШАТИКОВ,
председатель бюро литературного объединения автозавода имени И. А. Лихачева



I.

РАЗГОВОР С ЗЕМЛЕЙ

Ты не спишь,
Ты летишь и ночью,
Солнце вешнее мне суля.
Ты, наверно, устала очень?
Хочешь на руки?
Хочешь,
Хочешь,
Я тебя понесу, Земля?

Погляди на меня —
Я сильный,
Не пугайся, не уроню!
Я родился и рос
В России,
С добротой на одном корню.
Ласкан ливнями и цветами,
Ломан жилистыми ветрами
И насквозь прокрещен огнем.
Погоди,
Не маши крылами,
Отдохни на плече моем!

Выспись!
Утром тебя разбудит
Боевой перезвон лучей,
Чтобы вновь улыбались люди,
Чтобы вновь загорались люди
Красотой
Проливной
Твоей.

Николай **ФОКИН**, литейщик

ДУХИ

Я пользуюсь тоже духа́ми.
Зайдите в столярку мою,
Я вам трудовыми руками
Сосны аромат подарю.

Вот стружки, что девичьи кудри,
Мне на руки нежно легли.
Их свежесть, как вешнее утро,
Как золото доброй земли...

Прошу, заходите в столярку,
Забудьте на время духи,
И вы представите ярко,
Откуда берутся стихи.

Федор **ЦВЕТКОВ**, столяр

ИСПЫТАНИЕ

Попахивал эмалью кузов.
Приборы были на нуле.
Сошла машина в желтой блузе
С каймою синей на руле.
Сошла с конвейера в сторонку
И стала у входных ворот.
Потом взревела и в обгонку
Пошла уверенно вперед.
Пошла вперед с попутным ветром
По неразбуженной Москве.
Запоминает километры
Спидометр в светлой голове.
Но от стремительной обкатки



Она, как видно, не устала,
В шеренгу, словно на зарядку,
На эстакаде гордо стала.
Отправка значилась в наряде.
Ее подняли, погрузили...
Стоят, как будто на параде,
Родные «ЗИЛы».

М. **КИСЕЛЕВ**, работник отдела главного энергетика

РУКИ МАТЕРИ

О руки матери! Вы вешние
Лучи, ласкающие нас!
Лучи живительно-утешные.
Дарован вам такой запас
Тепла и мудрости и радости,
Вы так щедры, вы так нежны,
Что человеку даже в старости
Подчас, как воздух, вы нужны.

Сергей **ЛЮБУШКИН**, пенсионер

ВОСЬМОЕ НЕБО

Здесь пахнет известкой и хлебом...
Поет и трудится дом.
Говорят, есть седьмое небо,
А я — на восьмом,
на восьмом!
Кажется, только дотронуться,
И с неба достану огонь:
Живое, веселое солнце
Ляжет послушно в ладонь.
Теперь разноси по квартирам
Солнце в большущем ковше.
На кухнях, где чадно от стирок,
Хозяйкам оно по душе.
— Налейте мне солнца
немножко!
А там, где бронхит или корь,
Я черпаю поварешкой
Зыбкое
золото
зорь.
Ах, если б с восьмого неба
Солнце достать я могла,
Всем людям хватило бы хлеба,
Здоровья,
любви
и тепла.

Лия **ШЕЙНКМАН**, участковый врач, кандидат медицинских наук

ИСПАНСКИЕ АПЕЛЬСИНЫ

Оранжевые апельсины —
Мечты о моей Испании.
Плачу́, получаю сдачу.
Смеюсь над собой и пла́чу.
Ласкаю, как
воспоминание,
Мечты о моей Испании...

В детстве,
мальчишкой вихрастым,
Я вкус апельсинов понял,
Когда на плантации заступ
Изранил мои ладони.
В тележке дорогой долгой
Возил я их на продажу.
И сколько же в каждой дольке
Криков моих протяжных!

Из тех садов апельсины,
Где пули свистели наши,
Где почва еще доныне
Пропитана кровью павших,
Так дорого мне достались
Эти плоды золотые!
Они, как мечты, остались,
Когда потерял мечты я.

Вдыхаю запах знакомый,
Их сладость я предвкушаю,
Потом в одиночестве дома
От горечи их рыдаю.
Оранжевые апельсины —
Мечты о моей Испании.

Хулио **МАТЕУ**
Перевела с испанского Марина Альперт.



II.

РАЗБОРЧИВЫЙ ВОЛК

(Басня)

Обычно волк не разбирает:
Кого поймал, того съедает.
Но этот волк, он ел с разбором:
Всех подхалимов обходя,
Ел лишь активнейших рабкоров:
Грозу в них видел для себя.

Николай **СЕМЕНОВ**, мастер



ЖАЛОБА ЛЕНТЯЯ

Что за жизнь, скулит лентяй,
Не проспи, не прогуляй.
Прогулял — помимо взбучки,
Хвост отрубят у получки,
И жена под тещин зуд
Учинит домашний суд.
Где бы мне найти работу:
В среду лег, подъем в субботу,
А давали б за прогул
Два оклада и отгул.

Дмитрий **ЗОЛОТУХИН**, шлифовщик

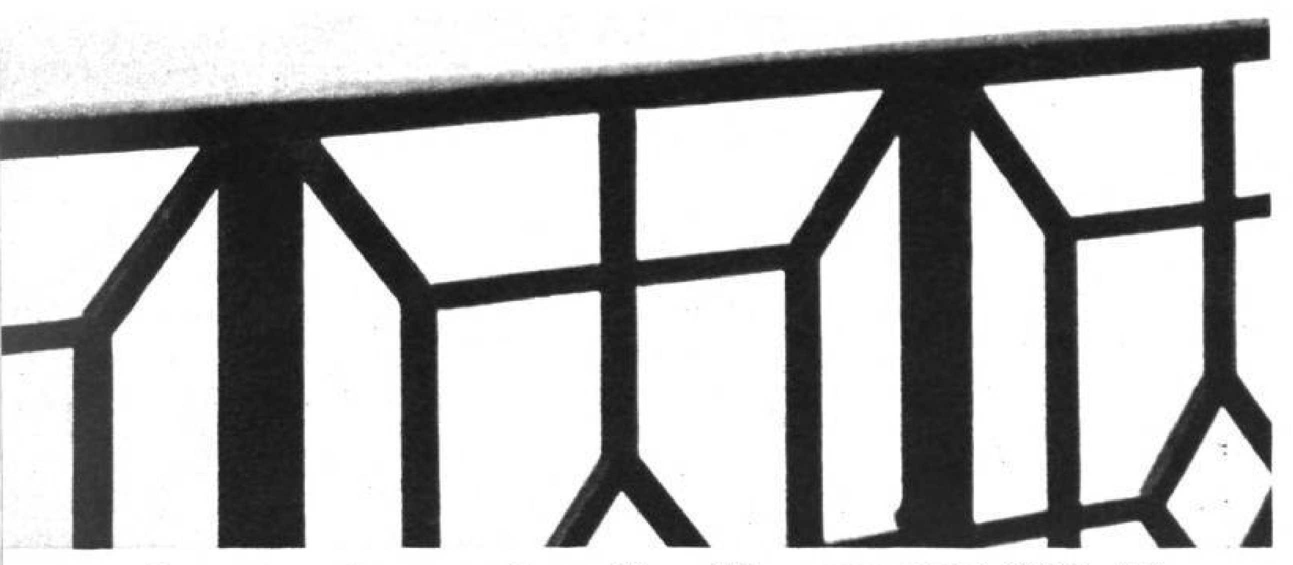
Рисунки заводских художников **Д. АГАЕВА** и **Ю. ШАШКОВА**.



Куранты на Староместской ратуше.



Проходя мимо этого дома, люди обнажают голову: здесь фашистами был схвачен национальный герой чехословацкого народа Юлиус Фучик.



Сколько фотографов снимали Пражский Кремль! Его силуэт и на этом снимке: ведь невозможно представить себе Прагу без Градчан.



Янек сегодня не гуляет: у него насморк.

Мирослав ЛУКАВСКИЙ

Фото специального корреспондента «Огонька» А. УЗЛЯНА.

ГДЕ ТЕЧЕТ

Города похожи на людей. У каждого свой характер, свое лицо. Они все разные, города моей родины Чехословакии: стобашенная Прага и шахтерская Острава, горняцкий Кладно и знаменитый Пльзен. Но недавно улицы наших городов стали похожими друг на друга. Это было во время месячника чехословацко-советской дружбы, когда все улицы расцвели флагами двух братских стран — Чехословакии и Советского Союза.



Ян Славик, горняк из Кладно, просил передать привет своим коллегам в Донбассе.



Автозавод в городе Млада-Болеслав. Ежедневно отсюда выходят несколько сотен автомобилей новой марки «МБ-1000».





Знаете ли вы, почему на чехословацком государственном гербе лев! По преданию, чешский богатырь Брунцлик привез этого своего верного друга на родину из далеких стран. Памятник Брунцлику стоит на страже у Карлова моста, который уже шесть веков соединяет берега Влтавы.

ВЛТАВА

«Совсем не похожа Влтава на наш Дунай».



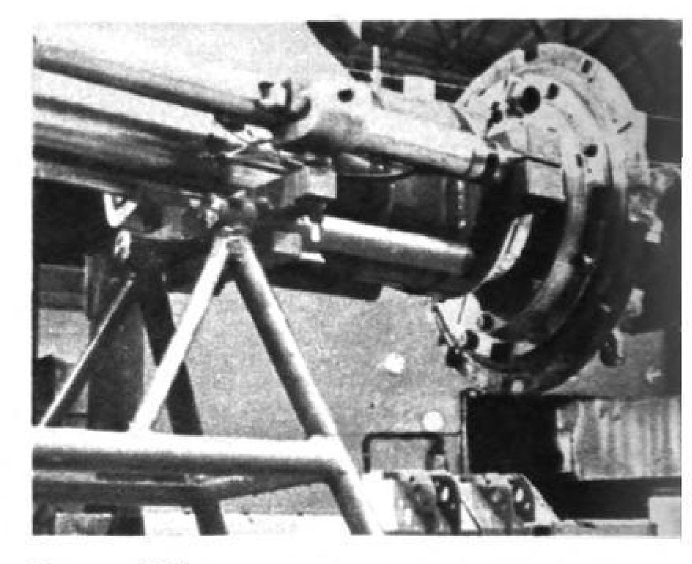
ХЛЕБ И СОЛЬ ФИЗИКИ

Ким БАКШИ

Фото Ю. ТУМАНОВА.



Академик И. Я. Померанчук, член-корреспондент АН СССР С. Н. Вернов, академик В. И. Векслер.



Здесь, в Дубне, на мощном ускорителе многозарядных ионов был получен сто четвертый элемент периодической таблицы Менделеева.

Мы бродим в микромире, как в огромном зале, погруженном во мрак. Порой мы натыкаемся на неизвестные предметы, ощупываем их, пытаемся сдвинуть с места, измерить. В каком порядке они расставлены? Как далеко до стен и потолка? Какова архитектура всего здания? Долго ли нам еще бродить по нему без фонаря? Без теории, объясняющей, какие же законы правят миром элементарных частиц — мельчайших кирпичиков материи.

Вероятно, еще год назад никто бы не назвал скептиком или Фомой неверующим физика, который произнес эти горькие слова. Но сегодня...

— Я убежден, что мы стоим на пороге глубочайшей научной революции, которая, как это всегда случалось и ранее, повлечет за собой новую эпоху в технике и в жизни человечества.

Это мнение физика Д. И. Блохинцева, директора Объединенного института ядерных исследований, высказано совсем недавно и отражает новое положение, которое складывается сейчас в науке.

Две колонки имен

Говорят: «Ученые пытливо ищут». Общие, хотя и справедливые слова. Они материализуются в неожиданные и конкретные образы.

Дубна. XII Международная конференция по физике высоких энергий. В буфете сидит японец и машинально водит ложечкой по столу. На правом ухе висит миниатюрная раковина приемника УКВ. На столе чашка остывшего кофе. Вместо утреннего завтрака японец слушает доклад. Внезапно он поднимается и быстро идет в зал.

Если правда, что хлеб физики — эксперимент, а соль — новые, плодотворные идеи, в зале происходит активный обмен хлебом-солью. В нем дружно участвуют гости — ученые разных стран — и хозяева—советские физики, самая многочисленная группа конференции, включающая плеяду академиков: Боголюбов, Будкер, Векслер, Померанчук, Понтекорво, Тамм.

На трибуне — пакистанец, профессор Абдус Салам. Он рассказывает о большой группе работ — английских, советских, американских. О поисках теории элементарных частиц, о новых сенсационных открытиях. За 20 минут нужно сделать короткое резюме, выжимку, экстракт. Так сказать, теория в порошке. «При такой степени сжатия,— пошутили на конференции,— материал переходит в состояние, которое еще мало изучено в физике».

При такой степени сжатия два года экспериментов на синхрофазотроне или пухлый том диссертации спрессовываются в десять строк сообщения. При таком цейтноте экономный Салам начинает свой обзор с того, что просит показать первый диапозитив. На нем две большие колонки фамилий. Имена тех, кто трудится над новой теорией микромира.

«Это по-русски, кажется, называется «брат-ска-йя могила»,— под общий смех произносит А. Салам. Все понимают: «могила» — это ради красного словца. В этой формуле ощущается ударение на слове «братская».

Завершение треугольника

Что же все-таки произошло?

Наверно, найдутся такие читатели, которые представляют себе микромир простым и ясным. Так, как учили в школе. Так, как его представляла наука еще в начале тридцатых годов: электроны — мельчайшие, отрицательно заряженные планеты — вращаются вокруг положительного солнца — ядра, состоящего из протонов и нейтронов.

Но уже в 1933 году в потоке космических лучей был обнаружен позитрон (положительно заряженный электрон) — первый вестник семейства античастиц. И — как будто распахнули ворота шлюза — элементарные частицы буквально хлынули, захлестывая ученых. Была найдена многочисленная группа мезонов (их масса больше электрона, но меньше протона и нейтрона). К ним прибавились гипероны — «тяжеловесы» микромира. Было обнаружено нейтрино — нейтральная частичка, которая в неподвижном состоянии не имеет массы. Академик Б. М. Понтекорво предложил опыты, которые подтвердили, что в природе есть два типа нейтрино. На последней конференции они получили имена — мюонного и электронного.

К частицам недавно прибавились так называемые резонансы — быстроживущие образования, напоминающие неустойчивые частицы. Вместе с резонансами число «первоэлементов» перевалило за сотню.

Были сделаны и первые попытки навести порядок в этом громоздком хозяйстве. Замечены некоторые внешние признаки, общие для групп частиц. Но как это мало! Это все равно, как если бы мы стали угадывать номинальную стоимость монет по их диаметру или по их толщине.

«Гербарий собираем,— горько шутили физики над таблицами частиц.— Нашли цветочек — засушили, травка попалась — туда же». Физики вообще склонны шутить, когда в общем-то не до шуток.

По сравнению с периодом жизни большинства элементарных частиц секунда велика, как миллионнолетний геологический период, в котором возникают и рушатся горы, наступают и мелеют моря. Земля меняет свой облик. И ради этих исчезающе малых частиц создаются все новые и новые приборы, возводятся колоссальные ускорители, тратятся не секунды, а многие годы жизни крупнейших физиков мира. Не слишком ли дорогая цена? Нет! Познать законы микромира — значит понять, по каким чертежам строится грандиозное здание материи. Ведь все окружающее нас, мы сами и далекие звезды построены из элементарных частиц всего нескольких типов.

Когда-нибудь, когда трудности

останутся позади, возможно, будет написан драматический рассказ о том, как фундаментальная теория микромира выстрадывалась ценой опровергнутых гипотез, бесконечных экспериментов, сомнений и новых надежд.

И неоценимым пособием для будущего историка, конечно, послужат солидные и спокойные отчеты конференций по физике высоких энергий. С них стерт эмоциональный фон, и все же они — как остывшая лава.

1960 год. Ю. Онуки, теоретик из Японии, предлагает очередной конференции по-новому систематизировать частицы. При помощи так называемой теории унитарной симметрии (SU_3). Идея не встречает поддержки. Физики хорошо знают, что такое разочарование в теории.

Но Абдус Салам и американец Гелл-Манн видят соль в предложении Онуки. Оно намечает совершенно новые принципы классификации элементов микромира. И кто знает, не здесь ли выход к долгожданной теории? Оказывается, все известные элементарные частицы подчиняются закону особой симметрии, их можно расположить в большие группы, и эти группы можно выразить графически в виде треугольников и шестиугольников. Ученые строят эти шестиугольники, соединяют точки прямыми. Подчиняясь найденным закономерностям, частицы послушно располагаются в центре и в вершинах шестиугольников. Одну из вершин занимает только что открытая в Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований, под руководством академика В. И. Векслера частица анти сигма минус гиперон. Мало того, образуются вакантные места, не заполненные частицами. Но само место указывает на свойство частиц, которые должны были бы занимать его. Так появляется возможность предсказывать новые, еще не найденные частицы. Салам и Уорд их насчитали девять.

1961 год. Найдены девять новых элементарных частиц. Тех самых! Они заполнили свободные точки шестиугольников. Становилось ясно, что ученые натолкнулись на очень важную закономерность, отражающую какие-то глубинные явления микромира. И все же число сомневающихся по-прежнему велико.

1962 год. На основании симметрии Гелл-Манн предсказывает, что существует новая частица — омега минус. Она должна стать на вершине треугольника, образованного из тяжелых частиц. «На кончике пера» Гелл-Манн вычисляет все ее свойства: отрицательный заряд, массу — самую большую из всех известных до сих пор, время жизни — 10^{-10} секунды... Указан путь, на котором нужно было искать новую частицу.

И омега минус была найдена экспериментаторами. Так, как предсказал теоретик.

1964 год. Абдус Салам на конференции в Дубне показывает диапозитив с двумя внушительными колонками фамилий: новые формулы симметрии элементарных частиц завоевали умы многих физиков. Я не оговорился: именно формулы, а не теория. Это всего лишь способ классификации, который, однако, наводит на очень глубокие теоретические размышления.

Зачем нам сто частиц!

Джильберто Бернардини, профессор Римского университета,— участник конференции в Дубне. По-моему, он немного мечтатель, хотя в кругу физиков его считают серьезным экспериментатором и остроумным теоретиком. Когда мы заговорили с ним о симметрии элементарных частиц, он сразу начал с превосходных степеней:

— Да, на основании этих формул с удивительной, поразительной точностью предсказываются новые, еще неизвестные частицы.

И кто знает, не отражает ли эта симметрия, эта упорядоченность, которую только теперь мы начинаем понимать, какую-то скрытую фундаментальную простоту мира элементарных частиц. В соответствии с теорией, выдвинутой советским академиком И. Я. Померанчуком, при сверхвысоких энергиях все частицы в значительной степени похожи друг на друга. Да и вообще зачем нам сто частиц? Может быть, достаточно иметь всего три основных, чтобы описать все прочие?

— Есть ли какие-нибудь теоретические работы или эксперименты, подтверждающие это предположение?

— В теории можно указать на кварки, предложенные все тем же Гелл-Манном. Они должны обладать огромной массой, гораздо большей, чем предсказанная и открытая недавно омега минус — самая «массивная» в микромире. А для того, чтобы обнаружить такие частицы, нужны новые ускорители бо́льших энергий.

Иногда спрашивают: зачем строить все новые ускорители? Чтобы физики открыли новую порцию вещей, которые они не понимают? Полагаю, теперь мы можем надеяться, что в физике элементарных частиц произойдет качественный скачок: будет создана всеобъемлющая теория микромира.

Две карикатуры

Несколько лет назад на одной из очередных конференций появилась такая карикатура. Один из ученых, производящих раскопки в пустыне, наткнулся на камень. Это первый камень неизвестной теории. Подпись обнадеживает: «Раскопки должны быть продолжены».

Есть глубокая аналогия того, что происходит сейчас в ядерной физике, с тем трудом, который произвел в свое время Д. И. Менделеев, создавая свою знаменитую периодическую таблицу элементов. Еще до открытия строения атома, не зная, что такое изотопы и т. д., он пророчески ухватил закономерность расположения элементов. Мало того, он предсказал, какие примерно новые вещества должны быть найдены, чтобы заполнить пустующие клетки в его таблице. И, как мы знаем, такие элементы были действительно найдены.

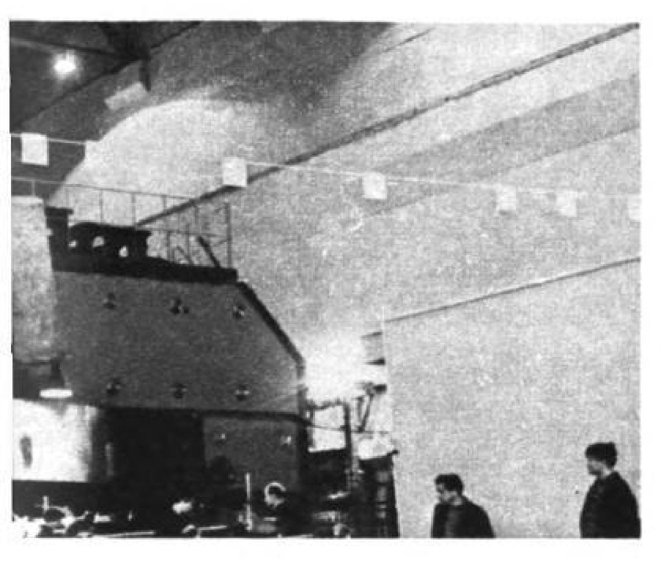
В заключение конференции в Дубне при помощи диафильма была показана карикатура, которая как бы продолжает тему рисунка раскопок теории. На ракете (да здравствует современная техника!) летят два физика. Впереди маячит новая теория.

Физик-оптимист. Мне кажется, мы близки к цели!

Физик-скептик. О да! Если только мы летим в правильном направлении.



Профессор Бернардини: Я был впервые в России пять лет назад — в Киеве на Международной конференции по физике высоких энергий. С тех пор мне кажется, что русские — самые сердечные люди, каких я когда-либо встречал. Поездка в Дубну укрепила мое убеждение.





Затянувшаяся реплика.





Читатель откликается на статью

НА ДЕСЯТОМ ДЕСЯТКЕ

В № 45 журнала «Огонек» была опубликована статья народного художника Сергея Тимофеевича Коненкова «На десятом десятке».

Искренний, взволнованный разговор большого художника и человека нашел горячий отклик у читателей.

«...Дорогой Сергей Тимофеевич! — пишет семья Зайцевых из Ленинграда.— Прочитали мы Вашу статью, и захотелось послать Вам слова теплого, дружеского привета. Как это замечательно, что Вы, признанный художник, которого знают и ценят люди доброй воли во всем мире, нашли и время, и силы, и желание съездить в г. Калинин, побывать на фабрике, побеседовать с рабочими-художниками, подбодрить, помочь им. Ваше посещение, по-видимому, было для них большим радостным праздником, который на всю жизнь они запомнят...

Как было бы замечательно, если бы наши крупные ученые, люди искусства, подобно Вам, не гнушались заглянуть на близкие им по специальности фабрики, заводы, институты, поля... И не к директорам и начальству, а к трудящимся. Такое содружество помогло бы работе больше, чем десятки официальных комиссий, делало бы труд радостным и творческим.

То, что о таких настоящих людях, как Юрий Николаевич Фокин, у нас в стране не знают, плохо. Часто у нас равняют людей по надуманным, книжным героям, не замечая живых героев. Хорошо, если бы «Огонек» подробнее показал людям Ю. Н. Фокина».

«За свою большую жизнь, постоянно сталкиваясь с молодыми инженерами, выпускниками высших учебных заведений, я наблюдал у многих из них проявление полной невоспитанности и неумение правильно вести себя как в быту, так и в служебной обстановке и в обществе.

А ведь высшая школа обязана была воспитывать студентов во всех направлениях! Что же можно сказать о воспитании выпускников средних и других учебных заведений?!

Л. АЛАЕВ, пенсионер».

«Хотелось, чтобы эта статья не только была прочитана, но и проштудирована каждым членом партии, каждым педагогом, руководителем учреждения и предприятия, а также и государственным деятелем. Этой статьей Вы мобилизуете всех на священный долг гражданина; убедительно подчеркиваете, что с ростом культуры растет патриотизм, растет и прекрасной души человек коммунистического общества.

С уважением к Вам

Н. ПЫПИН, старожил г. Горького, рабочий».

«Глубокоуважаемый Сергей Тимофеевич!

Только что прочитала в «Огоньке» Вашу статью о культуре. Большое Вам спасибо за такую интересную мысль о нашем русском достоинстве, о нашей самобытной культуре. Я всегда искренне радуюсь, когда читаю о Вас. Очень приятно за своего земляка.

ПЕТРОЧЕНКОВА А. Е.».

«Пусть каждый взрослый человек задаст себе вопрос: достаточно ли я культурен? И что надо сделать, чтобы стать культурным строителем коммунистического общества? Учителя, прочитав статью, сделают для себя соответствующий вывод: какую и как проводить воспитательную работу с детьми, чтобы те стали не только образованными людьми, но и достаточно культурными. Было бы целесообразно проработать статью Сергея Тимофеевича с учащимися старших классов на классных собраниях.

Учительница КОЗЛОВСКАЯ М. А. Становлянский р-н».

Композитор **В. П. Мосолов** из Бийска не согласен с мнением Коненкова, что человек все должен делать сам:

«Это очень хорошо и похвально, когда человек привык делать все сам (без указок, без помощи), но уж если — конечно, образно — человек попал в яму, помочь ведь надо ему выбраться из нее — даже из чувств гуманных...

По-моему, много надо сделать для того, чтобы советская женщина могла больше времени уделять воспитанию своих детей. Авторитет матери должен быть высок и непогрешим».

Читательница **А. Островская** в письме в редакцию призывает быть такими же неравнодушными, как Коненков: «Статья волнует душу, это значит, человек писал и капельку крови оставлял в чернильнице. Чтобы доносить прекрасное до людских сердец, нужно самому быть не пассивным созерцателем окружающей жизни и судеб людей. Тогда слово, согретое любовью, страстью, негодованием, ненавистью и душевным теплом, будет будоражить человеческие умы, волновать душу и прививать любовь к добродетели, к прекрасному.

Безразличие к человеку, грубость по отношению к женщине, барское отношение со стороны администрации к рабочему человеку — все это надо оставить. Нужно задушевное, теплое слово, хорошее обращение, тогда и житейские невзгоды и трудности, по работе переносятся легче и работа спорится. Улыбка, веселость век продлевает. Ругань не метод борьбы за высокую производительность труда. Спасибо автору, что он не безразличен к судьбе человека».



Семья А. В. Луначарского.

ВЛЮБЛЕННЫ

Среди имен писателей, погибших в годы Великой Отечественной войны, имен, золотом высеченных на беломраморной плите в Центральном Доме литераторов, есть имя Анатолия Анатольевича Луначарского — сына первого нар-

СУДЬБА ЧЕТЫРЕХ ОБРАЗЦОВ



СНИМОК ИЗ ДРЕЗДЕНА



Этот снимок прислан в «Огонек» из Дрездена, из редакции журнала «Цайт им бильд». Дрезденские журналисты сообщали, что снимок сделан в 1943 году, на нем запечатлены немецкие рабочие верфи Дрезден-Юбигау и советские военнопленные. Редакция «Цайт им бильд» писала, что на снимке слева — антифашист Макс Зейферт, что он и его товарищи совместно с советскими друзьями вели подпольную агитационную работу, помогали друг другу. Но кто они, бывшие военнопленные? Нельзя ли разыскать кого-нибудь? Вот крайний справа, с трубкой,— это Бондарчук. Кажется, из Винницкой области. Жив ли он? Где он сейчас?

Мы начали поиски, и вскоре удалось узнать: Бондарчук Анатолий Сидорович после войны окончил Винницкий медицинский институт и в настоящее время работает в Петрозаводске.

Старый, двадцатилетней давности снимок многое напомнил Анатолию Сидоровичу.

На верфи было много антифашистов, и их влияние чувствовалось во всем. Здесь родилась настоящая дружба между немецкими рабочими и нашими соотечественниками, попавшими в плен. Регулярно сообщались важнейшие политические новости. После одной из таких политинформаций и был сделан снимок.

Бондарчук пишет нам: «На фотографии первый слева — рабочий Макс Зейферт, за ним еще немецкий рабочий (фамилию забыл), третий — русский военнопленный Ваня (фамилию не помню), четвертый — Курт Зингерма — коммунист - подпольщик. Курт погиб от руки фашистских палачей. Пятый и шестой — рабочие-немцы (шестой Пауль Зигарт) и седьмой, с трубкой, я».

На Юбигау подобрался надежный актив, однако с каждым днем становилось все трудней и напряженней: фашисты знали, что на верфи есть «красные», усилили слежку за рабочими. В конце концов обстановка создалась такая, что со дня на день можно было ожидать разоблачения. Тогда Бондарчук подделал документы о заболевании почек и был увезен в так называемый лазарет Шморкау.

В лазарете он находился около года, вначале как больной, а затем санитаром (Анатолий Сидорович был по специальности фельдшером).



...Й В ЖИЗНЬ

кома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского.

Это был образованный и талантливый человек. Всю свою недолгую жизнь — он погиб 31 года — писатель посвятил народу. С первых дней войны А. А. Луначарский рвался на фронт. Еще не дождавшись повестки из военкомата, Анатолий добивается отправки в ряды действующего Черноморского флота. Писатель участвовал в обороне Севастополя, воевал с 83-й бригадой морской пехоты на канонерской лодке, высаживался с десантом в районе Новороссийска и всегда в самые тяжелые минуты сохранял мужество.

Его очерки, рассказы, стихи, басни часто появлялись во флотской печати.

Передо мной лежит пожелтевшая от времени газета более чем двадцатилетней давности «В бой за Родину». На ее первой странице напечатано стихотворение Луначарского «Песня гнева», которое заканчивается так:

Нет коричневым гнусам
прощенья!
Гнев бушует, как огненный
смерч.
Лозунг битвы — свобода
и мщенье!
Знамя в битве — победа иль
смерть!

Начальник отдела агитации и пропаганды политуправления Черноморского флота полковник Д. Корниченко в декабре 1943 года писал о последнем бое писателя: «В беспримерной по дерзости и трудности Новороссийской операции товарищ Луначарский высадился в Новороссийском порту с первым броском. Целью его опаснейшей поездки было написать ряд очерков для нашей краснофлотской печати...»

За ратные дела Анатолий Луначарский был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Севастополя». Погиб он смертью храбрых 12 сентября 1943 года, освобождая Новороссийск.

Писать Анатолий начал еще в ранние юношеские годы.

В 1934 году на страницах журнала «Красная Новь» появляется цикл новелл начинающего писателя «Солнце вваливается в дверь». Анатолий страстно любил искусство. Его статьи о проблемах советского искусства в конце тридцатых годов появлялись на страницах журналов «Театр» и «Молодая гвардия». В это же время он заканчивает роман «О юность, юность!».

В военные годы им написана пьеса «Палачи и герои». Луначарский работал над ней с Ленинградским театром комедии.

В Новороссийском историко-краеведческом музее есть экспозиция, посвященная писателю Анатолию Анатольевичу Луначарскому. Здесь хранятся газеты военных лет с пламенными передовыми, очерками, рассказами, стихами писателя, несколько его сатирических рисунков к фельетонам и фотографии.

А. ПОДОЛЬСКИЙ



А. А. Луначарский.

Богатству представленных тут изделий позавидует, пожалуй, любой универсальный магазин. На стеллажах, в витринах, на полках — тысячи отличных образцов. Но это не выставка. Это своеобразный эталонный цех любого из наших предприятий. Это Всесоюзный постоянный павильон лучших образцов товаров народного потребления. Сюда можно прийти, взять приглянувшееся, и улучшить образец, и начать массовый выпуск его.

Так и поступил Коняевский металлообрабатывающий завод Владимирской области. Понравились ему люстра и настольная лампа. «Пожалуй, такие мы сможем делать». Образцы привезли на завод, разобрали, изучили... И отправили обратно. В павильон же поступило письмо: «...В настоящее время освоить не можем из-за отсутствия материалов... и в связи с освоением нового вида продукции (светофоры транспортные)».

Конечно, выпускать непрезентабельные светофоры проще, чем современные настольные лампы. На светофоры и спрос меньше, и хлопот с ними почти никаких. Это так. Но удивляет легкость, с которой руководство предприятия расторгло ими же подписанный договор, огорчает равнодушие, с которым они отказались от нужных людям ламп.

К сожалению, этот пример не исключение. На Сафоновском заводе электромашин (Московский совнархоз) после долгого молчания отказались от производства неприхотливых инструментальных ящиков. Причина была найдена весомая — для этого, оказывается, нужен специализированный цех (!)...

Мастера словесной эквилибристики сумели замариновать выпуск очень многих изделий по образцам павильона. Хотелось бы рассказать о злоключениях игрушек, которые должны были выпускать два серьезных на первый взгляд предприятия.

В 1959 году дирекцию Московского завода механической заводной игрушки заинтересовал образец игрушечного самолета с микродвигателем. По тем временам это была новая игрушка.

31 июля был заключен договор № 236, по которому предприятие взяло на себя обязательство начать выпуск самолетов, а павильон — выплатить за это премию. От такой операции, казалось, выигрывали все: магазины, мальчишки да и сам завод.

Но вместо самолетика в павильон пришло письмо: «В связи с реорганизацией завода выпуск игрушки «самолет» задерживается и переносится на 2—3-й кварталы 1961 года...»

Реорганизация? Павильон вынужден был согласиться. Минули и новые сроки, а игрушка все не появлялась. Павильон слал запросы, а завод молчал и втихомолку вносил свои упрощения. Наконец совсем недавно самолет-инвалид появился в магазинах. Надо ли говорить, что сейчас он не вызывает интереса мальчишек: и конструкция устарела, да и выполнена она значительно хуже, чем образец. А на заводе поговаривают: мы не виноваты, ведь делали по образцу!

Игрушечной авиации вообще не везет. Дирекция иркутского весового завода тоже заинтересовалась самолетом. Четыре года назад был заключен договор. В нем, как и полагается, присутствовало слово «обязуемся»... Но, как и в московском варианте, минули все намеченные сроки, прежде чем пришла первая весть. С завода телеграфировали: «Просим продлить срок договора...»

Продлили. Потом попросили еще раз продлить... Снова продлили... И что же? Следующей депешей из Москвы был счет на уплату за невозвращенный образец. Это все, что сделал завод. Печальный, но очень характерный финал.

...Словом, все идет гладко до того самого момента, пока не возникает нужда выпускать товары народного потребления. Можно перестраивать производство, можно находить резервы. Но как только появляется на горизонте грозный «ширпотреб», пускается в ход все красноречие, лишь бы отделаться от него.

«Выпуск совка для мусора освоить не в состоянии...» — сообщает владимирский завод «Автоприбор». Это можно было бы посчитать неуместной шуткой, если бы не бланк солидного завода, если бы не № 3/4 — 792, проставленный на письме, если бы, наконец, не директорская подпись...

Вспоминается одна история, которая приключилась несколько лет назад с обычными электроутюгами. Случилось так, что они совершенно исчезли из продажи. С очень малой скоростью, но тревожные сигналы все же дошли до руководителей некоторых совнархозов. «Создалась благоприятная рыночная конъюнктура»,— решили здесь. И стали ляпать самые примитивные утюги устаревшей конструкции.

Павильон лучших образцов не пожелал мириться с этим и передал предприятиям современные образцы — с подпаривателями, регулировкой температуры, универсальные, широкого назначения утюги. Но пока их освоили, прошло еще несколько лет. Появились более совершенные конструкции. Едва родившись, утюг устарел. И так происходит с очень многими товарами. Договоры заключаются. Конторы пишут. А воз и ныне там...

К. КОСТИН

Дальше письмо А. С. Бондарчука раскрывает новую страницу тех лет. Эта страница — лазарет Шморкау, где в тяжелых условиях плена мужественно боролись советские патриоты.

Внешне все, как в обычном лагере. Бараки, обнесенные несколькими рядами колючей проволоки, часовые с автоматами, много часовых. Но внутри лазарета велась советскими патриотами большая политическая работа. Все сведения, касавшиеся хода войны и других событий, перепечатывались, переписывались от руки и распространялись по всей Саксонии. Бондарчук знал человека, который добывал сведения, но, к сожалению, не запомнил его фамилии.

«Странный человек» — так называли в лазарете того, кто был в курсе всех событий на фронтах. Может быть, это была конспиративная кличка. И несомненно, что внешнее поведение «странного человека» было маскировкой, цель которой — усыпить бдительность охраны. Глубоко надвинутая на уши пилотка, бессмысленная улыбка. Да и ходил он как-то странно. Была у него неуклюжесть, которая сочеталась со сноровкой, ловкостью. Охранники хохотали над ним. А насмеявшись, забывали о нем, занимались своими делами, тогда как «странный человек» стоял неподалеку, все видел и все слышал.

Никто, конечно, не догадывался, что этот чудаковатый на вид солдат — на самом деле офицер Советской Армии, танкист. Чаще всего он назначался уборщиком в казарму охраны. И когда охранники покидали ее, уборщик принимался подметать полы и, убедившись, что в казарме никого нет, осторожно поворачивал ручку настройки радиоприемника на Москву, торопливо ловил сводки Советского Информбюро. Иногда раздавалась до боли знакомая мелодия русской любимой песни... Но было не до этого. На клочок бумаги между газетных строк ложились последние известия с фронтов Великой Отечественной войны, а то и просто так запоминались события, которые тотчас же по возвращении в лагерь-лазарет переписывались и передавались рабочим командам Саксонии. Эти вести ободряли пленных, они верили, что фашистам скоро будет конец, и сами, каждый по-своему, в тылу врага также делали все возможное, чтобы приблизить этот конец.

Однако нашлись и предатели. Однажды лагерь окружили эсэсовцы, всем рабочим лазарета было приказано снять с себя всю одежду, выстроиться. Все было обыскано, перерыто. Гитлеровцы обнаружили зашитые в полах шинелей и курток листки со сводками Советского Информбюро. Владельцы этих шинелей и курток были немедленно отделены. Дальше Бондарчук сообщает: «По сведениям, которые попали ко мне в лагерь, который находился в Саксонских горах, в Дрездене были расстреляны Соколов из Москвы, Вениамин Горохов. В другие лагеря попали врач Смирнов (по-видимому, руководитель всей подпольной деятельности в Шморкау), врач Малышев. Их судьба мне неизвестна. Помню еще двух — Мудрык Иван и Семенюк Иван из Каменец-Подольской области. Фамилии и конспиративные клички других товарищей позабыл».

Вот и все, пока еще очень скудные сведения о лазарете Шморкау, о тех, кто и в плену не пал духом, продолжал борьбу. Надеемся, что читатели «Огонька» помогут рассказать подробную историю лазарета Шморкау.

В. РУДИМ

ЧЕЛОВЕК ИЗ «ТИХОГО ДОНА»

В мае девятьсот восемнадцатого года на хуторе Пономареве, ныне Ростовской области, произошло страшное злодеяние, о котором с документальной достоверностью писатель Михаил Александрович Шолохов рассказал в своем романе «Тихий Дон».

На этом хуторе белоказаками был зверски умерщвлен революционный отряд во главе с председателем Совнаркома Донской Советской Республики Федором Григорьевичем Подтелковым, захваченный предательски в плен.

Из погибших тогда восьмидесяти человек трое отказались перед смертью назвать палачам свою фамилию. «Еще кто-то третий,— говорится во второй книге романа,— захотел умереть неузнанным, молча шагнув через порог...» А в списке приговоренных к расстрелу отмечено, что «трое из них не заявили о личности».

В числе этих троих красных бойцов-подтелковцев был пулеметчик Григорий Кондратьевич Журавлев. Он упал последним под пулями в яму, а ночью пришел в себя, поднялся, но от боли снова упал и потерял сознание. Когда же он опять очнулся, то сквозь моросящий дождь увидел тихо причитавшую над ним казачку, которая бережно приподняла его и притащила к себе в хату, затем любовно ухаживала за ним и так спасла ему жизнь.

И вот недавно встретились в станице Вешенской писатель Михаил Шолохов и живой герой его романа Григорий Журавлев. Трогательной была эта незабываемая встреча. На память о ней они и сфотографировались вместе.

Затем Григорий Кондратьевич навестил свою спасительницу Февронью Евментьевну Кадынову, которая живет по-прежнему все в том же хуторе Пономареве. Более сорока шести лет минуло с их первой встречи!

В настоящее время Григорий Кондратьевич — пенсионер, живет в городе Комсомольске-на-Амуре. О легендарных годах гражданской войны ему постоянно напоминают серебряные часы, которые до сих пор идут точно. Эти часы он получил в награду в 1927 году от своего бывшего командира, а позже заместителя народного комиссара обороны СССР Е. А. Щаденко. На них выгравирована надпись: «Журавлеву Г. К.— участнику партизанского движения (1917—1922 гг.), в разгроме белых и иностранных армий».

Никогда не забыть часа гибели революционных казаков-подтелковцев. «Всю свою жизнь,— говорит Григорий Кондратьевич Журавлев,— где бы потом я ни находился и что бы ни делал, ровно одиннадцатого мая, в одиннадцать часов утра встаю по команде «смирно» и со слезами чту память своих боевых друзей минутой молчания...»

Вот так возник перед нами живой герой бессмертной эпопеи «Тихого Дона».

П. ЧУМАК

Встреча Михаила Александровича Шолохова с Григорием Кондратьевичем Журавлевым в августе 1964 года.





Веселый мир

Сергей МИХАЛКОВ

Есть художники, о которых нельзя не сказать, что творчество их радует, заставляет от души улыбнуться доброй улыбкой. Я бы мог назвать ряд таких художников и в числе их замечательного мастера рисунка Владимира Лебедева, друга и иллюстратора книг С. Маршака. Но сегодня я хочу говорить о Евгении Рачеве, с которым меня связали долголетняя творческая дружба и полное взаимопонимание. Его иллюстрации радуют не только читателей, но и меня, автора иллюстрируемых произведений. Мне иногда кажется, что это не художник нарисовал придуманных мной зайцев, волков и прочих персонажей, но это я сочинил сказки и басни, глядя на забавные рисунки моего друга.

Герои иллюстраций Рачева запоминаются, становятся любимыми, потому что каждый из них — это яркий, живой характер, в существование которого веришь. У Рачева есть редкий дар — точное чувство «эзопова языка» басни. А казалось бы, так трудно найти его зрительное выражение. Читая басню, каждый понимает, что за львами, ежами, ослами, енотами автор подразумевает совсем иных персонажей. Рачев сумел создать зрительные образы этих фантастических героев так, что в существование их веришь. Они узнаваемы.

Рачевские зайцы, волки, лисы и медведи — наши русские зайцы, волки, медведи и лисы. И это вовсе не потому, что его персонажи из русских народных сказок или басен Крылова, сказок Салтыкова-Щедрина одеты в национальные костюмы. Совсем не потому, что на рисунках Рачева кокетливые и хитрые лисы щеголяют в нарядных сарафанах и кокошниках, ободранные волки носят зипуны в заплатах, а запуганные тощие зайцы обуты в дырявые лапти. Нет, дело совсем не в этом, хотя все эти детали точны, говорят о знании быта и всегда «играют», заостряя мысль художника. Потому-то всегда и хочется долго рассматривать его рисунки, что в них нет ни одной лишней подробности.

И все-таки главное не в этом, а в точном вйдении характеров всех персонажей. Русскому человеку вообще свойственна зоркая и ласковая наблюдательность за повадками зверья. Вспомните народные детские игрушки, например, деревянные богородские. Сколько юмора и доброты в изображении этих медведей, зайцев, то чем-то озабоченных, то лукавых, а то беспомощных и трогательных! И в рисунках Рачева та же добродушная наблюдательность и юмор, что и в работах народных умельцев. Но его звери родились именно сегодня. Это видно при первом же взгляде на них. В чем же их современность? Я бы сказал, в особой остроте вйдения художника, в точности и строгой отобранности деталей. Высмеянный им персонаж непременно узнает себя в рисунке.

Басенная мораль, басенный подтекст в разное время у разных писателей не может оставаться одинаковым. И Рачев тонко чувствует эту разницу. Волки, караси, пескари из басен Крылова, сказок Салтыкова-Щедрина или басен и сказок, написанных в наши дни, у Евгения Рачева очень разные. Он не просто иллюстрирует текст, а вживается в него, потому-то его рисунки становятся равнозначными литературным образам.

Вы думаете, что Рачев добр и простодушен? Да, когда дело касается наивных сказок и народного фольклора. Но он зол и беспощаден в иллюстрациях к сатирическим произведениям. В веренице созданных им образов отнюдь не одни добродушные медведи и задиристые зайцы. Едко высмеяны им в облике зверей бюрократы, подхалимы, тунеядцы, самоуверенные тупицы и невежды. И то, что зрители смеются, глядя на эти рисунки, хорошо.

Книжки, иллюстрированные Рачевым, например, «Рукавичка», широко известны не только у нас, но и далеко за пределами нашей Родины. Выставки рисунков Евгения Рачева устраивались в Москве и других наших городах, а также в Польше, Болгарии, ГДР, Югославии, Греции, Китае, Индонезии, Франции. И всюду зрители с восхищением отзывались об оригинальности и меткости образов художника, новых работ которого всегда с нетерпением ждем мы все.



Е. Рачев. ЛИСА И КОЛОБОК.



Е. РАЧЕВ. Фото М. Савина и А. Узляна.



У ЛИСЫ ИЗБУШКА ЛЕДЯНАЯ, А У ЗАЙЦА — ЛУБЯНАЯ.

— ЗАЯЦ МОЛОДЕЦ, НЕТ ХВОСТА, А УДАЛЕЦ!





— СЯДУ НА ПЕНЕК, СЪЕМ ПИРОЖОК!

— ЛОВИСЬ, РЫБКА, БОЛЬШАЯ И МАЛЕНЬКАЯ!



КОТ, ДРОЗД ДА ПЕТУШОК — ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК.

Не верь зеркалам

Инна ГОФФ   Повесть воспоминаний.   Рисунки В. БОГАТКИНА.

Глава седьмая

Долго не могла она ночью заснуть, разбередив сердце воспоминаниями. Весь дом спит, а ты лежишь и слушаешь, как шелестят за окнами поздние машины, свет их огней беззвучно проходит по потолку. Сладко спит Танька, набегавшись за день. И кажется Анне Устиновне, что это не Танька, а маленькая Вера. Еще и войны не было, и она, Анна, молодая вдова, живет с дочкой в белорусском городе Слуцке. Как занесла ее сюда судьба, сама не помнит. Яким погиб от кулацкого зелья, и заметалась Анна, как раненая птица, по свету. Думала, и ее сердце не выдержит, разорвется. Приехали в этот Слуцк, пошла в роно на работу устраиваться. Документы смотрят придирчиво—погранполоса. Рассказала Анна про мужа, подобрели. Что окончила, спрашивают. Педтехникум, отвечает. Воспитателем в детдоме или в детском саду могу работать. Короче, дошкольник.

Взяли ее в детский сад при Доме Красной Армии воспитателем. Год проработала — заведующей поставили, а еще через год — в роно взяли, и стала она по колхозам ездить, детские сады и школы организовывать на селе. Там впервые услышала она о себе, что есть у нее особый талант — организаторский. Детенка за собой таскала, как того мыша за пазухой. Куда сама, туда и оно. Зима, как сон, прошла. Дни короткие. А тут весной повеяло. Бывало, с работы идет домой, станет на пороге хаты — и заходить жаль. Снег тает, ручьи бегут, и Анна отогрелась на тех лучах, расцвела лицом, ударила в очи людям ее красота.

— Ты чего замуж не идешь?— спрашивают.

— Ни один черт не бере,— отшутится и мимо.

— Она военных не любит,— говорят.— Не глядит ни на кого.

А там, и правда, кругом одни военные — погранполоса.

Пять лет прошло, как схоронила Якима, а все скучала по нему, ночами просыпалась, плакала. Никто ей не был нужен, а все же весной расцвела. Так и вишневое дерево не может не цвесть, когда придет время садам цвести. И где бы ни стояло оно, может, в дальней дали от садов этих, за глухой стеной каменной, а придет пора — зацветет и оно с садами вместе...

Один такой настойчивый был. Ростом большой, плечи широкие, глаза карие, с искоркой, а на носу рябинка. Командир эскадрона, из конной дивизии. Как встретится, загородит руками дорогу. «Куда вы торопитесь? Я провожу». А она ему: «Ничего, я близко живу». Он ей: «Вы мне понравились». А она ему: «Ну и хорошо. И вы мне понравились. Ну, и до свидания».

Постоишь минуту с военным, чего только на молодую вдову не скажут! Опасалась Анна дурной молвы, отвечала поэтому коротко, сердито. А сама думала: «Интересный. Видный собой. Жениться не женится, а так будет... Прихожалка. Зачем ему брать меня с дитем, когда за него любая пойдет?»

Все же стал он к ней в дом захаживать. С Веркой нянчится, подарки ей носит, конфеты ее любимые, «Мишку», кульками. На май собрался в гости к ней, а она ему: «Я занята, на работе дежурю». А сама не дежурила. Ждала людей к себе: соседку с мужем и с работы одну. Стеснялась, чтобы при людях Борис к ней пришел,— его Борис звали.

Собрались гости, гусь на столе, патефон играет «Марфуша наша веселее всех». И вдруг дверь открывается, и Борис в дверях. Увидел гостей за столом, улыбнулся, а сам белый аж: «А,— говорит,— собрались? Это хорошо. Как раз к моей сегодняшней свадьбе. Извините, гости, что вы раньше меня пришли!..»

А сам наган вынимает. Гости из хаты вон, Анна на подоконник. Окно высокое — три этажа. Он наган положил и как трахнет по столу кулаком — гусь на блюде затанцевал. «Слезай,— говорит,— с окна. Такое,—говорит,—твое дежурство?» Наливает себе и ей. Спрашивает Анну: «Ну, так что? Будет уже по-моему?» А сам на наган поглядывает. И согласилась она. Потом и гости вернулись, поздравили молодых, пластинку опять поставили «Марфуша наша веселее всех и не любить Марфушу грех».

А утром они с Борисом пошли расписываться. (Борис потом смеялся, что она и в загс шла за три метра от него: стеснялась идти с военным по улице.) Назавтра он перевез их с Верой к себе в полк.

Любила она его? Наверно, да. Хотя и не так, как первого. Зато как он ее любил, тому свидетелем была вся дивизия. До этого Борис курил и выпивал, случалось. А тут и курить и пить бросил — люди его не узнавали... И она вспоминала свой двадцать первый казачий полк, лучший в дивизии, поход в Западную Белоруссию, когда им было поручено первым открыть государственную границу, и Белосток, и после тихие Лапичи, куда их отвели на отдых. Дивизия носила имя Буденного, и в каждом полку была койка Буденного; ее каждый день убирали, перестилали: на случай, если маршал надумает к ним заехать...

Она вспоминала, а короткая весенняя ночь шла на убыль, и не маленькая Вера, а Танька вздыхала и бормотала о чем-то в своем детском сне. И в открытое окно пахло морем, которое пряталось где-то там, за горами.

Сколько же можно, думала она, начинать жить сначала?.. Как-то она встретила в Минске свою однополчанку, тоже вдову, Асьму. Обнялись, поплакали. Анна затащила Асьму к себе домой, согрела чаю. Асьма коротышечка, кругленькая, глаза черные, как пуговицы. С годами она еще покруглела. Анну удивило, что Асьма одета по-модному: шапка «столбом» и пальто меховое. И губы Асьма еще подкрашивает и ногти красит. Рядом с ней в своем старом пальто, платке и ботинках стоптанных,— она любила ходить на фабрику пешком в любую погоду, а было там километра три,— Анна почувствовала себя совсем старухой. Она возвращалась с первой смены, Асьма же сказала, что гуляет по бюллетеню.

Асьма пила чай из блюдца с сахаром вприкуску и разглядывала ее комнату. Покрытый ковром диван, зеркальный шкаф, занавески на окнах — ситец, а по нему березки, домики и елочки — подарок Веры. Цветы из поролона в вазочке — Вера их не одобряла,— бархатную вишневую скатерть, которую сберегла чудом и в трудное время не продала,— память о Белостоке. Осмотрела и Анну, как эту мебель,— безжалостно, своими пуговицами. Сказала: «А ты бы могла еще устроиться! Хочешь, познакомлю тебя?»

Анне от этих слов даже кровь в лицо бросилась.

Мамочка моя! И как у нее язык повернулся сказать такое! Молодых сколько в девках сидит... Хотя бы у них на бисквитной фабрике!..

«Что ты, Асьма,— сказала Анна,— зозуля наши года уже сосчитала».

Но Асьма усмехнулась, погляделась в зеркало и вдруг призналась: «А я замужем, Анна. Года еще нет. Нашла-таки себе старичка. Полковник в отставке». Она рассказала Анне, как нарочно устроилась в Дом офицера, в книжный киоск, как приглядела себе вдовца-полковника.

«Пусть молодые в девках сидят,— сказала Асьма.— Наш возраст в цене. Конечно, баба и без мужика проживет, но боюсь я, Анна, старости. Заболею — и воды никто не подаст... Молодые о том не думают, а нам уже думать пора. Вот потому и в цене наш возраст, что старики охотней женятся. Девчонка не всякая за старика пойдет, да и старик, если разумный, под пару себе подбирает...»

Анна слушала Асьму, ее неприличные речи и удивлялась: о чем женщина думает? Одного века, видно, мало ей, хочет два прожить...

Все же в гости к Асьме выбралась — ради любопытства. Асьма хвалилась: телевизор у нее и холодильник. А шубу котиковую тоже полковник ей подарил. Не соврала Асьма, и телевизор и холодильник — все у нее было. И муж был. Полковник в отставке Лев Демьяныч. Крепенький такой старичок, лицо красное, волос сивый —седой, одним словом. По дому хо-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 49, 50.

...ли в тапочках, командует,— в армии привык. Асьму зовет Асенькой, сам чай заваривает.

Стали прощаться, он Анне руку целовать — еле отдернула. Рука грубая, рабочая. Да и не привыкла Анна к таким коникам.

Шла домой от Асьмы, посмеивалась, головой качала. А пришла, отомкнула дверь,— в доме тихо, печка истопилась, наверху остыла, а внизу еще теплая. Достала из печки котелок с кашей, поела без аппетита. Не то чтобы она завидовала Асьме, но тишину своего дома за двадцать лет одинокой жизни услышала как бы впервые.

Вспомнила мужа Асьмы, заместителя командира полка по хозяйственной части Назипа Шарипова. Справный был парень, хоть и ноги колесом. Глаза татарские, узкие, веселые. Не имел привычки женщинам руки целовать, а все же далеко до него этому полковнику...

Асьма затеи своей не оставила. Неделя прошла, зовет к себе: «Приходи, я вечеринку собираю». Пришла Анна, платье надела самое лучшее, туфли лаковые, косу заплела веночком,— не хотела подругу позорить. В общем, нарядилась, как на ноябрьскую. А там — народу! Пальто на пальто, шапка на шапке. Лев Демьяныч в передней гостей встречает, руки целует женщинам. Посадили ее за стол, а рядом полковник, трошки помоложе хозяина, голова, как шар, блестит. А сам шустрый, в тарелку ей всего накладывает — и салатика и селедочки. Она уходить, и он за ней — шасть в коридор. Пальто подает и сам одевается. Вышли за дверь. Он: «Я вас провожу». Как Борис когда-то. Она: «Что вы, я близко тут». И чуть не бежать.

На другой день Асьма ей выговаривала: «Ты что, девчонка? Солидный человек, проводить хотел, а ты «пых, пых». Семнадцать лет тебе? Не о любви речь. На что я деньги покидала? Стол какой сделала!..»

«Да,— думала теперь Анна Устиновна,— не думала, не гадала, что встретится мне такой человек на моем пути. Степан, Степан... И чем ты меня взял? Молчанием. Первый — глазами синими, второй — наганом, а этот—молчанием, верностью...»

Познакомились в одном доме. Сидели рядом, как у Асьмы с тем лысым полковником. Только тут не он ей, а она ему в тарелку накладывала, угощала его, хотя сама была в гостях, а он брат хозяина. Он, Степан, одет был плоховато, рукава пиджака потертые. Степан смущался, прятал руки и ел мало. И все помалкивал. А когда в двери стучали новые гости, хозяева на него смотрели — и он шел открывать. Потом все выпили и стали просить Степана, чтобы он на скрипке сыграл. И скрипку вынесли. Он отказывался, глаз не поднимал. Тогда она, Анна, сказала негромко: «Сыграйте, Степан Лукич». Он поднял на нее глаза, какие-то виноватые, чистые, протянул руку за скрипкой... Как он играл! И пока звучала скрипка, она сидела гордая, и ее не покидало сознание того, что всю эту прекрасную музыку, этот плач и стон чьей-то души вызвала к жизни она, ее негромкое: «Сыграйте, Степан Лукич».

И еще было неловко ей — как будто он при всех рассказывал ей что-то свое, сокровенное, назначенное для нее одной...

Когда расходились, она оделась сама, он не догадался ей помочь, но пошел рядом с ней, не спрашивая, хочет она или не хочет. И всю дорогу молчал. Так молчал, как будто все уже между ними сказано...

Она приехала в К. с твердым решением, и только дразнила его, сказав, что должна подумать. Она привыкла к нему, к тому, что он приходит к ней по вечерам, старательно вытирает ноги о половик и садится на табурет у двери, подальше от нее. Они слушают радио и пьют чай — кроме чая, она ничего не выставляла ему, чтобы он не думал, будто она его привораживает.

Еще на фабрике, подсчитывая последние замесы перед концом смены, она с удовольствием начинала ждать вечера, той минуты, когда за ее окнами, за низким забором, промелькнет знакомая кепка. Он починил ей все, что имело отношение к его профессии,— он был электриком. Работал он тоже молча, иногда насвистывал, но она запрещала: «Свистеть в доме — денег не будет». Потом он уходил, и она просила его затворить ставни. И когда он затворял их, громыхая за окнами болтами, у нее на сердце было тихо и ласково, как будто кто-то тепло укрывал ее во сне...

Она каждый день собиралась сказать Вере, что выходит замуж. Но все откладывала. Она все чаще подумывала, что так и уедет, не сказав ни слова. «А что, дочушка! Ты выходила замуж, сказала мне? Дала отчет? Так и я тебе отчитаюсь...»

Но она знала, что есть и еще причина, отчего она откладывает разговор с дочерью. В последние дни она мало думала о нем. Ее захватили воспоминания; они ширились, как река в разлив, отдаляли ее от Степана, и где-то, на том берегу, едва виднелась одинокая фигурка в поношенной кепке.

Глава восьмая

Радиокомитет помещался в старинном здании. В его больших прохладных комнатах всегда словно не хватало света. Особенно это ощущалось весной, когда К. был залит солнцем, а тут приходилось жечь электричество. Зато летом, в жару, здесь была благодать. Толстуха Нюта, редактор молодежного вещания, говорила, что только это ее здесь и удерживает,— она плохо переносила жару. Нюта четырнадцать лет работала на радио. Работала, чертыхаясь, кляня все на свете, порываясь уйти куда-то: в газету, в театр, в издательство. Слухи о том, что Нюта уходит, постоянно носились в воздухе этого дома, а ее слова: «Господи, когда все это кончится?»— давно стали поговоркой. Сама Нюта, пожалуй, знала, что это не кончится никогда. Она любила радио, любила этот дом, его прохладные комнаты и населяющий их веселый, остроязыкий народ. Ей нравилось чувствовать себя в эпицентре новостей, первой узнавать о событиях, происшедших в мире. Ее ужасно волновали спешка, накладки, авралы, чепе, напряженная атмосфера, которая постоянно царила здесь, но в последние годы заметно пошла на убыль: почти все выступления давались в записи.

Вера дружила с Нютой. Ей по душе была эта толстая, чуть медлительная женщина с умными глазами, в которых светился грустный юмор. Она никогда не была замужем, но, когда ее спрашивали об этом, отвечала: «Муж погиб на фронте». «А почему бы и нет?» — говорила она тем, кто знал ее близко.— Откуда я знаю, где он погиб и как его звали? Но я знаю, что он был, и если б не война, мы бы встретились. Это точно». Она произносила это так убедительно, что с ней в душе соглашались.

Вера всегда заходила к Нюте, зашла и теперь, сдав материал об Усть-Лабе. Нюта ей обрадовалась.

— Заходи, сердце мое,— сказала она, увидев Веру.— Радость очей моих, заходи!— Нюта предпочитала возвышенный стиль.—Садись, дитя кубанских полей... Хочешь халвы?

Нюта была сластена. И сейчас она ела халву прямо из маслянистого пакета, лежавшего на краю стола.

— Господи, когда все это кончится?— сказала она.— Ты посмотри, какое письмо. У нас была передача, по нашему вещанию — молодые журналисты в Сибири, помнишь? Еще назвали так пышно —«Свидание с жизнью», я была против. Ну, так вот, один из них — по-моему, этот Валька Типот — все распинался насчет Марьи Карениной,— это ему растение в Сибири попалось с таким названием. Оно его удивило. Прямо, можно сказать, ошарашило. Почему Марья Каренина? Каренина, но — Марья? Имеет ли отношение к роману Толстого? Может, была в тех краях Марья и тоже под поезд бросилась?.. В общем, развел длинную философию в эфире. А вот радиослушатель Старых Федор Никитич из Дубинок пишет: «Скажите вашему журналисту, не запомнил, как его фамилия, что растения Марья Каренина в Сибири нет и никогда не было, а есть Марьины коренья, о чем я, бывший сибиряк, вас уведомляю...»

— Нюта, меня только что убили,— сказала Вера.— Я не могу смеяться...

Ее в самом деле убили: нужны ежедневные сводки с фронта посевных работ и посылают ее, Веру, на этот раз недели на две, до окончания сева.

— Сейчас, когда у меня мама,— сказала Вера.— Я люблю ездить, как никто. Но мама этого не поймет. Мы не виделись три года, и вдруг я уеду...

— Ешь халву,— сказала Нюта.— Ты пыталась с этим чудовищем говорить?

— Я спросила: «Это приказ?» Он сказал: «Если хотите». Я спросила: «Его отменить нельзя?» Он посмотрел на меня — ты знаешь, как он умеет смотреть — и сказал: «Сев отменить нельзя». И все. Точка. Межонок — с вещами, на выход.

— Господи, когда все это кончится?— сказала Нюта.— Ешь халву.

Они поговорили о главном редакторе, человеке новом и непонятном. Нюта сказала, что, когда он сердится, глаза у него становятся белесыми, «как у вареной рыбки». И еще ей кажется, что главный неравнодушен к Вере. А если он посылает ее в самые дальние и долгие командировки, то лишь с одной целью — изгнать беса...

Нюта всегда что-нибудь придумывает. Вере же было не до шуток. Она просто не знала, как скажет дома о своем отъезде. Танька и Дима привыкли, с ними проще. Но мама! Бедная мама! Хорошо, что главный дал сутки отсрочки. Этот день она целиком посвятит матери, покажет ей город, музеи...

К полудню они уже видели все, что можно было увидеть, прошлись по главной улице, побывали в двух музеях — краеведческом и изобразительных искусств. Мать удивлялась и радовалась, что у Веры и здесь уже столько знакомых: то и дело ее окликали какие-то люди, здоровались с ней на ходу, а иногда останавливались,— и она знакомила их с матерью, чув-



ствуя, что матери это приятно. В краеведческом Вера и сама, как ни странно, была впервые и теперь с интересом разглядывала экспонаты времен гражданской войны: пушку, винтовки, воззвания на пожелтевшей бумаге, листовки, фотографии Кочубея и Соломахи, легендарной героини, чернокосой красавицы, казненной белогвардейцами.

Зато она хорошо знала сегодняшний день этого города, его промышленность и сельское хозяйство, дары его заводов и полей. Она показала матери макеты компрессоров и холодильных установок — продукцию Диминого завода. Мать с уважением осматривала макеты, обходила станки и вдруг ревниво спросила:

— А твоего, дочушка, тут ничего нема?

— Мое тут все,— сказала Вера запальчиво. Ее всегда задевали разговоры о том, что труд ее растворяется, тает в воздухе, не оставив следа. Не всякий след увидишь глазом! Есть след от колес на земле и след в сердце— от песни...

В Музее изобразительных искусств, который они осмотрели бегло, мать задержалась перед картиной неизвестного художника—мадонна с с младенцем. В музее было много хороших картин. Вера неплохо знала живопись. Но копии итальянских мастеров и подлинники русских художников, представленные здесь в обратной пропорциональности — чем крупнее художник, тем меньше была его картина,— оставили мать равнодушной, хотя она слушала Веру внимательно и приговаривала свое: «Так-так...» Зато к мадонне неизвестного художника она вернулась еще раз, перед уходом, и долго стояла, думая о чем-то своем. Мадонна на картине была очень молоденькая, печальная. Типичная мать-одиночка. А матери она, видимо, напоминала что-то свое, может быть, молодость, когда она осталась вдовой с маленькой Верой на руках.

Покончив с музеями, Вера взяла такси, хотя мать и протестовала — она не привыкла к такой роскоши и считала это мотовством и барством,— и они прокатились через весь город, на Старую Кубань. Только когда Вера отпустила машину, мать вздохнула облегченно.

Вода в Старой Кубани — так называли большое озеро, старицу, излюбленное место для купания — была чистая, бледно-голубая, как и небо. Посреди озера зеленел островок с купой деревьев, к нему вела песчаная дамба. У самого берега, в воде, пугая головастиков, плескались мальчишки. Вера с матерью сели на скамеечку над берегом, в кустах сирени. Сирень еще не расцвела, но уже выбросила лиловые кисти. Неподалеку, на мостках, парень, голый до пояса, с красной майкой, повязанной вокруг бедер, красил лодку.

— Ну, не красота?— говорила мать, вдыхая слабый запах нераспустившейся сирени и щурясь от яркого весеннего света.— Какой тут простор! Какие края богатые, дочушка!

Вера еще не сказала, что уезжает, все ждала подходящего случая. Не теперь же, когда они сидят над водой, и мать наслаждается покоем этой минуты?..

Мальчишки, накупавшись, убежали, стало тихо. В спокойной воде отражались мостки и красная майка парня, красившего лодку. Мать молчала, смотрела на голубую воду. И вдруг спросила:

— Ты помнишь Асьму? Нашего замкомполка Назипа Шарипова жена была... Боевая такая, веселая...

Нет, Вера Асьму не помнила. Только где-то в памяти знакомо откликнулось — Шарипов.

— Я ее в городе у нас встретила,— продолжала мать, глядя на воду.— Тоже осталась вдовой, как я... Сколько там наших людей полегло, дочушка, на границе той! Обнялися мы с ней, поплакали... Вспомнили свой полк, мужей своих. У нее добрый муж был, моему Борису товарищ. Перед самой войной в кружок стали ходить. Кружок открыли тады — немецкого языка. Я тепер так думаю,— кое-кто знал, что война будет... С немцем. И скоро будет. И предательство было, дочушка! Перед самой войной переформировывают наш полк и переводят из двадцать первого казачьего в Сто девятый механизированный. Сказали, переучивать будут. Коней, значит, отвели, а танков не присылают. Хлопцы наши кручинятся — коней жалко, и у танк лезти коннику тяжело, рослые все,— одно слово, казаки!.. И тут — война!

Сколько буду жива на свете, не забуду тот час. Нас тады в Лапичи, на отдых поставили. Ты спала, не слыхала, малая еще была. А я на сон чуткая. Прокинулась серед ночи — в окно сверкнет, как молния! Как загремит! Бориса бужу: «Слышишь, Борис?» А он просыпаться не хочет. «Это мехполк соседний на занятия выезжает». «Нет, Борис, что-то не так...» Лежим, слухаем — ординарец бежит... стук-стук... подковками. «Тревога!»

Борис оделся в три минуты — и за чемодан «энзэ». Убег. Возвращается в скором времени. «Аня, война!» А уж весь дом проснулся, двери хлопают.

«С кем война?»

«Не знаем. Провода в полках порезаны...»

«А откуда ж узнали?»

«Гонец с дивизии прискакал». А дивизия от нас, дочушка, восемнадцать километров...

Да, было что вспомнить нам с Асьмой! Как нас в деревню Ручей вывезли...

— Это я хорошо помню,— сказала Вера.— Здорово нас бомбили тогда!

— Они не в нас кидали — в мехполк. И зажигалки и фугасы. Весь свет горит, а мехполк из колхозников пополнение набирает, и в эту толпу их бомбардировщики бомбы сбрасывают. С севера наш бегит маленький ястребочек, а они, как гуси, повернут круто — и на него...

Мать замолчала и сидела так долго, откинув голову с тяжелой косой, прислушиваясь к чему-то. По голубой воде задумчиво скользила лодка — спасательная. В лодке сидела парочка. Девушка опустила руку в воду, юноша налегал на весла. Неожиданно мать засмеялась.

— Ты знаешь, что она мне говоре, эта Асьма? Ты, говоре, еще можешь устроиться, ну?

— Как так устроиться?— не поняла Вера.

— Ну, как люди устраиваются,— сказала мать, глядя перед собой, и в ее голосе Вере послышалось смущение.— Замуж выйти, одним словом. Сама устроилась, тепер меня тяне.

— А что?— сказала Вера.— Ты у меня еще молодая, в тебя влюбиться можно.

«Неужели мать собралась замуж?»— мелькнуло в голове.

От ее похвалы мать зарделась, и на миг Вере показалось, что догадка попала в цель. Но только на миг. Она не могла поверить этому всерьез. Слишком долго мать принадлежала ей. Только ей и еще Таньке.

— Глупáя ты,— сказала мать, и лицо ее стало строгим.— Какая может быть любовь в мои года? Волк у лесу один рыскае, а человек один не може. Нашла себе женщина человека под пару. Он один, и Асьма одна. Поженились и живут как-то...

Вере показалось, что мать спешит закончить неловкий разговор, который зачем-то начала и который тяготит обеих. И Вера сказала:

— А я, мама, уезжаю завтра. Посылают меня в район на всю посевную...

Сказала и ждала, что мать будет ахать или обижаться. Но она спросила только:

— Что ж, дочушка? И проводить меня не приедешь?— И вдруг спохватилась:— А чего ж мы тут сидим? Тебе собираться надо...

И в который раз Вера подумала, что они с матерью мало знают друг друга. Мать провожала ее как будто даже с радостью. «Тебе там спокойно будет. Я тут с Танечкой, за дитем пригляжу». Должно быть, мать огорчилась в душе, но виду не подала, не удивилась, что жизнь опять отнимает у нее какую-то крупицу счастья. Она давно научилась переносить мужественно свои потери, большие и малые.

Как я могла подумать такое, что мать собирается замуж? После того, что пережито, одного только может хотеть душа — покоя.

Бедная мама! Всю войну она вспоминала, как в Лапичах перед отъездом постелила белую скатерть, навела уют, надела белый крахмальный чехол на диван.

«У матери жизнь отнимала,— думала Вера, собираясь в дорогу,— а я сама не умею жить... Опять куда-то лечу, бросаю семью. Танька привыкла, только просит: «Привези кубинские марки». Вере сказали, что в районе, где ей предстоит жить, работают на посевной кубинцы — ученики школы механизаторов. Танька выросла, все платья ей коротки, школьная форма трещит, рвется на локтях. В записной книжке у Таньки, среди адресов и телефонов ее подруг, есть запись: «Все слоны близоруки».



Наткнувшись случайно на эту запись, Вера показала ее Диме, и они долго смеялись. Теперь она думала: «У Таньки решающий возраст. Сто открытий в день. Тысяча вопросов. А мне все некогда, некогда...»

Она казнила себя в душе за то, что не говорила с главным более твердо, а сама уже испытывала подъем, как всегда перед дорогой. Чувствовала, что ее уже влечет, захватывает, забирает в плен это слово «дорога», без которого она не мыслит себя, свою жизнь...

— Димка,— сказала она, обнимая его худые, острые плечи и заглядывая ему в глаза,— я не виновата. Я не хотела ехать. Но все у нас в отделе такие тяжелые, такие семейные...

Он усмехнулся, слегка отстранясь.

— Это ты хорошо сказала. Все семейные... Кроме тебя!..

Она поняла свою оплошность.

— Не придирайся,— сказала она сердито.— Ты думаешь, мне нравится такая жизнь? Мотаюсь туда-сюда, как соленый заяц... Думаешь, мне легко?

Она могла сердиться. Могла даже заплакать вполне искренне. Но он знал ее слишком хорошо, чтобы поверить в ее желание остаться дома. Сердцем она уже в пути. Он почти ощущал кожей этот лихорадящий холодок, который веял от нее, как от машины, летящей на полной скорости по шоссе...

Глава девятая

Танька захлопнула учебник географии и выглянула в открытое окно. За окном, высоко в вечереющем небе, сияли розовые длинные облака. «Перистые»,— определила Танька. Раньше, глядя на небо, Танька просто думала: «Сейчас пойдет дождь» или «Какое красивое облачко, как перо жар-птицы». Теперь она знает, что облака бывают трех видов: перистые, кучевые и слоистые. Лучше всего в учебнике сказано про перистые облака. Сказано, что они состоят из мелких кристалликов льда и поэтому очень красивы. «Перистые облака никогда не закрывают солнце...»

Отныне Танька будет смотреть на небо вдумчивым взглядом метеоролога, изучающего характер облачности. Со временем это пройдет, и она опять будет говорить, как люди: «Сейчас пойдет дождь» —и, глядя на небо, вспомнит не параграф из учебника географии, а строки Пушкина: «Мчатся тучи, вьются тучи...» или «Редеет облаков летучая гряда».

А пока что за окнами, высоко в небе, сияют перистые облака, а во дворе на скамеечке сидит бабушка Анна и беседует с Кузьмичом из Сашкиного подъезда. Кузьмич— пенсионер. Он принадлежность их двора, как турник или качели. Когда Танька была маленькая, она думала, что пенсионер — это такая профессия. Все теплые вечера Кузьмич проводил на скамеечке во дворе. Возле него лежит стопка газет, и он читает их, все подряд, а между чтением сдвигает очки на лоб и покрикивает на ребят. Свои внуки у Кузьмича были, но не здесь, а далеко, на Урале. Туда, к сыну, уехала его жена. Уехала нянчить внуков. А Кузьмич считал, что на юге ему жить полезней. Он остался один в большой квартире, сам варил себе еду, экономил, откладывал на сберкнижку, и во дворе его называли «богатый жених», конечно, в шутку. «Интересно,— думала Танька,— о чем он может разговаривать с бабушкой?» Танька спустилась во двор. Мелюзга копошилась в песке. Ссорились близнецы Алешка и Антошка. Они вечно ссорились. Вот и сейчас Антошка ревел басом. Танька присела на корточки, вытерла своим платком Антошкины слезы. «Ты чего?»— спросила она. Антошка проговорил, всхлипывая: «Я слепил... космос, а он... сло...сломал...»

Потом Танька покачалась на качелях, но без удовольствия. Не потому, что Сашки не было во дворе — он всегда по субботам уезжает в станицу, к тетке. Просто так. Сколько можно качаться?.. Танька подошла к скамеечке, на которой сидели бабушка и Кузьмич, и стала слушать, о чем они говорят. Кузьмич первый заметил ее.

— Ты чего тут ошиваешься?— сказал он.— Места во дворе мало, что ли? Ступай отсюда

— А чем дите вам мешает?— сощурилась бабушка.— Это внучка моя, ей около меня посидеть хочется. Садись, Танечка, посиди с нами. Такого тут ничего нема, что тебе слушать нельзя... Вот, рассказываю человеку свою жизнь, а он удивляется. Такую жизнь прожила, а добра не нажила... Куды оно мне, добро этее? На тот свет его не забрати... На свою жизнь я не обижаюсь, на чужую не завидую...

— И напрасно,— сказал Кузьмич.— А я вот завидую.

— Завидуете?—сощурилась бабушка.— А кому?

— Мало ли кому! Вот в газете читаю: «Прием в Кремле. На завтраке присутствовали...» Прочитаешь такое и думаешь: что там подавали, на завтраке? Небось, икру да балычок... А меня на тот прием позвать забыли...

— Шутите!— сказала бабушка, разглядывая Кузьмича.

— Зачем шучу? А то еще вот, пожалуйста: «Гагарин в Мексике». Вы представляете, как его там встречают? А мы с вами были в Мексике? Нас туда звали? Весь мир мальчишка изъездил, везде ему почет, слава... А что он такое сделал? За какой-то один виток... И вот он в Мексике, и толпы его встречают, и дарят ему эту большую шляпу, как она, черт ее дери...

— Сомбреро,— подсказала Танька.

— Тебя не спрашивают... Надевают на него сомбреро, девушки ему улыбаются... А нас с вами туда звали, в Мексику?

— Нас не звали — так детей наших позовут,— сказала бабушка.— Или внуков наших. Вот моя Танька, внучушка. Она и на Луну полетит и у Мексику... А мы с вами ей услед поглядим да рукой помашем...

—Ну, не старый гриб?— возмущалась бабушка после, когда они с Танькой сидели после ужина на балконе.— Ну, не вредный старик? Как таких земля еще носит! Заняться старому нема чим, вот и завидует на чужую славу...

Небо давно померкло, перистые облака растаяли. На юге рано темнеет. Ушел со двора старый Кузьмич, детей увели спать. Только фонари светят во тьме да белеет посреди двора одинокое дерево — урюк. Ни разу еще не поспели на нем плоды,— поедает их детвора еще зелеными.

Танька смотрит на первую звездочку, что загорелась прямо над их двором, и думает о маме. Где она сейчас? Видит ли звездочку? Танька обязательно побывает везде. Во всех странах. В Мексике. И, конечно, на Кубе. Интересно, привезет мама кубинские марки? Если попадутся две одинаковые, Танька поделится с Сашкой...

— А чего этай Кузьмич удивляется?— заговорила вдруг бабушка.— Что я добра не нажила, а сама на таких должностях работала. Другая бы, говоре, и дом себе справный построила и на книжку бы отложила. А вы, говоре, жить не умели, вас сразу видно...

Бабушка говорила громко: видно, разговор с Кузьмичом разволновал ее.

— Да, на должностях я действительно работала... При деньгах, при продуктах, в такое время тяжелое, военное... Как приехали мы у Сибирь с твоей мамочкой... А куды идти, где притулиться? Пошла в военкомат, слышу — в военторге люди требуются. Предлагают поварихой в военную столовую. Какая из меня повариха? Воспитательница я, дошкольник. Но все же решила: попробую. Прихожу, а там спрашивают: «Работали уже в столовой?» «Работала, гавару». Тут мне вроде экзамена. «Какие бывают супы?» Классификацию, значит. Мне б тады сказать: «Прозрачные, слизистые...» А я им: «Пшенный, грибной...» Они засмеялись, поняли все. «Мужу варила?»— спрашивают. «Ладно. Как мужу варила, так и тут будешь варить». Поработала неделю так, опять кличут. Ставят директором столовой в военном городке, на станции Юрга. Там тады сибирские полки формировались, для отправки на фронт... Ставят меня, значит, директором. Людей, говорят, сами себе подберите... Подобрала себе штат тут же во дворе. Женщина одна, артистка из Одессы, смуглая такая, румяная — ее поварихой, а мужчина на протезе, худой такой, подгалистый сурок — его кладовщиком. И девочки две — моей Верки трошки постарше,— их официантками. Народ весь эвакуированный, весь не по специальности. Как справимся? Ничего! Приехали в этаю Юргу. Полковая столовая на двести человек. Командир части спрашивает: «Можете нам дать завтрак?» Повариха моя, Анатольевна, отвечает: «Все будет». Дело уже вечером. Выделили нам наряд, солдат пять человек. Ну, ночь спать никому не пришлось. Девочки мои убрали веранду, цветов по тайге нарвали — на столы поставили. Анатольевна к утру пышек напекла, каши наварила, чаю. Командир части пришел, завтрак наш попробовал. Пришли командиры завтракать—едят, друг на друга глядят. Командир части говорит: «Начало очень хорошее, но боюсь за конец». Меня аж в жар кинуло. «Что, вы нас подозреваете?» А он смеется: «Девушки у вас красивые. Переженятся, и будем без завтрака». И как у воду глядел. Приехал к нам в часть Герой — первый Герой, за эту уже войну получил,— влюбился в ленинградскую девочку и увел. А там скоро и другая замуж вышла и с мужем на фронт уехала. А еще до того дали мы в столовой такой концерт!.. Пианино у нас на веранде стояло. Я его на ключ замыкала, чтобы зря инструмент не портили. А у нас в части композитор один служил. Политруком. Забыла фамилию. Придет иногда перед ужином, пианино отомкнет, поиграет... Так и у тот вечер. Июнь уже кончался. Тайга цветет, а ночи у Сибири светлые-светлые... Ужин готов, кое-кто сыт уже, поужинали. Композитор поиграл и ушел. Верка моя потренькала. И вдруг кладовщик, сурок этай хромой, вылезает из своей кладовки, садится за этае пианино и давай играть. И такое все душевное! А моя артистка Анатольевна полотенце подоткнула и как запоет!.. Оказывается, кладовщик был до войны музыкант. Моя ты мамочка! Все вокруг собрались. Кто поужинал — не уходит, кто голодный — ести не просит. Все новые песни заказывают. На два часа задержали ужин, режим нарушили. И командир части тут был, тоже слушал, как и все. А потом, когда концерт наш кончился, говорит мне: «Ну, у вас и штат!» А я ему: «Штат по несчастью!..»

— Еще расскажи, бабушка,— просит Танька, боясь, что сейчас ее отправят спать — час уже поздний.— А потом что было?..

— А потом отзывают меня у Томск и ставят завстоловой стройбата — строительный батальон, одним словом. Народ пожилой — с бору, с сосенки... В ватничках ходили, с котелочками. Дали мне столовую на две с половиной тысячи. Это же какая ответственность, внучушка! А время какое — война, карточки: на хлеб, на сахар, на жиры. Народ кругом голодный, есть такие, что и совесть потеряли, а через мои руки продукты пищевые идут — ящиками, мешками... Тады я у партию заявление подала... Думала так, что при таких ценностях должен партийный человек стоять... Меня уже знали там. Приняли единогласно... Год кормила я стройбатовцев, не обижались. Тады опять за мной — назначают в столовую военной академии связи, тоже на две с половиной тысячи... Академия ленинградская, в войну туда была переведена. Слушатели — офицеры, фронтовики недавние — отозваны для усовершенствования... А тут как раз погоны ввели, в феврале сорок третьего... Ничего, думаю, такие же люди, как те мои, в ватничках. Накормлю и этих! Ну, не герой твоя бабушка? А у нас в академии этай одних генералов семь человек.



Они отдельно обедали, к ним официантка одна и директор, я, значит, а больше никто не мог заходить... И все были довольны, и благодарили все... Ну, какая, скажи, может быть человеку еще награда?.. Звали меня с собой, в Ленинград, когда война кончалась... А я им: «Нет, поеду на родину, у свою Беларусь». Сколько сердце мое по ней болело! Солнце на запад, и глаза мои туда... Но не пришлось еще сразу ехать. Война кончилась, а мне новое задание от райкома партии — организовать инкубаторную станцию у городе. Говорят: «Двое уже брались, но у вас, мы знаем, получится». Инкубатор «Пионер». Он уже привезен, свален, а никто не знает, что с ним нужно делать. И читаю — на две с половиной тысячи яиц... Моя ты рыбочка! Как прочла цифру — и покатилась со смеха. Они глядят — баба рехнулась. А я им: «Эта цифра для меня счастливая. Ладно. Берусь наладить». И что ты думаешь, внучушка? Нашла инженера, подвели высоковольтную проводку. Три счета наших у государственном банке... Собрали этот инкубатор, сделали закладку яиц. И запищали наши цыплятки...

Танька слушает, и душа ее наливается гордостью. Не у каждого есть такая бабушка!.. Ни в книгах, ни в учебниках не прочитаешь того, что она расскажет. Не каждому есть что рассказать своим внукам. Иной жизнь проживет, а вспомнить нечего. А бабушка еще молодая. Она и теперь работает, делает печенье на бисквитной фабрике. Вкусное печенье. Бабушка Таньке покупала его в магазине на главной улице. Бисквитное, с шоколадом. «Это нашей фабрики»,— сказала тогда бабушка... Танька различает печенье по сортам — затяжные сорта, сахарные, розница. Так называются цеха на бисквитной фабрике. Один только бабушкин цех выпускает четыре тонны печенья в смену... На фабрике печенье называют скучным словом —«продукция»...

— И сейчас работаю,— говорит бабушка.— Хоть бы какой ящичек того маргарина у меня пропал или мешок сахара... Я за сырье по цеху отвечаю, за каждый грамм моя расписка стоит. Через мои вот эти руки его тонны и тонны прошли... А этай старик, мозгляк этай, гаваре, что я жить не умею,— добра не нажила. Ну, не гадость? Вот оно, мое добро, годами нажитое,— мое имя доброе... И ты, внучушка, какое дело ни поручат тебе, делай по чести и совести...

— А что это твой батька долго не иде?— спросила вдруг бабушка.— Може, заблудился? Пора ему уже дома быть...

В небе звезды высыпали яркие, большие Только на юге бывают такие звезды. Ветерок подул ночной, холодный, с запахом моря.

Танька давно в постели лежала, а все ей не спалось. Большая бабушкина жизнь, как будто прожитая и ею, Танькой, странно близкая и понятная, волновала ее. Бабушкино прошлое сливалось с ее, Танькиным, будущим — еще неизвестным, загадочным — в одну общую бесконечную цепь, именуемую человеческой жизнью... Не постигая этого умом, Танька сердцем чуяла этот огромный кипящий вокруг нее простор жизни с кубанской степью и горами Кавказа, с сибирской тайгой и белорусским затяжным дождиком, с облаками — перистыми, кучевыми и слоистыми. Незнакомые голоса окликали ее,— этих людей она еще не знает, а только узнает в будущем. И почему-то среди них Сашка, непохожий на себя, совсем взрослый, он ей говорит: «Я офицер связи»— и спрашивает: «Где пропадала?» А что это за девочка, такая знакомая, хотя Танька ее видит впервые? Это мама, такая, как на детских карточках. С белыми косками вразлет, в сарафанчике маками: «Товарищи бойцы, выручайте — ести нема чего...» Танька любит эту карточку, где маме, как ей, двенадцать лет. Когда Танька была маленькая, она сказала даже: «Зачем ты выросла? Осталась бы такой. Мы бы с тобой дружили!» И мама долго смеялась и рассказывала своим знакомым, и те смеялись тоже. Теперь Танька понимает, что сморозила глупость. А с мамой они и так дружат!.. Только мало разговаривают: маме всегда некогда. «Когда мне поручат сделать о тебе репортаж, тогда побеседуем»,— шутит мама. Такая уж профессия! А кем будет Танька? Может быть, правда, полетит на Луну? Вполне возможно. Главное — она будет жить честно, по совести.

Окончание следует.

ЧТОБЫ КАЖДУЮ ИЗЮМИНКУ — ПОПОЛАМ

Такими и только такими — полными доброжелательства — мыслятся человеческие взаимоотношения сыну колхозной учительницы, комсомольцу Пулату Садыкову — главному герою романа «Могучая волна».

Шараф Рашидов, автор этого произведения, не скрывает ни той определенности симпатий и антипатий, которая составляет главную сущность характера Пулата, ни своего собственного, явно положительного отношения к герою. В этом незавуалированном, более того, настойчиво и последовательно откровенном выявлении душевной сути, движущей людьми в «Могучей волне»,— своеобразие писательской манеры. Видно, что роман написан человеком, который и сам неравнодушно живет на земле, сам активно борется с кривдой, поддерживая правду. Разве только вкладывает в эту борьбу опыт и знание жизни, во много раз бо́льшие, чем у молодого, горячего Пулата.

Узбекские юноши и девушки, строители Галабагэс, с которыми нас знакомит Шараф Рашидов, живут и действуют в годы войны. Однако почти все те коллизии, с которыми сталкиваются герои, носят не узковременной, не преходящий характер. Будучи определены сферой духовного, нравственного бытия, они связаны с нормой поведения человека — и прежде всего комсомольца, коммуниста — во всех случаях жизни, на всех этапах истории.

Поступками Пулата неизменно движут искренность и честность: он и врагу прямо говорит о своей вражде, чтобы тот ни минуты не заблуждался на этот счет, не думал, что ему удалось провести, обмануть юношу. Друзей у Пулата много, а враг только один, зато он очень хитер, могуществен, влиятелен, этот враг, ссориться с ним опасно! Но Пулат не таков, чтобы отступать из-за опасностей! Скорее он наделает ошибок, пытаясь иногда ломиться в открытую дверь, и ссорится даже с друзьями, но уж ни за что не пойдет на поклон к ответственному работнику Тураханову — карьеристу, человеконенавистнику...

Между Пулатом и Турахановым стоит нежная, маленькая Бахор — неизменный друг и товарищ Пулата, его первая любовь. Бахор всей душой предана Пулату. но, веря в честность Тураханова, в его авторитет, она оспаривает мнение Пулата о Тураханове как бездоказательные, ошибочные домыслы. А Пулат шаг за шагом, срываясь и горячась, все-таки идет своим нелегким путем наперекор Тураханову, добиваясь всего, в чем тот мешает ему. Пулат начинает работать на стройке Галабагэс, хотя Тураханов не допускал его туда якобы из-за болезни. Пулат побеждает и самую болезнь и едет добровольцем на фронт, куда отправляют трясущегося от страха Тураханова.

С первых строк до самого финала автор открыто противопоставляет чистоту помыслов, преданность, ясность души своих молодых героев стяжательским интересам перерожденца, прикрывающегося партийным билетом. Как ни маскируется, как ни приспосабливается Тураханов, немыслимо руководить народом, направлять течение жизни человеку, чуждому современности. Могучая волна этой жизни настигает и захлестывает двурушника: он идет ко дну, мертвый еще при жизни, еще задолго до линии фронта.

А Пулат едет побеждать. И он счастлив от сознания своей нужности народу.

Возвращайся же, Пулат! Сколько дел тебя ждет по возвращении! Это тебе придется возводить новые стройки, создавать небывалые моря и города, насаждать такую жизнь, где каждую изюминку действительно будут делить пополам люди рабочего класса — твои товарищи, Пулат, друзья и братья.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Шараф Рашидов. Могучая волна. Роман. Авторизованный перевод с узбекского Юрия Карасева. «Молодая гвардия», Москва, 1964.

О любви и войне

Пятнадцатилетние мальчишки встретили минувшую войну как истинные мужчины: они шли в военкоматы и райкомы комсомола — правда, их отсылали обратно, в школу и к родителям; они бегали на фронт — правда, их ссаживали с поездов и вежливо препровождали домой. Года через два — через три они стали солдатами... У многих отцы уже были убиты. На фронт мальчишек провожали матери и бывшие одноклассницы...

Мальчишки, мальчишки,
вернитесь живыми домой!..

О них писали очень мало. Пожалуй, только Владимир Богомолов рассказал в своем «Иване» о страшной и героической судьбе русского мальчика, детство которого кончилось с началом войны.

Самый обычный московский мальчишка из седьмого класса обычной московской школы стал героем нового романа Сергея Баруздина, «Повторение пройденного». Мальчишка любил Чистые пруды и улицу Кирова, мечтал о подвигах, восхищался челюскинцами, писал стихи, каждый день пропадал в городском Доме пионеров... И, конечно, зачитывался «Школой» Гайдара и «Дикой собакой динго, или Повестью о первой любви» Фраермана. И, конечно, испытывал невероятные муки любви к девчонке, которая была на три года старше его.

То, что он самый обыкновенный, длинный и тощий мальчишка, герой романа понял утром 22 июня 1941 года, когда он отправлялся в санаторный пионерский лагерь: «Подумаешь! Есть еще более длинные и тощие, чем я». В дороге ребята узнали о войне.

«— Война! Ур-ра! — восторженно крикнул кто-то, но тут же осекся, взглянув на лицо вожатой».

Роман подкупает достоверностью мыслей и чувств героя. Вот послушайте его самого, ошарашенного известием о войне:

«Я четыре раза смотрел фильм «Если завтра война...». Смотрел с восторгом и гордостью. Я все знал о войне. Я знал, чем она закончится. Но не знал почему-то, что она так, именно так начнется. Разве так начинается война?..»

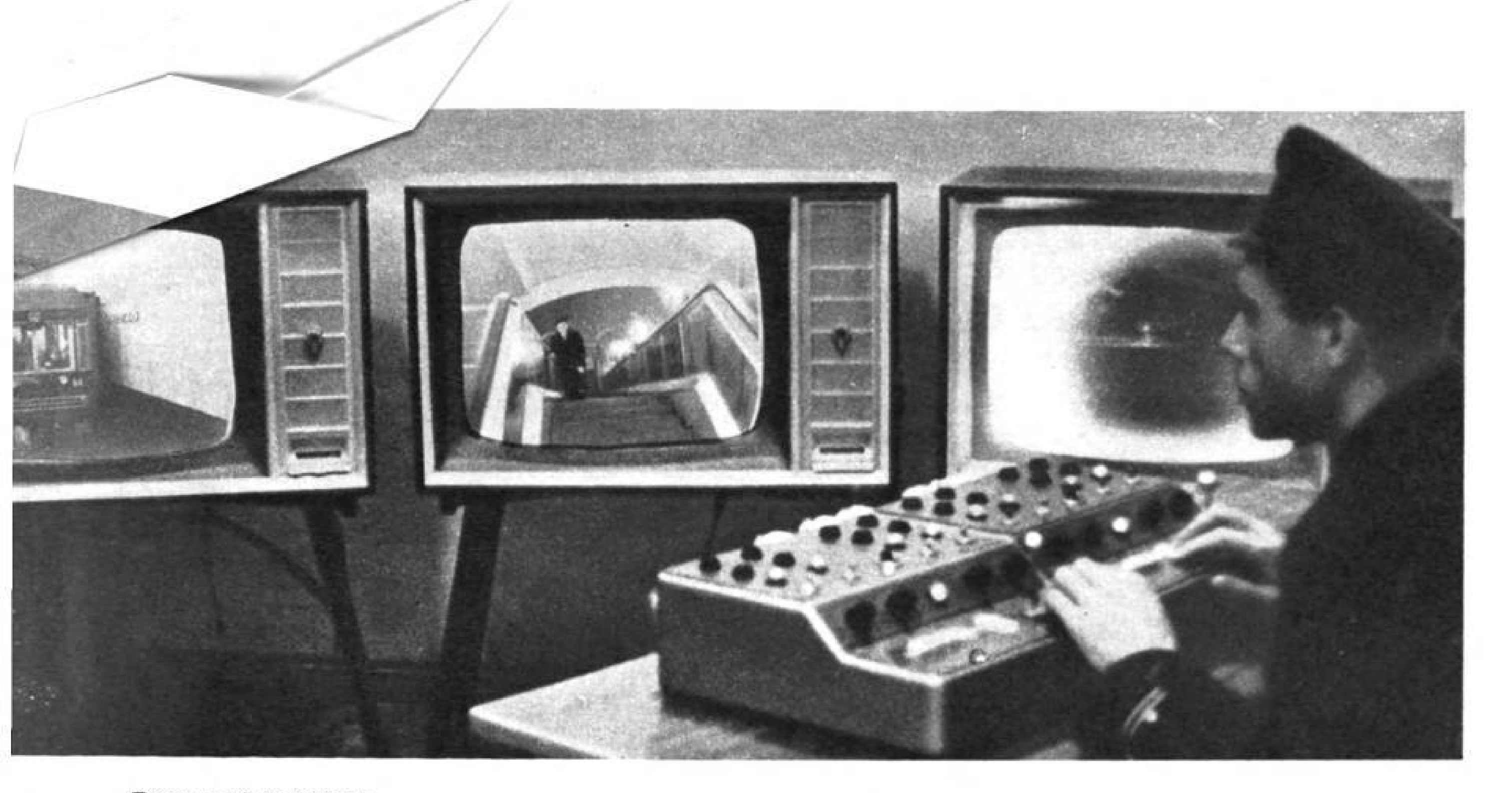
Памятные приметы московской осени 41-го года воссозданы в романе, трудный быт военной столицы, твердая решимость ее защитников отстоять город. Волею случая свидетелем всего этого стал пятнадцатилетний герой романа. Писателя привлекает не внешняя сторона войны, а формирование характера юноши, вызревание моральных ценностей в человеке. На военных дорогах он встречает очень разных людей. Некоторые скатились до шкурничества. Другие стали трусливыми демагогами и карьеристами. Третьи сумели укрепиться в своих убеждениях, привитых всем строем советской жизни. Именно чистота нравственных позиций, высокие моральные критерии делают рассказчика обаятельным, человечным. Многого он еще не знает, о некоторых вещах еще не задумывается, но ему стыдно смотреть товарищам в глаза, когда в приказах о награждениях — в который раз! — обходится фамилия комвзвода Соколова, как потом выясняется, только из-за того, что его жена спуталась с немецким офицером в период оккупации Орла...

«Повторение пройденного» можно было бы назвать романом о первой любви. Или, пожалуй, это роман о верности юношеским идеалам, об испытаниях характера. Можно назвать его и романом о большой, чистой любви к Родине, о преданности коммунистическим идеалам. Это тоже верно.

Много еще будет создано книг о войне. И в каждой из них, написанных очевидцами и участниками, воплотится тот неповторимый человеческий опыт, который ничем не может быть заменен: ни учеными исследованиями, ни монументальными панорамами. Наверно, и сама эта панорама вырастет из сотен и тысяч крупиц индивидуального опыта, из многочисленных свидетельств солдат и офицеров, среди которых были будущие писатели, художники. Талантливый роман Сергея Баруздина входит в эту литературную панораму минувшей войны.

Вл. ВОРОНОВ

Сергей Баруздин. Повторение пройденного. Роман. Журнал «Нева» № 7, 1964.



Последний пассажир.

КОГДА СПЯТ ПОЕЗДА

Репортаж ведут наши корреспонденты
Л. КАФАНОВА и Ю. КРИВОНОСОВ.

Московское время 0 часов 30 минут. На всех 69 станциях Московского метрополитена дежурные запирают входные двери. Проносятся под землею последние поезда. Эскалаторы поднимают последних пассажиров. Гаснут яркие огни, и, кажется, вот-вот непривычно опустевший и притихший метрополитен погрузится в сон.

Но вдруг резкий свисток разрезает тишину — с третьего рельса снято напряжение. С этой минуты в метро — в вестибюлях, на станциях, в тоннелях — начинается новая, неведомая пассажирам жизнь. Четыре часа разделяют первый и последний поезда.

ВСЕ БЛЕСТИТ, ВСЕ СВЕРКАЕТ

В первый день открытия Московского метрополитена в одной из газет было рассказано, как мальчик при входе в метро засунул в рот сливу. Часа два катался он, осмотрел все станции, несколько раз проехался на эскалаторе, а когда вышел на улицу, выплюнул сливовую косточку.

— Зачем же ты держал ее так долго?— спросили у него.

— Там так чисто, все блестит, все сверкает, даже боязно плюнуть,— объяснил мальчик.

С тех пор прошло тридцать лет, а в метро так же чисто, все блестит, все сверкает.

Как только последний ночной пассажир покидает метро, на подземные перроны выходят, неся на плечах молоточки на длинных рукоятках, обходчики сооружений. Будто врачи, простукивают и прослушивают они каждую мраморную плитку, каждый квадратный метр штукатурки: нет ли где трещины, не грозит ли обвалиться мрамор?

Перебирая щетками, ползут по платформам большие синие машины. Они метут и моют полы. От колонны к колонне, от люстры к люстре перевозят уборщицы раздвижные лестницы. Машины полируют мрамор. Целые моторизованные агрегаты, выпуская во все стороны тугие водяные струи, промывают тоннели.

Воздух метро... За ним тщательно следят девушки в белых халатах. На станциях они устанавливают термометры, засасывают в колбу воздух похожим на маленькую ветряную мельницу прибором-анемометром, измеряют скорость движения воздуха. Это лаборантки санитарно - эпидемиологической станции метрополитена. Если окажется, что воздух запылен, увеличилось количество углекислоты, служба сантехники включит дополнительную вентиляцию.

НА КОМАНДНОМ ПУНКТЕ

— Я — диспетчер.

— Докладывает «Автозаводская». Сцеп мотовозов прошел в два часа десять минут.

— Понятно. Машинист мотовоза 976! Следуйте на станцию «Курская» по второму неправильному пути. На перегоне пользование сигналами автоблокировки прекращается. Повторите.

Этот разговор по селектору мы услышали в центральной диспетчерской метрополитена.

— Однажды меня спросили: «Что вы делаете ночью? Возить-то некого. Спите, наверное?» — рассказывает диспетчер Наталья Федоровна Гусельникова.— А ведь ночью мы работаем более напряженно, чем днем.

Днем, при полном порядке на трассе, диспетчер — это контролер, строго следящий за точным соблюдением графика движения. Ночью центральная диспетчерская — настоящий командный пункт.

На смену голубым экспрессам выходят хозяйственные поезда. С грохотом катятся «тележки», везущие трехсотметровые рельсовые плети, движутся платформы с компрессорами, с колесными осями... Диспетчер составляет и ведет графики движения этих поездов.

— Вот видите,— продолжает Наталья Федоровна,— передо мною чистый лист бумаги. На нем записаны только номера хозяйственных поездов. А к утру весь лист будет исчерчен изломанными цветными линиями. В метро пассажирские составы всегда по одному пути едут в одну сторону, по другому — в противоположную, а хозяйственные поезда часто идут по «неправильному» пути, идут вслепую, без сигналов автоблокировки. Только диспетчер обеспечивает им безопасность движения.

Ночью диспетчер — начальник метрополитена. Все его приказы выполняются беспрекословно. А уж если неожиданно обнаружится повреждение, от умения диспетчера распорядиться людьми, техникой зависит, как скоро все будет снова приведено в порядок.

ЛАПЫ АВТОСТОПА

...В длинном узком тоннеле, окаймленном двумя гирляндами неярких лампочек, мчится поезд. Скрашивая однообразие пути, машинисту приветливо мигают зеленые огни светофоров. 1 100 световых сигналов установлено в метро. Чтобы они работали безотказно, их обслуживают 16 тысяч реле и 8 тысяч трансформаторов. Каждый светофор контролирует не только свой участок, но и участок соседа и работу стрелок. Если почему-либо машинист не заметит красного сигнала, поезд все равно не пройдет мимо закрытого светофора — его «схватит» автостоп. Снизу поднимется стальная скоба, ударит по скобе, укрепленной под головным



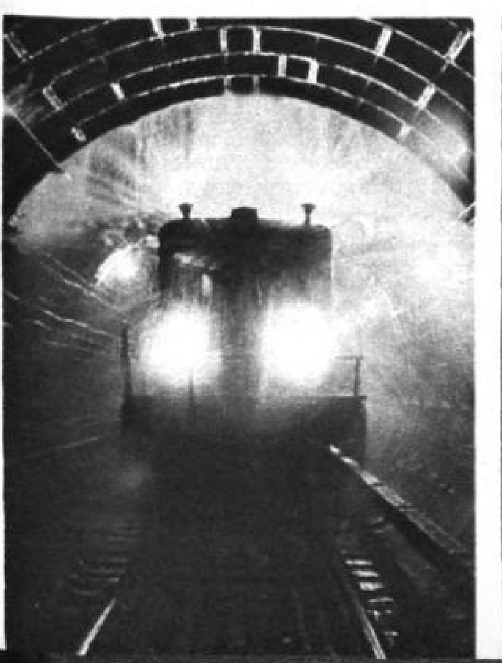
Соблюдается ли микроклимат! Тамара Жарова берет пробу воздуха.

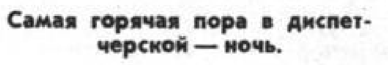




Первый поезд.

Идет по тоннелю промывочный агрегат.





Самая горячая пора в диспетчерской — ночь.



вагоном, и поезд автоматически затормозит.

По ночам в метро проводятся «аварийные игры».

...Блокпост «Измайловский парк». У пульта управления стрелками и сигналами станции — дежурная Нина Васильевна Кабанова. Она поворачивает никелированные ручки, и на табло загораются красные, зеленые, желтые огоньки. То и дело затемняются узкие светящиеся бороздки: идет поезд. На ручки надеты красные колпачки. Снимая колпачок, дежурная за долю секунды еще раз продумает свои действия. Ведь у нее в подчинении станция с большим путевым развитием — с тремя путями, двенадцатью стрелками. Она задает маршруты для перевода составов с одного пути на другой, отдает поезда в депо, принимает их из депо. В часы «пик» приходится следить одновременно за восемью поездами.

Сейчас у дежурной пауза: на станции нет движения, и пауза эта загружается «аварийной игрой».

— Состав со второго пути отдайте в депо,— говорит старший инженер дистанции Алексей Павлович Грабкин.

Нина Васильевна поворачивает ручку — перевод стрелки, но зеленый сигнал не загорается. В чем дело? Дежурная смотрит на табло и среди множества огоньков находит потухший глазок. Не работает контроль положения стрелки — поезд отправлять нельзя. Нина Васильевна связывается со стрелочницей и приказывает перевести стрелку в прямое положение. Теперь, чтобы поезд пошел, надо включить пригласительный сигнал, разрешающий движение при закрытом светофоре со скоростью 15 километров в час. Однако пригласительный сигнал тоже не загорелся. Оказывается, включен был «враждебный» маршрут, то есть так расположены стрелки, чтобы открыт был путь встречному поезду. Возможна авария. Поворот рукоятки. «Враждебный» маршрут снят. Путь свободен...

— Молодец, вы правильно вышли из затруднения,— говорит Алексей Павлович.

А тем временем по тоннелям вдоль путей, вдоль третьего, контактного рельса идут обходчики. 6 тысяч поездов проходит за день по рельсам метрополитена. С зеркалами и лупами осматривают обходчики пути, болты, шпалы, стыки, стрелки. А следом за ними едет дефектоскопическая тележка. Изъяны, скрытые от человеческого глаза, обнаруживают ультразвуковые и магнитные приборы.

Нам повезло. В ту ночь, когда мы спустились в метро, отправился первый пробный поезд по новой линии метрополитена «Сокол» — «Речной вокзал».

Еще днем по новому пути проехала габаритная рама, специальная комиссия осмотрела тоннель. А в час ночи к платформе подошел состав из четырех вагонов. Машинисту-инструктору был зачитан приказ: «Разрешаю пробному поезду отправиться на вновь открытый участок для проверки проведенных работ».

ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ ЧАСЫ

Говорят, что метро работает, как часы. Зато и все часы на всех станциях работают так же точно, как метро. Они получают электрические импульсы от специальных часов, чей ход проверяется четыре раза в сутки. Станционные большие квадратные часы имеют своих дублеров, установленных в комнате, именуемой электрочасовая.

...В электрочасовой раздается звонок. Хранитель точного времени — старший механик Николай Сергеевич Воронин—посмотрел на щит. Красная лампочка сообщает, что на станции «Сокольники» часы сбились с хода, начали отставать. На самой станции этого еще никто не заметил: ведь часы отстали всего на несколько секунд,— а Николай Сергеевич уже вызывает к часам мастера.

Как в ночном санатории, часовые механизмы осматриваются, «подлечиваются». Время в метро меряется на секунды. Точность необходима!

ГДЕ НОЧУЮТ ПОЕЗДА...

Перевезя за рабочий день больше трех миллионов пассажиров, поезда отправляются в депо. Прежде всего они принимают ванну. Семь минут — и поезд чист.

Здесь же, в депо, в у натах отдыха спят Им предстоит выводить утренние поезда. И в 5 ч да под землею все убран диспетчер, проверив гот трассы, разрешает включа пряжение, машинисты прин составы.

...Машинист 1-го класса Д рий Тарасович Обловацкий о скается в канаву и идет под пое дом. Будто солнечный зайчик, прыгает под вагонами луч фонарика. Поднявшись наверх, он обращается к дежурному по депо:

— Прошу дать напряжение.

Дежурный объявляет по радио:

— Внимание! На пятую канаву подаю высокое напряжение! Будьте осторожны!

Он подходит к небольшому шкафчику, отпирает его, поворачивает рычаг и снова запирает.

Над поездом загораются красные огни. Машинист проходит вдоль состава. Хлопают пневматические двери, щелкают реле, лязгают тормоза — проверяются все механизмы поезда.

6.00... Распахиваются ворота. Монтер третьего рельса выводит состав на путь. Несколько мгновений видит машинист предрассветное московское небо, и поезд ныряет в тоннель.

Метрополитен к новому рабочему дню готов!



Все это накопилось за день!

Хранители времени — Зинаида Степановна Андреева и Николай Сергеевич Воронин.



2. СТУПЕНЬКИ К СЛАВЕ

Из Тонипэнди мы переехали в шахтерский городок Эббоу-Вэйл, всего на три спектакля. В те времена это был хмурый, отвратительный поселок, беспорядочное нагромождение одинаковых домиков — каждый из четырех комнатушек, освещавшихся керосиновыми лампами. Большая часть труппы остановилась в маленькой гостинице. Мне удалось найти комнату в домике шахтера, маленькую, но чистую и уютную. Вечером после спектакля я находил у огня оставленный мне ужин.

Хозяйка дома, высокая, привлекательная женщина средних лет, носила на себе печать какой-то тяжелой драмы. Она приносила мне утром завтрак и уходила, не проронив ни слова. Я заметил, что дверь в кухню всегда была плотно закрыта; если мне требовалось что-либо, я стучал, и дверь чуть приоткрывалась.

На второй вечер, когда я ужинал, ко мне вошел муж хозяйки, человек примерно того же возраста, что и она. Он побывал в театре, и наш спектакль ему очень понравился. Разговаривая со мной, он держал в руках зажженную свечу, видимо, собираясь идти спать. После некоторой паузы он, должно быть, решился и сказал:

МОЯ БИОГРАФИЯ

Чарли ЧАПЛИН

— Послушайте, у меня есть одна штука, которая может пригодиться в вашем деле. Видели когда-нибудь человека-лягушку? Так вот, держите свечу, а я возьму лампу.

Он провел меня в кухню и там поставил лампу на шкаф. На месте нижних дверок шкафа я увидел какую-то темную занавеску.

— Гей, Гильберт, вылезай-ка оттуда! — сказал хозяин и раздвинул занавеску.

Из-под шкафа выползла половина человека. Человек был без ног, но очень крепкого сложения, с мускулистыми плечами и руками. Он был светловолос, с плоским черепом, мучнисто-белым лицом, приплюснутым носом и огромным ртом. На нем было фланелевое белье с обрезанными почти по бедра кальсонами, из которых высовывалось десять толстых обрубков, напоминающих пальцы. Этому вызвавшему во мне суеверный страх созданию могло быть лет двадцать, а то и все сорок. Безногий поднял глаза и улыбнулся, обнажив ряд желтых, редких зубов.

— Гей, Гильберт, попрыгай! — сказал отец, и калека, пригнувшись еще ниже, вдруг подпрыгнул на руках почти на уровень моей головы.

— Как вы думаете, подойдет это для цирка? Человек-лягушка?

Я был так напуган, что едва смог пробормотать в ответ несколько слов. Все-таки я назвал адреса цирков, куда можно было бы обратиться.

Но отец настоял, чтобы несчастный проделал и другие трюки. Безногий приплясывал, влезал на кресло-качалку, делал стойку вниз головой, опираясь руками на подлокотники.

Когда наконец он исчерпал свою программу, я притворился восхищенным и долго хвалил его.

— Спокойной ночи, Гильберт,— сказал я перед уходом.

— Спокойной ночи,— произнес бедняга глухим, низким голосом, едва ворочая языком.

В эту ночь я много раз просыпался, вскакивал и проверял задвижку у двери.

Наутро хозяйку словно подменили: она была любезна и словоохотлива.

— Итак, вы познакомились вчера с Гильбертом,— сказала она.— Гильберт спит под шкафом, когда мы пускаем к себе постояльцев.

Меня пронзила ужасная мысль: оказывается, я спал в кровати Гильберта!

— Да, мы познакомились,— ответил я и с тем же наигранным энтузиазмом стал толковать о том, что ее сын мог бы успешно выступать в цирке.

— Да, мы часто думаем об этом,— кивала головой хозяйка.

Мой энтузиазм — или то, что должно было его изобразить,— пришелся по душе хозяйке. Но мне надо было уезжать. Я отправился в кухню попрощаться с Гильбертом. Стараясь сделать это как бы мимоходом, я пожал его огромную, грубую руку. В ответ он осторожно потряс мою.

* * *

Меня неожиданно пригласили в Лондон — играть все в том же «Шерлоке Холмсе» в одном из театров Вест-Энда. Я не могу это назвать иначе, как моим возрождением. У меня кружилась голова, я трепетал от волнения, впитывая в себя каждое событие этого дня: мой приход вечером в Театр герцога Йоркского, разговор с режиссером мистером Постантом, который повел меня к Ульяму Джиллетту, автору пьесы и исполнителю роли Холмса; слова последнего: «Хотите ли вы играть в «Шерлоке Холмсе» со мной?»; полный взволнованного восторга мой ответ: «О, очень, очень хочу, мистер Джиллет!»

Потом наступило утро следующего дня. Я стоял на сцене и ждал начала репетиции. Я впервые увидел Мари Доро, игравшую главную женскую роль в пьесе. На ней было прелестное летнее платье. Это было как внезапный удар электрическим током — она была так прекрасна! Мари приехала на репетицию в наемном экипаже и обнаружила на платье пятнышко краски. Вызвав бутафора, она спрашивала его, нельзя ли как-нибудь вывести пятно. Когда он с сомнением покачал головой, на лице Мари Доро появилось очаровательнейшее выражение гнева.

— Ну не гадость ли все это?! — воскликнула она.

Она была при этом так сокрушительно красива, что я возмутился. Меня возмутили ее нежные надутые губки, ровные белые зубы, восхитительный подбородок, волосы цвета воронова крыла и темные карие глаза. Меня возмущали одновременно ее притворный гнев и то очарование, которое пробивалось сквозь притворство. Разговаривая с бутафором, она не обращала на меня ни малейшего внимания, хотя я стоял очень близко, не отводя глаз, прикованный к месту ее красотой. Мне только что исполнилось шестнадцать. И я сказал себе, что не покорюсь этому лучезарному блеску. Но, боже мой, она была так красива!

Это была любовь с первого взгляда...

На репетициях «Холмса» я не раз встречал Мари Доро, еще более восхитительную, чем всегда. Вопреки своему твердому решению не покориться я стал все глубже погружаться в коварную трясину немого обожания. Я презирал себя за это. Я яростно поносил себя за бесхарактерность. Это было какое-то раздвоение: я и любил и ненавидел ее в одно и то же время. А она, как назло, была приветлива и любезна. В пьесе она играла Алису Фолкнер, и мы по ходу действия не встречались с ней на сцене. Я ловил минуту, когда мог встретить ее на лестнице и пробормотать: «Добрый вечер»,— на что она весело отвечала: «Добрый вечер». И это было все.

Вскоре Мари Доро вернулась в Америку. В вечер ее отъезда я отчаянно напился. И только года через три, уже в Филадельфии, я увидел ее снова. Она была приглашена на торжественное открытие нового театра, где в этот вечер я должен был выступать в комедийной роли в труппе Фреда Карно. Мари была все так же ослепительно красива. Я стоял за кулисами в моем смешном гриме и глядел на нее, пока она произносила приветственную речь. Но я был слишком застенчив. Я так и не подошел, чтобы напомнить ей о себе.

* * *

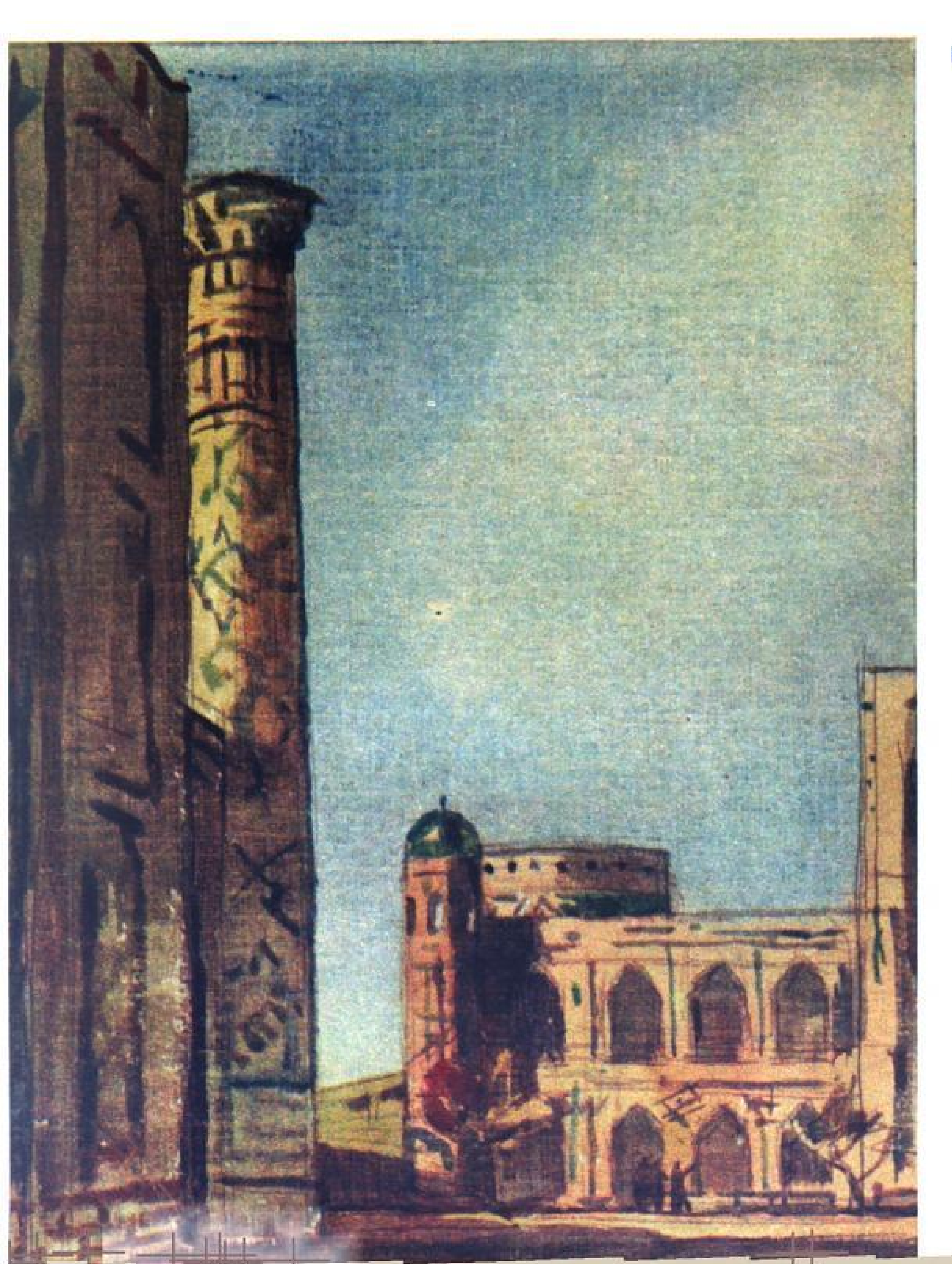
Я вступал в трудную и малопривлекательную пору юности, но внутренне, по чувствам и переживаниям, все еще оставался подростком. Я был поклонником безрассудных порывов, театральной приподнятости, мечтателем, подверженным унынию, возмущался жизнью и любил ее,— словом, мой разум был еще бабочкой в куколке, но во мне уже проступали внезапные черты зрелости. Я праздно проводил время, как бы блуждая в лабиринте из кривых

Продолжение. См. «Огонек» № 50.

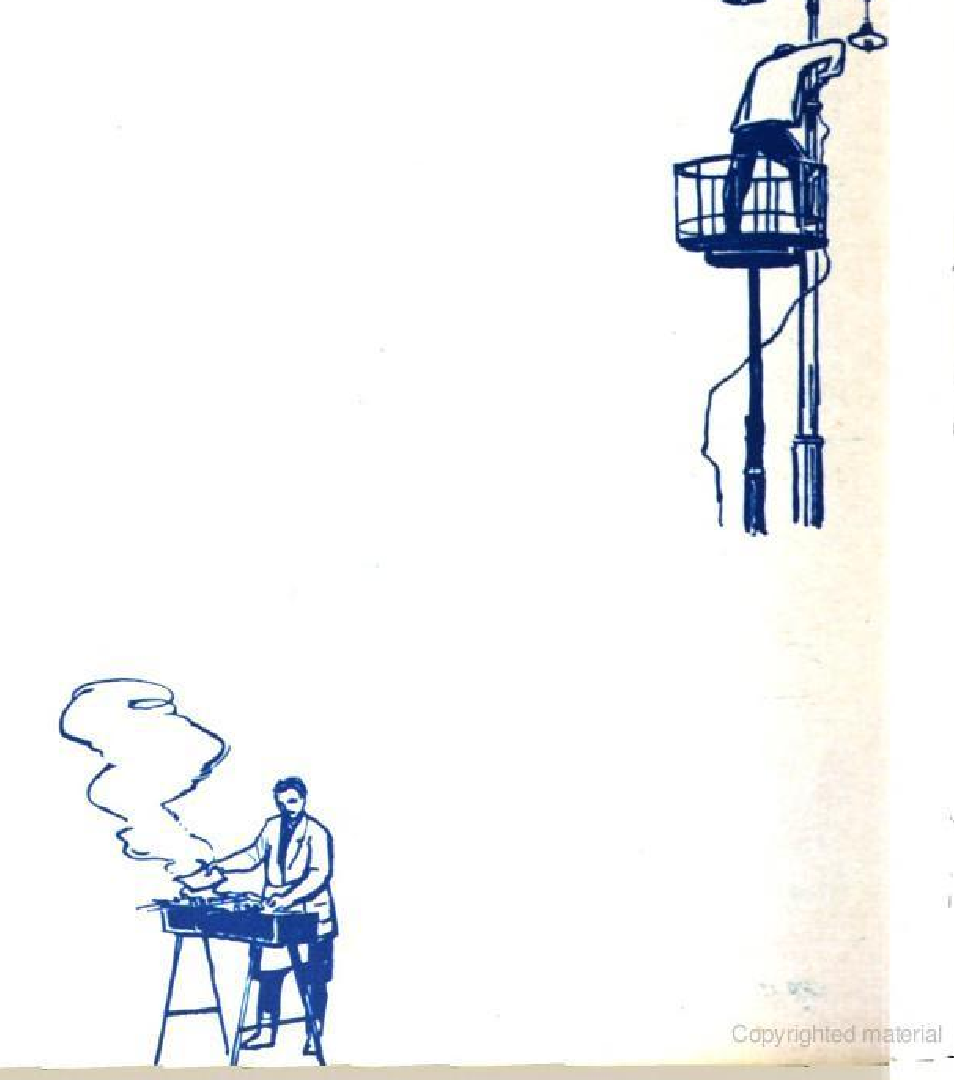


Г. Храпак. Старый Самарканд у мавзолея Гур-Эмир.

Часть ансамбля мавзолеев Шахи-Зинда.



Регистан.



зеркал. Честолюбие просыпалось во мне какими-то рывками. Слово «искусство» редко приходило мне в голову, оно отсутствовало и в моем словаре. Театр был для меня тогда всего лишь средством к существованию...

После окончания гастролей с «Шерлоком Холмсом» я долго оставался без работы. Наконец меня взяли в водевильную труппу, выступавшую в «Кэйзи-Сэркус». Там шла шуточная пьеска, главными персонажами которой были разбойник с большой дороги Дик Тэрпин и «доктор» Уолфорд Боди. Играя этого «доктора», я имел некоторый успех, ибо увидел в пьесе нечто большее, чем вульгарную комедию; я играл характерную фигуру ученого, человека «профессорского» склада, причем мне пришла в голову счастливая идея загримироваться так, чтоб как можно больше походить на людей этого типа.

Скоро я стал «звездой» труппы и зарабатывал три фунта в неделю. В труппу входили и подростки: они изображали взрослых в массовых сценах. В целом — ужасное зрелище, но и это давало мне какую-то возможность расти как комедийному актеру.

Снова три месяца без работы. Мне помогал Сидней, ставший тоже актером и выступавший в труппе Фреда Карно. Он платил 14 шиллингов в неделю семье Фильдсов, у которой я снимал комнату с питанием. Сидней был на хорошем счету в труппе и не раз говорил Карно о своем талантливом младшем братце, но тот пропускал это мимо ушей: очень уж я был молод.

Однажды Сидней дал мне два фунта, и я истратил их, заказав музыкальное сопровождение для песенок и забавного диалога, которые я взял из американской книги. Несколько недель я репетировал дома перед семьей Фильдсов. Они были внимательны, ободряли меня, но не больше. Я выговорил себе несколько пробных бесплатных выступлений с этой сценкой в мюзик-холле Форрестера вблизи Майль-Энд-роуд, в центре еврейских кварталов. Я когда-то играл там в труппе «Кэйзи-Сэркус», и, видимо, Форрестер решил, что меня стоит испытать.

От этих пробных спектаклей зависело теперь все мое будущее. Если дело у Форрестера пойдет хорошо, думал я, передо мной откроются все солидные театральные антрепризы Англии. Как знать? За какой-нибудь год я смогу вырасти в одного из ведущих комедийных актеров!

Я торжественно обещал семье Фильдсов бесплатные билеты на первый же спектакль.

— Вам, наверно, не захочется жить у нас после такого успеха? — предположила одна из дочерей Фильдсов.

— Да нет же, напротив! — снисходительно отвечал я.

В понедельник утром была репетиция с оркестром; песенки и музыкальные реплики я исполнял вполне профессионально. Но я не подумал всерьез о гриме и так и не решил, как буду выглядеть. Целыми часами вплоть до дня спектакля я сидел в костюмерной, пробуя то то, то другое. Но сколько я ни примерял париков, я не мог скрыть свой возраст. И потом, по наивности я не подозревал, что текст моей сценки отдает антисемитским душком, а шутки не только затасканы, но и плоски. Более того, я сам был не смешон.

На спектакле, уже после первых двух-трех моих острот, публика принялась швырять на сцену мелкие монеты и кожуру от апельсинов, топать ногами, неодобрительно гудеть. Сначала я не мог понять, что это значит. Потом весь ужас происходящего проник в мое сознание. Я заспешил, стараясь опередить глумливые возгласы и презрительное цоканье языком, но град медяков и апельсинной кожуры все усиливался. Когда я ушел со сцены, я не стал ждать приговора дирекции. Я пошел прямо в костюмерную, смыл грим и убежал из театра, бросив на произвол судьбы свои ноты.

Была уже ночь, когда я вернулся к себе, на Кеннингтон-роуд. Фильдсы все спали, и я мысленно благодарил их за это. Наутро за завтраком миссис Фильдс спросила, как прошел спектакль. Я ответил с наигранным равнодушием:

— Все в порядке. Надо только кое-что переделать.

Хозяйка ответила на это только, что дочь ее Феба ходила в театр и видела меня, но, ничего им не сказав, ушла спать. Когда я встретился с Фебой, она ни словом не упомянула о происшедшем. Молчали и все Фильдсы.

К счастью, Сидней был в провинции, и я был избавлен от тяжкого испытания — подробного отчета о том, что со мной случилось. Я изо всех сил старался изгнать из памяти тот страшный вечер, но все равно несмываемый след остался, и я долго не мог обрести уверенность в себе. Жестокий урок заставил меня увидеть себя самого в более реальном свете; я понял, что я не водевильный комик, что у меня нет нужной для этого интимной фамильярности со зрителями. Я пытался утешать себя тем, что мое амплуа — характерный комедийный актер. Так или иначе, мне предстояло еще пережить не одно разочарование, прежде чем я стал прочно на ноги в своей профессии.

* * *

После провала у Форрестера все, что я ни предпринимал, кончалось неудачей. Но молодость — крепкая опора оптимизма. В молодости мы инстинктивно чувствуем, что жизненные невзгоды преходящи и вечное невезение так же невозможно, как прямой и узкий путь праведника: тут и там неизбежны повороты.

И вот мне снова улыбнулась удача. Однажды Сидней сказал, что меня желает видеть сам Фред Карно; он, кажется, недоволен одним из своих актеров, выступавших в качестве партнера Гарри Велдона в «Футбольном матче», самом ходовом скетче в репертуаре Карно. Гарри Велдон был известный комик, и его популярность сохранилась до самой его смерти в тридцатых годах.

Явившись к Карно, я увидел коренастого загорелого человека, с острыми, проницательными глазами, словно непрерывно оценивающими собеседника. Он начинал свою карьеру цирковым акробатом; потом сколотил труппу из трех актеров, выступавших во второсортных фарсах, и вместе с ними образовал квартет, ставший потом ядром его труппы, прославившейся комическими пантомимами. Сам Карно был великолепным комиком и создал много комедийных ролей. Он продолжал выступать на сцене даже тогда, когда стал владельцем пяти разъездных трупп.

Карно жил на Колдхарбор-лэйн, в Кэмбервелле; рядом с домом стоял амбар, где он хранил декорации и бутафорию для своих двадцати постановок. Там же была и его контора. Принял он меня очень любезно.

— Сидней мне вас очень расхваливал,— начал он.— Как вы думаете, можете вы выступить партнером Гарри Велдона в «Футбольном матче»?

Я знал, что Гарри Велдон был специально приглашен для этого спектакля и получал тридцать четыре фунта в неделю.

— Дайте мне только эту возможность,— ответил я весьма самоуверенно.

Карно улыбнулся.

— Семнадцать лет не очень-то много. А вы выглядите еще моложе.

Все с тем же самоуверенным видом я пожал плечами:

— Все зависит от грима.

Карно расхохотался. Мой жест, как он позже сказал Сиднею, решил дело.

— Ладно, ладно,— сказал в заключение Карно,— посмотрим, может, что-либо и придумаем.

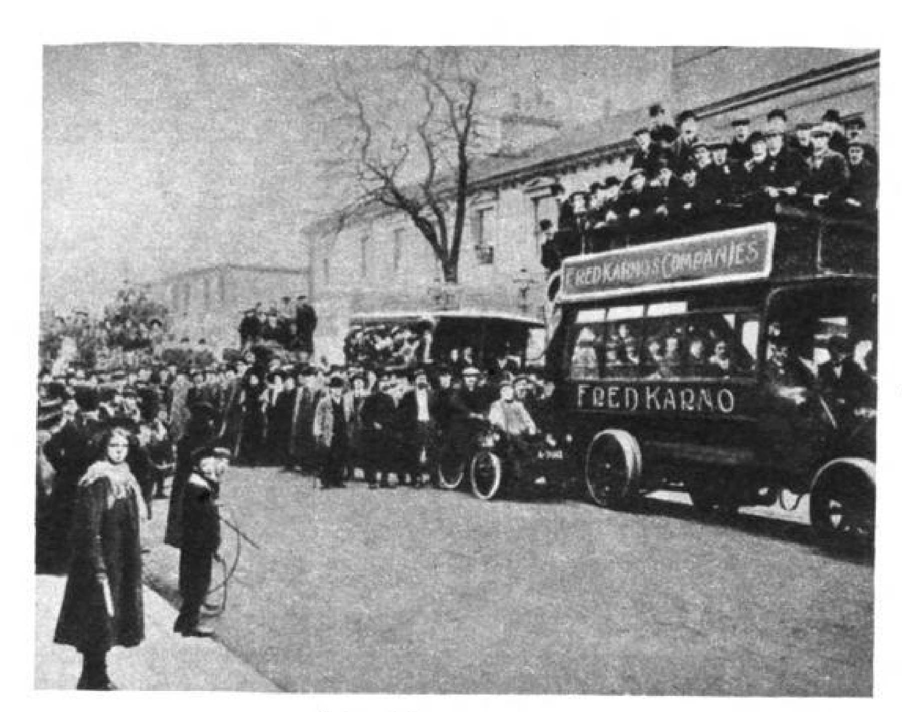
Это «что-либо» оказалось пробным ангажементом на полмесяца с оплатой в три фунта в неделю!

Мне дали неделю на разучивание роли. Премьера должна была состояться в лондонском «Колизее». Карно посоветовал мне предварительно побывать в другом театре, «Буш-Эмпайр», где шла та же пьеса, посмотреть на исполнителя роли, которую поручили мне. Должен признаться, что актер показался мне тупым и неуклюжим, и, без ложной скромности, я был убежден, что сумею сыграть лучше. Роль требовала более отчетливой пародийной окраски. Я твердо решил играть ее именно в таком плане.

У нас было всего две репетиции. Велдон на большее не соглашался: репетиции и так отнимали у него время, отведенное на игру в гольф.

На репетициях я не произвел большого впечатления. Я медленно читал реплики и почувствовал, что у Велдона появились серьезные сомнения насчет моей пригодности. Будь Сидней в Лондоне, он помог бы мне, поскольку играл однажды эту роль. Но Сидней был где-то в провинции.

Хотя «Футбольный матч» был чем-то вроде фарса — до того места, когда выходит на сцену Гарри Велдон, в нем не было почти ничего, способного вызвать смех. Все действие пьесы было подготовкой к его выходу, и Велдон, великолепный комический актер, с этой минуты и до конца заставлял зрительный зал смеяться без умолку.



Труппа Карно в дороге.

В вечер премьеры в «Колизее» мои нервы были натянуты до отказа. Этот вечер должен был возродить мою веру в себя и окончательно смыть позор кошмарного вечера у Форрестера. Я шагал взад и вперед за кулисами огромной сцены, полный сомнений, то и дело переходящих в страх, и тихонько молился про себя.

Музыкальное вступление. Занавес пошел вверх. На сцене пел мужской хор, изображающий тренировку футболистов. Наконец все ушли, и сцена осталась пустой. Мой выход! Я был в полном смятении. Но человек либо оказывается на высоте положения, либо падает побежденным. В то самое мгновение, когда я выходил на сцену, я почувствовал, что с меня свалилась какая-то тяжесть, и все

вдруг стало ясным. Я вышел спиной к публике — это была собственная моя выдумка. Со спины я выглядел безупречно — фрак, цилиндр, трость, бальные туфли — словом, типичный великосветский злодей эпохи короля Эдуарда. Потом я повернулся. Зрители увидели мой красный нос. По залу пронесся смех. Я завоевывал расположение публики!

Пожав с меланхолическим видом плечами, я щелкнул пальцами, двинулся по сцене и споткнулся о спортивную штангу. Потом моя трость задела свисающий с потолка боксерский «мешок», тот качнулся и съездил меня по физиономии. Я с высокомерным видом размахнулся, чтобы нанести сокрушительный удар по «мешку», и еще раз трахнул себя тростью по голове. Зрители хохотали.

Теперь я был спокоен. Импровизированные трюки сыпались как из рога изобилия. Я сумел вести эту игру, не произнося ни слова, целых пять минут, и публика смеялась, не переставая. В самый разгар моих напыщенно-светских прогулок по сцене у меня начали спадать брюки: я потерял пуговицу. Я стал искать ее. Поднял некий воображаемый мелкий предмет и тут же с отвращением отбросил в сторону:

— Всюду эти проклятые кролики!

Снова смех.

За кулисами появилась круглая, как луна, удивленная физиономия Гарри Велдона: ведь до его выхода никогда не бывало смеха в зале!

Когда он вышел на сцену, я с деланным испугом схватил его за руку и сказал вполголоса:

— Скорее! Иначе я пропал! Скорее булавку!

Все это было проделано по вдохновению, без всякой репетиции. Я хорошо подготовил аудиторию для Гарри Велдона: он имел в этот вечер огромный успех. Вдвоем мы вызвали еще много смеха. Когда занавес опустился, я знал, что добился своего. Некоторые актеры труппы жали мне руку и поздравляли. Когда мы шли в костюмерную, Гарри Велдон взглянул на меня через плечо и сухо сказал:

— Все было в порядке, неплохо!

В эту ночь я пошел домой пешком, чтобы дать успокоиться нервам. Я остановился на Вестминстерском мосту, оперся на перила и долго глядел на бегущую под мостом черную, поблескивающую, как шелк, воду. Мне хотелось плакать от радости, но я не мог. Я напрягался, гримасничал, но не выдавил ни одной слезы: я был пуст. Двинувшись дальше, я зашел в кафе и выпил чашку чаю... Все время я разговаривал сам с собой, смеялся. Было пять часов утра, когда я лег в постель, совершенно измученный...



До успеха...



...и после.

Мистера Карно не было на первом представлении, он явился на третье: как раз тогда, когда мой выход на сцену был встречен аплодисментами. Он подошел ко мне после спектакля, сияя улыбкой, и попросил зайти утром в контору для подписания контракта.

Я не сообщал Сиднею о первом представлении, а теперь послал короткую телеграмму: «Подписал контракт на год четыре фунта в неделю. Любящий Чарли».

«Футбольный матч» четырнадцать недель шел в Лондоне, потом мы выехали с этой пьесой на гастроли.

Комедийный персонаж, созданный Гарри Велдоном, был тип кретина — ланкаширского простака, еле ворочающего языком. Эта фигура очень нравилась на севере Англии, но на юге ее принимали холодно. Бристоль, Кардифф, Плимут, Саутхэмтон оказались для Велдона «заколдованными» городами; он приходил в ярость, играл небрежно и срывал злость на мне. По пьесе он должен был давать мне пощечину и вообще тузить меня. Это называлось на нашем жаргоне «хлопнуть»: актер делает вид, что бьет партнера по лицу, а кто-то за кулисами хлопает в ладоши, изображая пощечину. Но Гарри Велдон то и дело по-настоящему ударял меня по щеке и очень крепко. Мне кажется, что причиной была зависть.

В Бельфасте наши отношения накалились до крайности. Театральные критики жестоко отчитали Велдона, а мою игру похвалили. Велдон не мог этого снести и в тот вечер отвесил мне такого тумака, что вся комедия вылетела у меня из головы, а из носа потекла кровь. Когда мы вернулись в костюмерную, я сказал ему, что если он сделает это еще раз, я разобью ему голову бутафорской гирей, которая валяется на сцене. Я добавил, что если его гложет зависть, то нечего срывать это на других.

— Завидую... вам? — ответил он презрительно.— Да у меня в заду больше таланта, чем у вас во всем вашем теле!

— Там-то и сидит ваш талант! — отпарировал я и выбежал, хлопнув дверью.

* * *

В Нью-Йорк мы плыли во втором классе «Олимпика» [1].

Вот уже машинное сердце парохода начинает биться слабее, возвещая, что мы приближаемся к цели. Как ни нравился мне Нью-Йорк, меня тянуло на Запад, где у меня уже были близкие знакомые: например, ирландец — бармен в Монтане, гостеприимный фермер в Миннеаполисе, красивая девушка в Сен-Поле, шотландец Мак-Эби, владелец шахты в Солт-Лейк-Сити и другие.

До того, как отправиться на тихоокеанское побережье, наша труппа отрабатывала «мелочь»: выступала в маленьких театрах в пригородах Чикаго и Филадельфии и в промышленных городах, как Ривер или Дулут.

Как всегда, я жил один. Это имело свои преимущества: я мог пополнять свои знания — решение на этот счет я принял уже много месяцев назад, но так и не собрался его выполнить. В мире всегда есть огромное число людей, страстно стремящихся учиться. Я был в их числе. Но у меня мотивы были не вполне бескорыстные: я искал знания не ради самого знания, а потому, что хотел иметь защиту против обвинений в невежестве. Все свободное время я ходил по букинистическим магазинам.

Так я открыл для себя Эмерсона. Прочитав его книгу, я решил, что получил в руки драгоценное право первородства. Затем последовал Шопенгауэр. Я купил его «Мир, как воля и представление» и не раз принимался читать — урывками, конечно,— и продолжал это занятие на протяжении сорока лет. «Листья травы» Уолта Уитмена раздражали меня и раздражают по сей день: в Уитмене слишком много любвеобильного сердца, слишком много национальной мистики. В своей костюмерной между двумя актами я знакомился также с Твеном, Эдгаром По, Ирвингом, Хэзлитом. За время этого второго американского турне я, разумеется, не получил классического образования, о котором мечтал; зато я познал немало утомительнейшей скуки, живя все время в атмосфере низкопробного театрального бизнеса.

Все эти дешевые варьете были бесцветны и унылы, и мои надежды на какое-то артистическое будущее в Америке тонули в тусклом однообразии трех, а то и четырех спектаклей, которые мы давали ежедневно, включая и воскресные дни! По сравнению с этим варьете в Англии было раем земным: там мы по крайней мере работали шесть дней в неделю и редко выступали более двух раз в вечер. Единственным утешением было то, что в Америке представлялась возможность скопить немного денег.

Мы показывали наши пустячки целых пять месяцев, и это утомительное занятие совершенно расхолодило меня. Когда в Филадельфии спектакли были на несколько дней прерваны, я ужасно этому обрадовался. Мне нужна была хоть какая-нибудь перемена, другая среда, мне надо было на время перестать быть тем, что я есть. Я был сыт по горло жалкой рутиной третьестепенных водевилей и решил на неделю дать себе волю и окунуться в романтику изящной жизни.

В Нью-Йорке я снял комнату в отеле «Астор» — самом шикарном по тем временам. Я явился туда в элегантной визитке, котелке, в одной руке трость, в другой — небольшой плоский чемодан. Роскошный вестибюль, самоуверенные люди, сновавшие взад и вперед,— все это смутило меня, и меня пробрала дрожь, когда я подошел к столу портье.

Комната стоила четыре с половиной доллара в сутки. Я робко спросил, следует ли мне уплатить вперед. Портье был предельно учтив:

— О нет, сэр, этого не требуется.

Я принял ванну, причесался, надел новый халат и решил за мои четыре с половиной доллара выжать все до последней капли из этой роскоши... Хорошо бы, однако, почитать что-нибудь. Газету? Но я не решился потребовать газету по телефону. За неимением другого занятия я выдвинул на середину комнаты кресло, уселся и с каким-то грустным упоением стал разглядывать каждую деталь убранства моего номера.

Потом я оделся, спустился вниз и спросил, где находится главный зал ресторана. Обедать было еще рано, и в зале сидело всего два-три посетителя. Метрдотель провел меня к столику у окна.

— Угодно будет здесь, сэр?

— Мне все равно,— ответил я с самой изысканной английской интонацией.

И вот уже целая толпа официантов захлопотала вокруг меня, подавая воду со льдом, меню, масло, хлеб. Я был крайне возбужден, и мне совершенно не хотелось есть. Тем не менее не без помощи мимических жестов я заказал бульон, жареного цыпленка и на десерт ванильное мороженое. Официант протянул мне карточку вин. После тщательного рассмотрения я потребовал полбутылки шампанского. Я был настолько озабочен тем, чтобы как следует вжиться в новую роль, что не заметил вкуса еды и вина.

---

[1] В этой части книги Ч. Чаплин описывает свой второй приезд на гастроли в США с английской труппой Карно. **(Примеч. перев.)**

Покончив с обедом, я сверх счета выдал официанту доллар — весьма щедрые чаевые по тем временам. Но они были истрачены недаром: я получил взамен низкие, почтительные поклоны. Без всякой видимой причины я вернулся в свою комнату и просидел там неподвижно минут десять. Потом вымыл руки и вышел на улицу.

Был мягкий летний вечер, вполне соответствующий моему настроению. Я неторопливо шагал в сторону Метрополитен-опера. Там шел «Тангейзер». Я никогда не бывал в оперном театре, знал только отдельные отрывки, исполнявшиеся в варьете, и, правду сказать, терпеть не мог оперную музыку. Но теперь меня потянуло к ней. Я купил билет и занял место в бельэтаже. Опера шла на немецком языке, и я не понимал ни слова, да и не знал сюжета. Но когда мертвую королеву выносили под звуки хора пилигримов, я горько заплакал. Мне казалось, что сцена эта словно подводит итог всей нелегкой моей жизни. Я едва овладел собой — не знаю, что подумали зрители, сидевшие со мной рядом. Ушел я из театра взволнованным и разбитым.

В Нью-Йорке я пробыл всего один день. На следующее утро я решил вернуться в Филадельфию. Теперь мне снова нужны были люди. Я уже думал о спектакле в понедельник, о встрече с товарищами по труппе. Конечно, думал я, не очень весело возвращаться к старой обыденщине, но с меня довольно было этого единственного дня красивой жизни.

Приехав в Филадельфию, я прямо отправился в театр. Там лежала телеграмма, адресованная нашему администратору Ривсу.

— Кажется, в телеграмме речь идет о вас,— сказал он и прочел мне текст: — «Имеется ли в вашей труппе актер по фамилии Чаффин или вроде этого точка если да пусть свяжется с Кэсселом и Бауменом, Лонгэйкр-Билдинг, Бродвей, 24».

В труппе не было актера с этой фамилией, но скорее всего имелся в виду Чаплин. Меня охватило лихорадочное возбуждение. Лонгэйкр-Билдинг, как я узнал, находится в самом центре Бродвея в Нью-Йорке, и там полно всяких адвокатских контор. Я вспомнил, что где-то в Штатах у меня была богатая тетка, и воображение мое понеслось на крыльях: наверно, она умерла и оставила мне наследство. Я немедленно дал телеграмму Кэсселу и Баумену, что есть такой Чаплин в труппе. С нетерпением ждал я ответа, и он пришел в тот же день: «Просим Чаплина как можно скорее зайти в нашу контору».

Все в том же возбуждении, заранее предвкушая нечто сказочное, я сел в ранний утренний поезд. Из Филадельфии до Нью-Йорка было всего два часа езды. Я не знал, что меня ждет, мне только смутно представлялось, что я сижу в конторе адвоката и слушаю, как мне читают завещание.

Прибыв на место, я испытал некоторое разочарование: Кэссел и Баумен оказались не адвокатами, а директорами кинокомпании. И все-таки то, что я услышал, привело меня в радостный трепет.

Чарльз Кэссел, один из совладельцев «Кистоун-Комеди-Фильм компани», объяснил мне, что их компаньон, режиссер Мак Сеннет, видел меня в Нью-Йорке в роли пьяницы, которую я исполнял в мюзик-холле на 42-й улице. Если я и есть этот актер, Сеннет хотел бы пригласить меня сниматься в кинофильме вместо комика Форда Стерлинга.

Я давно носился с мыслью о работе в кинематографе, собирался перенести на экран некоторые скетчи труппы Карно и даже предлагал Ривсу создать для этого компанию с моим участием. Ничего, однако, не вышло из этой затеи: Ривс отнесся к ней весьма скептически.

— Видели вы комические фильмы «Кистоун-компани»? — спросил меня Кэссел.

Да, конечно, я смотрел некоторые из них, но я не сказал моему собеседнику, что они показались мне беспорядочной мешаниной всяких грубых трюков. Правда, красивая черноглазая девушка по имени Мэйбл Норман, совершенно очаровательная актриса, скрашивала эти фильмы и как-то оправдывала их существование. Нет, я отнюдь не был поклонником комедий кистоунского типа, хотя знал, что они пользуются успехом. Год работы в этом сомнительном предприятии — мелькнуло у меня в голове — и я смогу вернуться в театр, но уже кинозвездой международного класса; кроме того, это какая-то новая жизнь, интересные люди...

Кэссел сказал, что условия контракта следующие: мне предстоит сниматься в трех фильмах еженедельно, за что буду получать в конце недели сто пятьдесят долларов. Это было вдвое больше того, что мне платили в труппе Карно. Но я неожиданно для самого себя стал мямлить, делать вид, что колеблюсь, и, наконец, сказал, что могу согласиться только на двести долларов в неделю, не меньше! Кэссел ответил, что это зависит от решения Мак Сеннета, что он протелеграфирует ему в Калифорнию и о результате даст мне знать.

Я не находил себе места в ожидании ответа от Кэссела. Меня мучила мысль: может быть, я запросил лишнее? Наконец пришло письмо. В нем говорилось, что компаньоны согласны подписать годовой контракт на сто пятьдесят долларов в неделю в течение первых трех месяцев и на сто семьдесят пять — в остальные девять. Таких денег у меня не бывало за всю мою жизнь!

В Канзас-сити я не без угрызений совести распрощался с артистами нашей труппы. Они возвращались в Англию, я отправлялся в Лос-Анжелос, где буду предоставлен самому себе. Это было не очень ободряющее чувство. Я устроил перед спектаклем выпивку для всей братии. При мысли о расставании с ними тоска сжимала мое сердце.

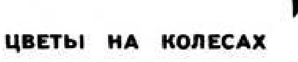
Продолжение следует.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ



ЗВЕЗДА БЕЙСБОЛА

Велико было удивление, когда оказалось, что лучшим игроком в бейсбол в городе Гонолулу признана двенадцатилетняя девочка Карол Кишимото. А так как, согласно правилам, она не может выступать в качестве игрока (бейсбол — исключительно мужская игра), ей пришлось присвоить звание тренера и технического советника.





ЦВЕТЫ НА КОЛЕСАХ

Во время выставки цветов в швейцарском городе Невшатель было показано много интересных аттракционов. Среди них — проехавшая по городу автоколесница, представлявшая собой фантастическую фигуру из живых цветов.

ЛЮБИТЕЛИ ТАБАКА

Что ищут в кармане сторожа эти слоны? Сахар? Или, может быть, шоколад? Нет! С тех пор как сторож балтиморского зоопарка однажды угостил своих подопечных табаком, слоны стали страстными любителями табака. Правда, они не курят, а с большим наслаждением жуют табак.





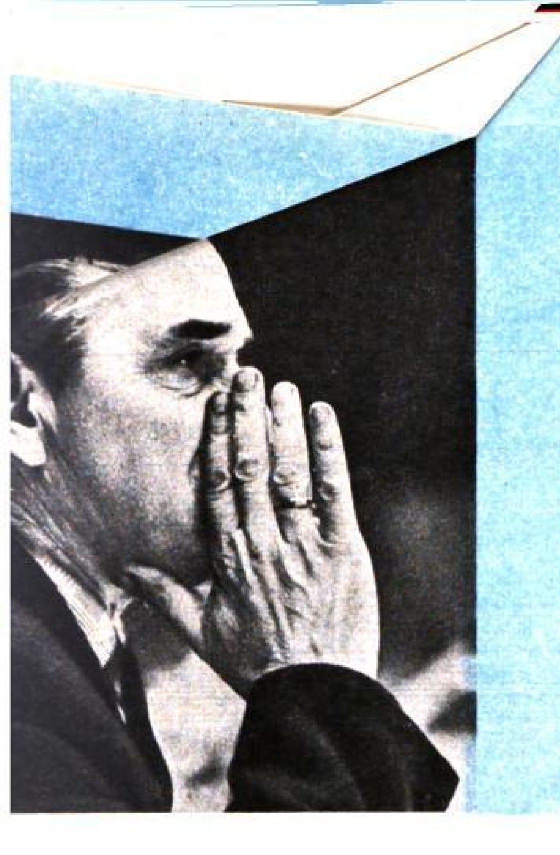
ПОТОМОК ЦИРКОВЫХ СОБАК

Этот бульдог хотя и не получил премии на международной выставке собак в Будапеште, все же привлек внимание посетителей. Пес по имени Гамлет Астор — потомок цирковых собак и, видимо, поэтому без всякого смущения позирует перед зрителями в очках.

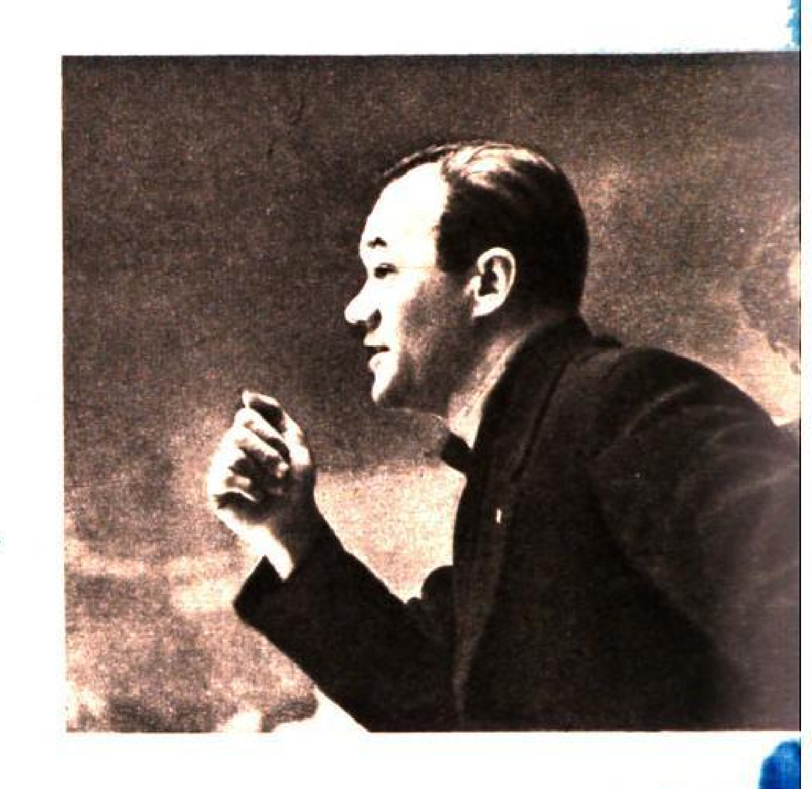


ПО ПУТИ В ДЕТСКИЙ САД

Маленький американец из города Олбани Биль Котон каждое утро совершает путешествие за спиной у матери, руки которой заняты книгами. Мама его — студентка. Она позаимствовала такой способ у эскимосов.









БИТВА ХОККЕЙНЫХ БОГОВ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Фото А. Бочинина.

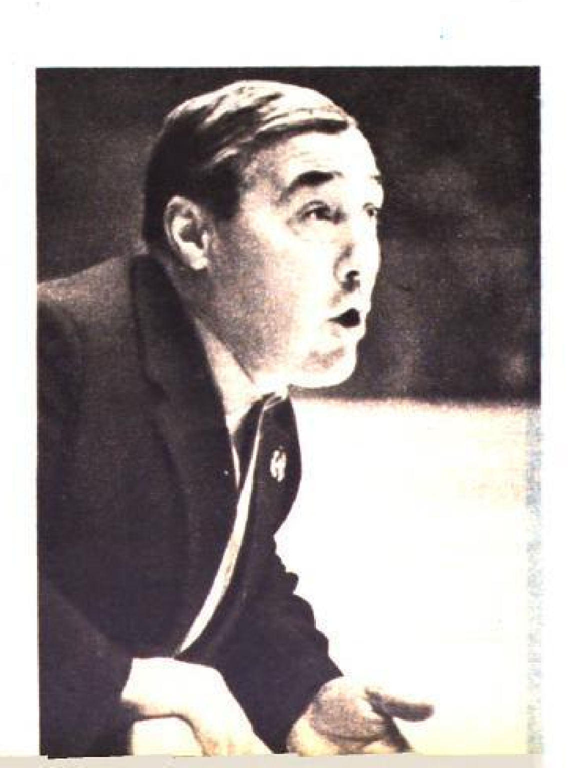




В моих комментариях к настоящим снимкам, вероятно, будет много субъективного, потому как я есть болельщик со всеми вытекающими отсюда последствиями. Болельщик — я имею в виду настоящего, а не лжеболельщика — однолюб. Он не изменит своей возлюбленной команде ни при какой погоде, он останется верен ей при всех превратностях изменчивой спортивной судьбы. Иной раз он по тактическим или стратегическим соображениям либо из естественного чувства самосохранения (попал в плотное кольцо болельщиков противной ему команды) прикинется нейтральным, однако такое притворство продлится не более одной минуты: соседей по трибуне не проведешь, они вмиг распознают, за кого ты и против кого.

И все-таки в данном случае я сделал для себя железную внутреннюю установку: во что бы то ни стало сохранить в тайне предмет моих болельщических воздыханий. Думается, мне это удастся. Ведь речь пойдет не о самих игроках, а об их тренерах, не о состязании, которое у всех на виду, а о битве хоккейных богов, за коей в ущерб для себя почему-то не следит наш брат, болельщик: глаз его занят созерцанием ледового побоища непосредственно на поле.

Многие годы моя трибуна во Дворце спорта располагалась за спиною хоккейных полководцев. Спина же, хоть и бывает в определенные ми-





нуты весьма выразительной, все же не настолько, чтоб мы могли судить с достаточной степенью достоверности, какие страсти бушуют в душе тренера, сколько тревог вмещает она в ту или иную секунду. Обо всем этом может рассказать нам лицо, глаза, по праву и давно нареченные зеркалом души человеческой.

Однажды я проявил беспечность, вовремя не обзавелся билетом и купил таковой с рук, оказавшись, таким образом, на трибуне, обращенной лицом к тренерам. И тут-то, к огорчению своему, понял, что в течение многих лет — а точнее, зим — обкрадывал, лишал себя дополнительного великолепного зрелища: я впервые увидел битву психологическую и потому более захватывающую. С той поры две трети времени из шестидесяти чистых минут я напряженно слежу за тренерами и по их лицам, по их телодвижениям, по их замысловатым жестам угадываю безошибочно, что творится на самом ледяном поле.

Вот Чернышев прислонил ладонь к щеке. Вы можете подумать, что он нашептывает что-то Юрзинову, дает какие-то таинственные, коварные советы. Но все не так. Жест сей означает совсем другое — тренер хочет крикнуть своим защитникам: следите же наконец за Локтевым, ведь в любую секунду он может оказаться один на один с вратарем, а чем все это кончится — известно: молниевой вспышкой за спиною вратаря.

Готов поклясться, что два следующих снимка сделаны фотокорреспондентом на одном матче — ЦСКА — «Спартак», где только на последней минуте чемпиону удалось выправить положение и свести игру к не очень-то почетной для него ничьей. Взъерошенный вид Анатолия Тарасова мог бы подсказать нам, что ему не шибко нравится ситуация, складывавшаяся на льду.

Всеволод Бобров доволен, он «весь как божия гроза». Он вдосталь поиграл на нервах своего противника. Помните, как сбивал он темп бесконечными сменами троек, пятерок, двоек и просто одиночных игроков; неприятель, разгоряченный неудачей, рвался в бой, кипел страстью отмщения, а Бобров взвинчивал его нервы своими странными манипуляциями. Впрочем, под конец лик его несколько потускнел, но фотограф запечатлел прославленного хоккейного бойца в минуту наибольшего озарения. Может быть, потому, что фоторепортер, сделавший этот вдохновенный кадр, давний болельщик «Спартака», за многие годы не предложивший редакции ни единого снимка, где б на первом плане не изображалась знаменитая майоровская (иногда ее называют старшиновской) тройка.

Александр Виноградов, тренер «Крылышек», кажется, уже и сам готов перемахнуть, как это делал в недалеком прошлом, через забор и навести порядок в боевых рядах своих питомцев: ведь, кажется, он сделал все, чтоб победить, дал подробнейшие напутствия команде и каждому игроку в отдельности, и вот не получается, не клеится. Отчего бы это?..

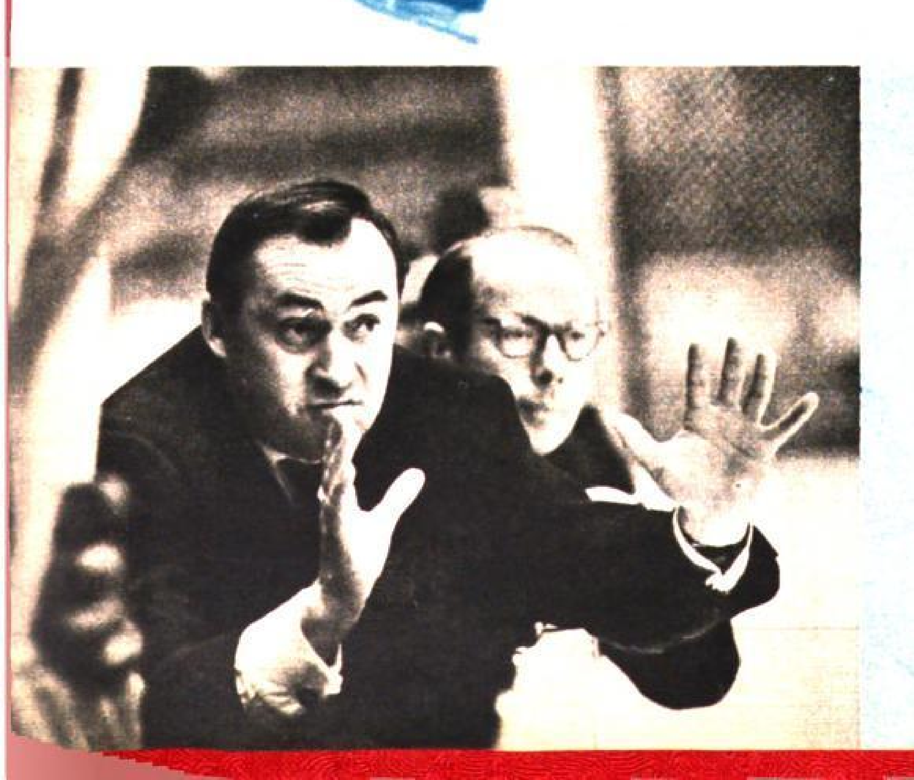
За Виноградовым мы видим Анатолия Кострикова. Последний матч, проведенный его «Локомотивом» во встрече с армейцами, мог бы внушить ему известные надежды. С «Локомотивом» шутки плохи — в этом еще раз убедился Анатолий Тарасов.

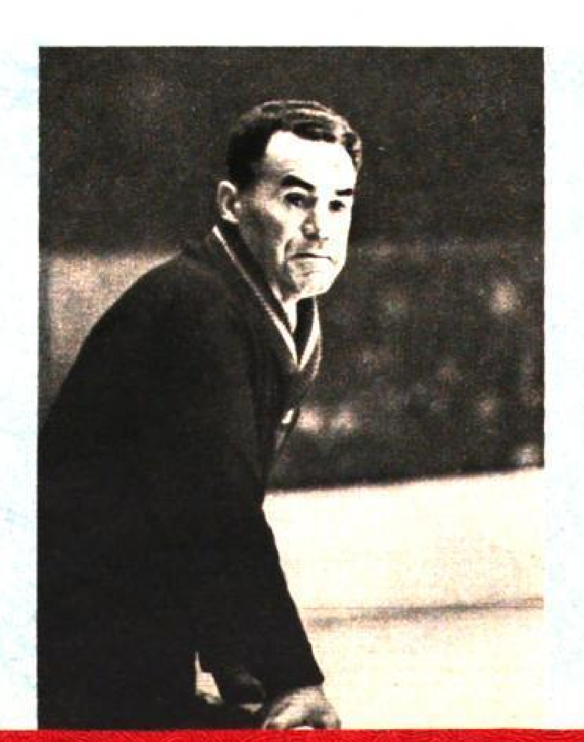
Николай Эпштейн внешне обычно самый спокойный из тренеров. Он выпускает свой «Химик» на бой и почти недвижно на протяжении всего состязания ведет наблюдения. Во всяком случае, мне не приходилось видеть, чтобы он бегал туда-сюда перед игроками и размахивал перед самыми их носами кулаком. Встреча с ним не всегда бывает радостной для тренеров, избалованных победами: «Химик» нет-нет да и покажет себя!.. Каждый год он появляется почти совершенно обновленный: тренеры других команд как-то и с чьей-то легкой руки приладились переманивать к себе лучших бойцов этой вечно молодой, вечно юной команды, давно уже ставшей нечто вроде запасной роты, из которой черпают пополнение маститые москвичи.

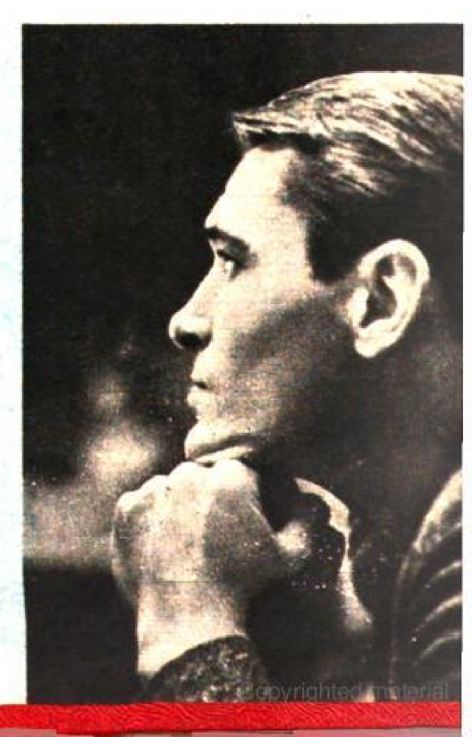
Какие мысли теснятся в голове знаменитого в прошлом хоккейного вратаря Николая Пучкова, ныне тренера команды «СК — Ленинград», пускай отгадает читатель.

Однополчанам-болельщикам мой совет: следите за поведением тренеров, и картина ледового сражения в этом случае будет для вас полной. К операторам телестудии нижайшая просьба: не ленитесь, друзья, почаще наводите глазок своего аппарата на тренеров, великая армия телеболельщиков будет вам премного благодарна.

Вот на этом я и заканчиваю свой комментарий. Надеюсь, мне все же удалось сохранить болельщицкое инкогнито. Я ни единым словом не выдал себя, я даже накануне написания этих заметок, во время матча сборных команд Чехословакии и СССР, ни разу не подошел к Анатолию Тарасову...







В Советском Союзе по приглашению «Огонька» гостил польский писатель Марек Садзевич, автор нескольких повестей и романов, сотрудник варшавского журнала «Столица». Ниже публикуется очерк М. Садзевича, написанный им специально для нашего журнала.

СЕГОДНЯ В БАЧКАХ СПЕКТАКЛЬ

Марек САДЗЕВИЧ

Я хотел бы рассказать о Бачках. Это село расположено в каких-нибудь 70 километрах от Варшавы, но оно кажется глухим и отдаленным, затаясь среди лесов, в нескольких километрах от железнодорожной станции. Деревня протянулась вдоль дороги километра на четыре. Она живописна и нравится мне, хотя бы потому, что напоминает парк. У всех домов растут красивые деревья, каждый хозяин в Бачках считает, что дом без деревьев — это не дом.

Почему я хочу рассказать о Бачках? С этим местом связаны многие воспоминания моей молодости. Это, однако, не имеет никакого отношения к моему рассказу. Но что, вероятно, заинтересует читателя, так это бачковский театр, поистине народный сельский театр. В 1965 году он будет праздновать свое сорокалетие. Я хорошо знаю его историю. Когда возник первый театральный коллектив, а это было в 1925 году, жизнь в деревне была совершенно иной, чем сейчас. И теперь еще можно здесь увидеть дома, крытые соломой, но их становится все меньше. Все новые дома, построенные и строящиеся,— кирпичные. В те годы в деревне не было радио и телевидения и никто даже не знал, что такое велосипед. Первый велосипед был приобретен именно коллективом театра. На первый спектакль, тщательно подготовленный и поставленный в сарае, никто не пришел: ведь никто не знал, что такое театр. Звуки скрипки и баяна привлекли любителей потанцевать. Они и стали первыми зрителями. На других спектаклях зрителей становилось все больше, однако театр играл в случайных помещениях: на старом постоялом дворе, в каком-нибудь доме,—и лишь четыре года спустя театр получил свои подмостки.

Это произошло так. Группа молодежи, составившая первый коллектив и бывшая в какой-то степени общественным активом деревни, организовала добровольную пожарную охрану, которая на свои средства при поддержке всей деревни построила деревянное помещение для пожарной команды, где соорудили сцену с кулисами и различные подсобные помещения.

Труппа бачковского театра славилась по всей округе. На спектакли приходили люди не только из Бачек, но и из близлежащих деревень. Кроме того, театр выезжал на гастроли в окрестные села. Репертуар был разнообразный. Я горжусь тем, что премьера моей пьесы, первого моего литературного сочинения, «Помолвка пожарника», состоялась на этой сцене.

Коллектив театра работал самостоятельно, без какой-либо помощи, и, несмотря на это, работа продвигалась успешно, нашлись средства на театральные костюмы, реквизит, музыкальные инструменты. В 1935 году театр в Бачках отмечал свое десятилетие, и многие участники получили дипломы и серебряные медали.

Началась война, наступило мрачное время оккупации. Члены театрального коллектива — мужчины ушли на фронт или в партизанские отряды. Но театр в Бачках не умер. Группа молодежи продолжала ставить пьесы: он просто стал подпольным театром. В это время вся культурная жизнь Польши продолжа-

«Я НУЖЕН СТЕПИ ДО ЗАРЕЗУ»

Азат АБДУЛЛИН

Ветеранам совхоза Савочкину Роману Максимовичу (слева) и Гильмуранову Бикмухамет-ага есть что вспомнить...

Фото М. Савина.



Это было в пору моего детства.

Каждый год, как только наступит весна, мы, деревенские мальчишки, бежали на пригорок в полуверсте от нашего села. Там цвели первые подснежники. Там мы встречались с весной, там рождались наши первые грезы.

Однажды — это было перед войной — на южной стороне пригорка мое внимание привлек небольшой позеленевший камень. На камне были нацарапаны слова: «Здесь похоронен...» Дальше нельзя было разобрать: камень ушел под землю.

Я спросил о могильном камне у матери. Она сказала, что это был русский джигит, работал в совхозе, и говорили, будто слагал шигыр — стихи. А погиб он во время паводка.

лась в подполье, Бачки не были исключением. Режиссером этих постановок была профессор Адольфина Пашковска.

В конце войны здание театра было разрушено.

После освобождения бачковский театр был восстановлен и возобновил свою работу. Сейчас он входит в Союз любительских театров, который оказывает ему творческую помощь в выборе репертуара, в подборе костюмов, консультациями профессиональных режиссеров. Коллектив дал своему театру название «Лямус». Почему так назвали? Попробую объяснить.

Бачки имеют свои памятники старины. Это старый деревянный особнячок XVIII века и еще более старое, пожалуй, трехсотлетнее каменное оборонное сооружение, которое в народе называют Лямусом. Вокруг этих памятников стоят вековые липы, грабы, каштаны, ели. С этим романтическим уголком связаны различные легенды. Рассказывают, что здесь жил когда-то пан Твардовский — чародей, чье зеркало — орудие волшебства — и поныне хранится в уездном городе Вэнгруве.

В Лямусе ежегодно проводит весну, лето и осень восьмидесятилетний профессор Адольфина Пашковска, удостоенная правительственных наград за пятидесятилетнюю артистическую и педагогическую деятельность. Она является режиссером бачковского театра.

В ясный осенний день 1964 года я опять приехал в Бачки. Сегодня в театре очередной спектакль. Уже после полудня во всей деревне чувствуется праздничное настроение. К зданию театра стекаются зрители. Никто не остался дома. В театр пришли пожилые и молодые, дети, матери с грудными младенцами. Я неоднократно задавал себе вопрос: разве сейчас, когда в каждом доме есть радио, кое-где телевизоры, часто устраиваются просмотры кинофильмов, разве в таких условиях самодеятельный народный театр может пользоваться успехом? Оказывается, да. Интересно еще и то, что зрители, в том числе и мальчишки, охотно платят за вход. А после спектакля все они будут интересоваться: каков сбор? И все будут довольны: в театральную кассу поступила большая сумма.

...Зал уже полон. На сцену выходит молодая девушка и объявляет: «Сегодня мы покажем пьесу известного польского комедиографа Фредры!» Мне не только интересно смотреть на игру молодых актеров, но и наблюдать за лицами зрителей. Сколько на них радости, душевного волнения, как горят их глаза! Ведь на сцене свои! Отцы, матери, деды выступающих сегодня тоже были актерами, а дети надеются стать ими в будущем. Руководитель труппы — шестнадцатилетний Стась Колодзеек — сын режиссера этого театра, его мать пришла на сцену еще ребенком. Сейчас у нее уже взрослые дети, она бабушка. И поэтому не удивительно, что родители всячески поощряют искренние стремления своих детей и никогда не отказывают в помощи или совете.

Спектакль окончен. Актеры по заболоченной дороге, в темноте бегут с цветами в Лямус к своему режиссеру — профессору Пашковской, которая из-за слабого здоровья не смогла прийти на спектакль. Они соберутся у ее кресла под старинными сводами и запоют песни. А там, где шел спектакль, начинаются танцы. Будут танцевать самые модные танцы, а также старые вальсы, польки и оберки, а в перерывах, когда музыканты отдыхают, молодежь организует игры, хороводы... Эти игры и мелодии очень старые, дошедшие до наших дней чуть ли не с восемнадцатого века. Смотрю и слушаю с волнением. Так новое встречается и уживается со старым.

После конкурса



Победители конкурса имени М. П. Мусоргского. Слева направо: Игорь Новолошников (Ленинград), Валентина Афанасьева (Челябинск), Борис Мазун (Новосибирск).

Фото А. Конькова (ТАСС).

Труден для исполнителя-певца Модест Петрович Мусоргский. Глубокий психологизм отличает его романсы и песни, в нотных строках — широчайшая гамма чувств и раздумий.

Строг и ревнив композитор к правде. Малейшая фальшь в трактовке нетерпима. Надо много передумать певцу для того, чтобы близко подойти к тому, что хотел сказать людям Мусоргский своим «Семинаристом» или «Трепаком».

Сейчас уже заклеены новыми концертными афишами анонсы о Всесоюзном конкурсе имени Модеста Петровича Мусоргского. Музыкальная жизнь столицы идет своим чередом. Разъехались по домам участники конкурса. Многим путь предстоял далекий: на Урал и в Сибирь, в Закавказье и в Прибалтику...

Валентина Афанасьева, побывав дома в Челябинске, повидав дочку и мужа, едет, наверное, по снежному большаку в очередную концертную поездку. Еще когда она была в Москве, ей звонили из Челябинска, из филармонии. Поздравили с большим успехом — победой в конкурсе, сказали, что ждут, что уже обещаны концерты с ее участием музыкальным лекториям в Златоусте, Миассе, Южно-Уральске, Троицке.

Диплом лауреата в красивой папке оставлен дома. Он будет всегда напоминать о волнениях и радостях, пережитых в Москве. О том, как в сверкающем Большом зале консерватории председатель жюри вручал ей этот диплом, как все аплодировали, как в маленькой репетиционной комнате за сценой окружили, жали руки, поздравляли. Это были минуты славы. Слава сверкала потом огнями юпитеров кинохроники, когда она пела в заключительном концерте Гадание Марфы из «Хованщины», слава кричала «Браво!», требуя, чтобы молодая певица вышла на сцену еще и еще.

Хорошо пережить такие минуты. И, пожалуй, главное, что они пришли не случайно, не вспышкой неожиданной удачи, не привычным успехом баловня судьбы. Полуголодной девчонкой бегала Валя Афанасьева холодными утрами работать на завод в военные годы. От отца и брата не было писем с фронта, и надо было говорить матери, что все бывает, надо только подождать. Сколько же они ждали!

А потом — педагогическое училище. Только один час вокала в неделю. И, верно, не стать бы ей певицей, если б не встретился на пути Константин Петрович Таврин. Воспитанник Московской консерватории, человек с прекрасным голосом, он был танкистом в годы войны. Война оставила певца без ног. И это он преподавал в педагогическом училище на Урале вокал — час в неделю. И это он сумел распознать голос певицы у коренастой девочки с завода и дал этому голосу жизнь.

Хранится у Валентины диплом Гнесинского института. Не так давно пришлось ей доставать этот диплом, показывать дирижеру оперы в Челябинске. Почему-то невзлюбил этот человек молодую певицу. «Простите,— говорил он,— но вы профессионально непригодны! Как, вы кончили Гнесинский?..» Принесла и показала диплом. А в дипломе — одни пятерки. Не убедительно? Оказалось, нет. И пришлось уйти из оперы. Из-за профессиональной непригодности.

А в Москве на труднейшем вокальном конкурсе оказалась в числе трех лучших из лучших. В Москве тур за туром слушали ее прославленные мастера вокала, члены жюри и удивлялись и радовались глубине трактовки образов, созданных великим Мусоргским, мощи и теплоте голоса молодой уральской певицы.

Хорошо пережить счастливые минуты. Сейчас, когда пишется эта небольшая заметка, после конкурса имени М. П. Мусоргского Валентина Михайловна Афанасьева едет, наверное, снежным большаком в Миасс или в Троицк. Там ждут ее рабочие клубы и дружные аплодисменты крепких, сильных рук.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Вскоре началась война. На второй, а может, на третий год войны у нас была буйная весна — река вышла из берегов, затопила окрестности. Как только она утихомирилась, мы, как всегда, побежали на пригорок за цветами. А камня уже не было: река обрушила высокий берег, а вместе с ним унесла и могилу...

Шли годы. Взрослые старели, мы взрослели. Я уже учился в большом городе. И вот как-то в «Новом мире» я прочел слова: «Иняк», «Ибряево». Это названия наших сел. Речь в стихах шла о моем крае, о нашем совхозе. Кто же написал об этом?

Сергей Чекмарев!

Так я узнал имя того «русского джигита», чья могила была унесена рекой и чья судьба волновала меня с детства. Его судьба, звонкая и ясная, как и его поэзия, стала частицей большой судьбы не одного поколения романтиков. Окончив Тимирязевку, молодой зоотехник уехал работать в башкирские степи. Там он написал свои лучшие стихи. Он никогда не держал в руках своих книг, но они известны сегодня каждому, кто собирается в дальнюю и трудную дорогу.

...И вот вновь я иду по этой земле, про которую Сергей написал:

Я только здесь нашел себе,
Чего всю жизнь искал.

На пригорке сидит старик. Это Савочкин Роман Максимович. Ему 74 года, сейчас он на пенсии.

По пути с работы свернула к нему рослая, крепкая женщина. Это дочь старика — Анна. Она сказала отцу с улыбкой:

— Говорит, Савочкин сидит на горе и все видит.

Старик прислушивается к словам дочери.

— На эту гору я поднимался всю жизнь...— И, помолчав, продолжает:— Недавно один мой приятель отдал свой фруктовый сад школьникам, хотя у него есть и свои сыновья... На том месте, где человек падает, должно жить не только дерево, но и смена...

Люди вспоминают, как в тридцать первом году, едва организовался совхоз «Иняк», Савочкина назначили бригадиром полеводческой бригады. Вся «механизация» — двадцать конных плугов. С весны до осени поднимал здешнюю целину на быках. Первым в эту землю бросил зерно он, Савочкин. И еще люди вспоминают, как семнадцатилетняя его Анна первой в совхозе села на трактор, а потом на трактор сели вторая дочь, Елена, муж ее, братья Павлуша и Петя. Помню, как в годы войны Анна на единственной во всем совхозе полуторке возвращалась из Саракташа — с элеватора; пока нагружали машину зерном, она сто первый раз латала латанную-перелатанную камеру и снова гнала машину на элеватор. Анна Савочкина награждена орденом Ленина.

Поэт-комсомолец Сергей Чекмарев, сам боготворивший землю, искал людей, которые бы выражали себя через землю.

Роман Максимович ведет меня к другому ветерану совхоза — к Гильмуранову Бикмухамет-ага. Мы шагаем мимо гаража. Он полон автомашин, самоходных комбайнов. В совхозе теперь одних тракторов больше семидесяти. А я вспоминаю строки из писем Чекмарева: «У нас в совхозе нет ничего. У нас узд для лошадей не хватает».

Чекмарев свою любимую женщину звал к себе, в совхоз. Романтик, он рисовал жизнь в совхозе в самом розовом свете, но когда дело коснулось жилья, то вынужден был писать: «Я уже думаю, не поместить ли тебя где-нибудь на ферме?..» Совхоз «Иняк» — ныне одно из лучших хозяйств в Башкирии. Окна каменных домов, только что выстроенных для рабочих, манят уютом.

Бикмухамет-ага встречает нас крепким рукопожатием. Я показываю ему портрет Чекмарева.

— Я работал при нем гуртоправом...— говорит он тихо, как бы самому себе.— Он любил скот, лошадей любил.

У меня никогда не хватит духу —
Ни сердце, ни совесть мне не велят —
Покинуть степи, гурты, Гнедуху
И голубые глаза телят...

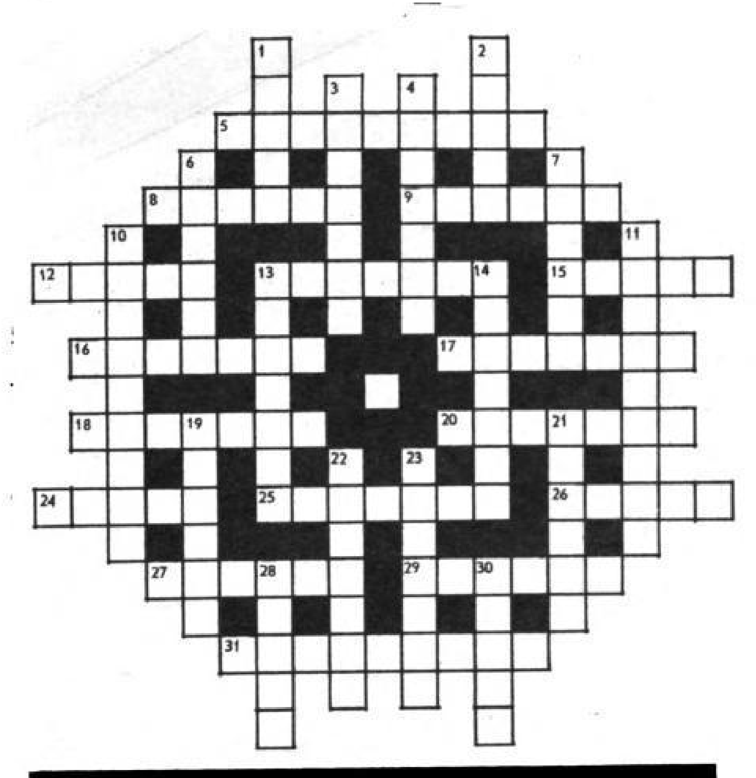
— Настоящие... Крестьянские стихи... А мы знали его только как главного зоотехника,— задумчиво говорит Гильмуранов.



У памятника Сергею Чекмареву.

Перемахнув курган, я спускаюсь в долину. В долине звенит девичий смех. Доярки готовятся к вечерней дойке.

Прислоняюсь к березке. Вспоминаю Сергея Чекмарева: «Я нужен степи до зарезу...» Мне хотелось сказать Чекмареву: все в порядке, совхоз процветает, тебя помнят.



КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Советская балерина. 8. Обломки горных пород, отложенных ледником. 9. Пианист, народный артист СССР. 12. Хищное животное семейства куньих. 13. Вулкан в Мексике. 15. Сборник географических карт. 16. Игрок хоккейной команды. 17. Проверочное испытание. 18. Роман В. Кочетова. 20. Современное зимнее двоеборье. 24. Малая планета. 25. Приток Колымы. 26. Безветрие, затишье. 27. Озеро в Хабаровском крае. 29. Кустарник, декоративное растение. 31. Музыкально-драматическое произведение.

По вертикали:

1. Французский поэт, создатель «Интернационала». 2. Кожа для обуви. 3. Персонаж оперы М. И. Глинки. 4. Артист цирка. 6. Термин в боксе. 7. Домашний костюм. 10. Русский терапевт. 11. Иносказание. 13. Пролив между Апеннинским и Балканским полуостровами. 14. Полярная область земного шара. 19. Советский историк литературы. 21. Фильм кинорежиссера В. Басова. 22. Поэт, автор стихотворения «Песня пахаря». 23. Штат США. 28. Порт в Архангельской области. 30. Литературный жанр.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

6. Ковалевская. 9. Куприт. 10. Купала. 12. Анапа. 14. Иртыш. 16. Монисто. 19. Лобан. 20. Почтальон. 21. Аквамарин. 23. «Верба». 25. Вокализ. 26. Атолл. 30. Кросс. 32. Бештау. 33. Турман. 34. Лингвистика.

По вертикали:

1. Кварта. 2. Засека. 3. Бобрик. 4. Гербарий. 5. Гарпун. 7. Бутсы. 8. Плато. 11. Термометр. 13. Гладиолус. 15. Шкала. 17. Олово. 18. Такси. 19. Лемма. 22. Лавочкин. 24. Багет. 27. Титан. 28. Латвия. 29. Геракл. 30. Кунгас. 31. Статор.

На первой странице обложки: Золотые руки русских умельцев создали эту чудесную коллекцию. Удивительные фигурки кукол одеты в редкие по красоте и вкусу одежды, созданные из подлинных народных образцов тканей, кружев и вышивок всех губерний России конца XIX века.

Это уникальное собрание хранится в музее промышленного художественного училища имени В. Мухиной в Ленинграде.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

На последней странице обложки: Лес в зимнем уборе.

Фото М. САВИНА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

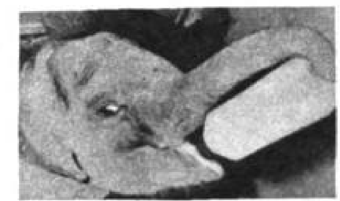
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00810. Подписано к печати 9/XII 1964 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 862 000. Изд. № 2077 Заказ № 3280.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

АБАВНЫЕ МЕЛОЧИ



САМООБСЛУЖИВАНИЕ

Слоник из зоопарка города Индианаполиса (США) не нуждается в услугах сторожей. Он сам хоботом берет пластмассовую бутылку и без посторонней помощи опоражнивает ее содержимое в рот.



ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Как известно, многих зверей для киносъемок привозят в Европу из Африки. Однако случается и обратное. Так, недавно двух молодых львят из Дублинского зоопарка пришлось отправить из Европы на родину, так как в африканском заповеднике в Бечуаналенде не смогли найти ни одного львенка, который бы мог сыграть, как его европейские собратья.



ВЕРХОВОДЯТ ЖЕНЩИНЫ

Во французском селе Кужанс-о-Форж, в 80 километрах от города Нанси, все административные должности занимают женщины. Почта, финансовое управление, сберкасса и многие другие учреждения находятся в руках «сельских амазонок», к удовольствию мужей, которые целиком посвятили себя сельскому хозяйству.



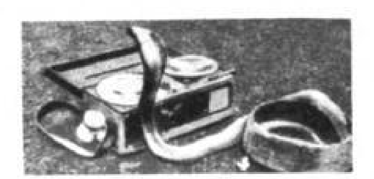
ОРУЖИЕ ДРЕВНИХ ОХОТНИКОВ

Прошедшим летом во время раскопок в ложе будущего водохранилища Красноярской ГЭС было найдено уникальное изделие наших предков, живших на Енисее 13 тысяч лет назад. Это кремневая пластина, которая вставлялась в наконечник копья. Таким оружием пользовались древние люди задолго до появления металла.

З. АБРАМОВА

КОБРА И МАГНИТОФОН

В Индии недавно был проведен интересный опыт. Звуки флейты, которыми индийские факиры приманивают кобр, записали на магнитофонную пленку. Опасная змея под звуки магнитофона с большим энтузиазмом исполняла свой танец.



МАШИНА УЧИТ ПЛАВАТЬ

В Марселе недавно прошла испытания хитроумная машина, помогающая научиться плавать. Она состоит из трех воздушных камер, которые поддерживают легкое металлическое сооружение. Начинающий пловец закрепляет машину на талии и легко и свободно передвигается в воде. Она гарантирует абсолютную безопасность и обучает плавать даже самых неспособных.



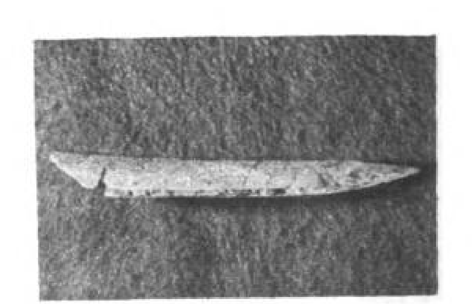
БЛИЗНЕЦЫ НА ПРОГУЛКЕ

Недавно пятерым близнецам из Абердина (США) исполнился год. По этому случаю счастливые родители вместе со своими детьми отправились на прогулку в машине.



ДЕВУШКА-КУЗНЕЦ

Восемнадцатилетняя Флоренса Рурк, проживающая в одном селе вблизи Майами, — единственная женщина в США, занимающаяся подковыванием лошадей. Этому Флоренса научилась у своего отца — старого кузнеца.





ЗА ЕЛКОЙ **Прежде...**



...и теперь. **Рисунок В. Соловьева.**



— Чем вы промывали машину!
— Спиртом.

Рисунок В. Воеводина.

Серенада.
Рисунок М. Суетова.

— Выходи, шеф. Этот привередливый клиент уже ушел.

Рисунок А. Грунина.





— Я же вам говорила: не нюхайте — гуси живые.
Рисунок А. Грунина.



Рисунок А. Грунина.



Рисунок В. Черникова.

В семье шахматиста ребенка учат ходить так...



В семье артистов цирка — так...



В семье работников ОРУДа — так...

Рисунки А. Хлебова.




215